

ISSN 2408-932X

# НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

7(3) 2021

16+

Сайт журнала:  
[rrhumanities.ru](http://rrhumanities.ru)

сетевой научный рецензируемый журнал  
online scholarly peer-reviewed journal





# НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCH RESULT. SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-67557 от 31 октября 2016 г.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications, information, technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate El. № FS 77-67557 of October 31, 2016

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission



Том 7. № 3. 2021

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-932X



Volume 7. № 3. 2021

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-932X

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Главный редактор:** Ольхов П.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Заместитель главного редактора – выпускающий редактор:** Мотовникова Е.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теологии, Институт общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Редактор английских текстов:** Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Ответственный секретарь:** Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент, директор Института сербского языка и коммуникаций Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, Россия

\*\*\*

**Пружинин Б.И.**, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – **председатель редакционной коллегии**

**Антанасиевич И.**, доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

**Аронов А.А.**, доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

**Атлагич С.**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и коммуникации Факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

**Болгов Н.Н.**, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Борисов С.Н.**, доктор философских наук, профессор, директор Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Боянич Петар**, доктор философии, профессор, директор Института философии и социальной теории, Белградский университет, Республика Сербия

**Быкова М.Ф.**, доктор философских наук, профессор, Университет Северной Каролины, США

**Быстрынцев С.Б.**, доктор социологических наук, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

**Вересов Н.Н.**, доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, доцент педагогического факультета, университет Монаша, Австралийский Союз

**Винчигуэрра Лоренцо**, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет имени Ж. Верна (Амьен), директор Центра искусствоведения и эстетики, Франция

**Волкова О.А.**, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры социальной работы, Академия труда и социальных отношений (Москва), Россия

**Денич (Михаилович) Сунчица М.**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языка и литературы Педагогического факультета во Врanye государственного Нишского университета, Республика Сербия

**Жиров М.С.**, доктор педагогических наук, профессор кафедры искусства народного пения факультета музыкального творчества Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

## EDITORIAL BOARD

**Editor-in-chief:** PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

**Deputy chief – make-up editor:** ELENA N. MOTOVNIKOVA, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

**English text editor:** IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod National Research University, Russia

**EXECUTIVE SECRETARY:** VICTORIA N. RYAPUKHINA, PhD in Economics, Associate Professor, Director of the Institute of Serbian Language and Communications, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Russia

\*\*\*

**BORIS I. PRUZHININ**, Doctor of Philosophy, Professor, Editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – **Chairman**

**IRINA ANTANASJEVIĆ**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

**ARKADY A. ARONOV**, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of Civilization and Museum Management Studies Department, Institute of Cultural Studies and Museum Management Studies of Moscow State University of Arts and Humanities, Russia

**SINIŠA ATLAGIĆ**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

**Nikolai N. Bolgov**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Russia

**Sergey N. Borisov**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia

**Petar Bojanic**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Republic of Serbia

**Marina F. Bykova**, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Religion North Carolina State University, USA

**SERGEY B. BYSTRYANTSEV**, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Relations, Mediialogy, Political Science and History, Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics, Russia

**NIKOLAI N. VERESOV**, Doctor of Philosophy, Candidate of Psychology, Professor, Associate Professor, Faculty of Pedagogy, The Monash University, Commonwealth of Australia

**LORENZO VINCIGUERRA**, Professor of Philosophy and Aesthetics at Picardy University named after Jules Verne (Amiens), director of the Center for Research in Arts and Aesthetics, France

**OLGA A. VOLKOVA**, Doctor of Sociology, Professor, Department of Social Work, Academy of Labor and Social Relations (Moscow), Russia

**SUNČICA M. DENIĆ (MIKHAILOVIĆ)**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language and Literature, Faculty of Education in Vranje, State University of Nis, Republic of Serbia

**MIKHAIL S. ZHIROV**, Doctor of Education, Professor, Department of Folk Art, Faculty of Music, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Russia

**ILYA F. ISAEV**, Doctor of Education, Professor, Department of Pedagogy, Belgorod National Research University, Russia

**VLADIMIR M. KAPITSYN**, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Comparative Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia

**Исаев И.Ф.**, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Капицын В.М.**, доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой сравнительной политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

**Кожемякин Е.А.**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Короченский А.П.**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Липич Т.И.**, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Майданский А.Д.**, доктор философских наук, профессор, кафедра философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Максимович Г.**, доктор филологических наук, профессор философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

**Маркович Д.**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

**Микешина Л.А.**, доктор философских наук, профессор, Почетный профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

**Ойтинен Веса**, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

**Окладникова Е.А.**, доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения Факультета социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

**Пенской В.В.**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического института; Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Порус В.Н.**, доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

**Романова А.П.**, доктор философских наук, профессор, Директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии Астраханского государственного университета, Россия

**Фёдорова М.М.**, доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, Россия

**Хамидов А.А.**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

**Харченко В.К.**, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Чжу Цзяньган**, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная республика

**Шаповалов В.А.**, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

**Шувакович У.**, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социальных наук Педагогического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

**Щедрин Т.Г.**, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

**Юбара Анет**, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гутенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

**EUGENE A. KOZHEMYAKIN**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

**ALEXANDER P. KOROCHENSKY**, Doctor of Philology, Professor, Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

**TAMARA I. LIPICH**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

**ANDREY D. MAIDANSKY**, Doctor of Philosophy, Professor, the Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod National Research University, Russia

**GORAN MAKSIMOVIĆ**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

**DEJAN MARKOVIĆ**, Ph.D., Professor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

**LYUDMILA A. MIKESHINA**, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of the Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

**VESA OITTINEN**, Doctor of philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

**ELENA A. OKLADNIKOVA**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Sociology and Religious Studies, Faculty of Social Sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

**VITALY V. PENSKOY**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute; Belgorod National Research University, Russia

**VLADIMIR N. PORUS**, Doctor of Philosophy, Professor, School of Philosophy, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

**ANNA P. ROMANOVA**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute for the Study of Southern Russia and the Caspian; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan State University, Russia

**Maria M. Fedorova**, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Russia

**ALEXANDER A. KHAMIDOV**, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

**VERA K. KHARCHENKO**, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

**ZHU TSZYANGAN**, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Philology at the University of Suzhou, Jiangsu Province, People's Republic of China

**Vladimir A. Shapovalov**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation, Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia

**Uros Suvakovic**, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, Faculty of Education, State University of Belgrade, Republic of Serbia

**TATIANA G. SHCHEDRINA**, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Moscow State Pedagogical University, Russia

**ANNETT JUBARA**, Doctor of Philosophy, Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

*Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*  
*Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.*  
*Журнал выходит 4 раза в год*

*Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University»*  
*Publisher: Belgorod National Research University*  
*Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia*  
*Publication frequency: 4/year*

## СОДЕРЖАНИЕ

## CONTENTS

ИССЛЕДОВАНИЯ		RESEARCHES	
<b>Мальцев Я. В.</b> Бог как субъект докартезианской эпохи	<b>4</b>	<b>Maltsev Ya. V.</b> God as a subject of the pre-Cartesian era	<b>4</b>
<b>Хен Ю. В.</b> План строения живых организмов. История вопроса	<b>16</b>	<b>Khen Ju. V.</b> Structure plan of living organisms. Background	<b>16</b>
<b>Лыткин В. В., Тихомиров В. М.</b> Инкорпорирование Платоном (Левшиным) понятия «благочестие» в пространство российского общества второй половины XVIII века	<b>24</b>	<b>Lytkin V. V., Tikhomirov, V. M.</b> Platon (Levshin)'s incorporation of the concept of "piety" in the socio-political life of Russian society in the second half of the 18th century	<b>24</b>
<b>Борисова О. С., Буйнякова И. С.</b> К апокалипсису и обратно. Время в проекте «нового человека» 20-х годов XX века	<b>33</b>	<b>Borisova O. S., Buinyakova I. S.</b> To the apocalypse and back. Time in the project of the "new man" of the 1920s	<b>33</b>
<b>Чикаева Т. А.</b> Патриотизм как необходимое начало творческого развития человека и культуры	<b>41</b>	<b>Chikaeva T. A.</b> Patriotism as a foundation for the creative development of man and culture	<b>41</b>
<b>Кучерова А. О.</b> Метафора в опыте философии истории Ханны Арендт и Вальтера Беньямина	<b>51</b>	<b>Kucherova A. O.</b> Metaphor in Hannah Arendt and Walter Benjamin's Experience of Philosophy of History	<b>51</b>
<b>Даценко П. А.</b> Преемственность или разрыв? О конституционных актах Германского союза 1815 и 1820 гг.	<b>62</b>	<b>Datsenko P. A.</b> Continuity or rupture? On the constitutional acts of the German Confederation of 1815 and 1820	<b>62</b>
<b>Кавацца А.</b> Писатель из Омегны: заметки и размышления о Джанни Родари	<b>71</b>	<b>Cavazza A.</b> A Writer from Omegna: Notes and Reflections on Gianni Rodari	<b>71</b>
<b>Голева Н. М.</b> Комплексная тропеическая природа детских умозаключений	<b>81</b>	<b>Goleva N. M.</b> Integrated trope nature of children's considerations	<b>81</b>
<b>Беляева У. П.</b> Видеоигры как технокультурный феномен: история становления и социокультурная значимость	<b>91</b>	<b>Belyaeva U. P.</b> Video games as a technical and cultural phenomenon: the history of formation and sociocultural importance	<b>91</b>
<b>MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ</b>		<b>MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS</b>	
<b>Московкин В. М., Гахова Н. Н., Феськова М. И.</b> Оценка результатов логико-математического мышления студентов при решении историко-математических задач	<b>105</b>	<b>Moskovkin V. M., Gakhova N. N., Feskova M. I.</b> Evaluation of the results of logical and mathematical thinking of students in solving historical and mathematical problems	<b>105</b>
<b>Окладникова Е. А.</b> Образование к 2030 и 2035 гг.: форсайт-технологии и телеология рисков и благоприобретений	<b>125</b>	<b>Okladnikova E. A.</b> Education by 2030 and 2035: Foresight Technologies and Teleology of Risks and Benefits	<b>125</b>

## ИССЛЕДОВАНИЯ RESEARCHES

УДК 141.3

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-1

Мальцев Я. В. | Бог как субъект докартезианской эпохи

Тюменский государственный университет, ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень,  
625003, Российская Федерация; *maltsevyaroslav@gmail.com*

**Аннотация.** Целью данной статьи является выдвижение и обоснование тезиса о том, что представление о Боге в докартезианскую эпоху являло собой своеобразный способ рефлексии собственной субъективности человечеством в то время, когда люди еще не были готовы взять экзистенциальную ответственность на самих себя (субъект говорит о себе, но не от себя; либо от себя, но не о себе, как это выразил Ж. Лакан). Для достижения цели автор основывается на идеях и методологии А.В. Павлова (полифокальность, Я-субъективность современности), Ж. Лакана (структурный психоанализ), М. Фуко (микровласть и практики себя). Для написания работы использовался ряд литературных и библейских текстов.

В ходе работы обращается внимание на такие черты субъекта, как: прагматизм, рациональность, либерализм, моральность, креативность, волюнтаризм и девиантность.

В итоге делается вывод, что наличие концепта «Бог», его постепенное развитие, прослеживаемое от Книги Бытия до Нового Завета, показывает эволюцию рефлексии человечества над собственной субъективностью; иллюстрирует, что характеристики субъекта неизменны и не зависят от исторической эпохи, не имеют привязки к пространству-времени, что позволяет говорить о перманентном характере как субъекта, так и связанного с ним бытия-современем – современности.

**Ключевые слова:** современность; перманентная современность; субъективность; картезианство; Бог; практики себя; философия культуры

**Для цитирования:** Мальцев Я. В. Бог как субъект докартезианской эпохи // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 4-15. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-1

Ya. V. Maltsev | God as a subject of the pre-Cartesian era

Tyumen State University, 6 Volodarsky St., Tyumen, 625003, Russian Federation;  
*maltsevyaroslav@gmail.com*

**Abstract.** The purpose of this article is to advance and substantiate the thesis that the concept of God in the pre-Cartesian era was a peculiar way of reflecting their own subjectivity by humanity at a time when people were not yet ready to take existential

responsibility on themselves (the subject speaks about themselves, but not from themselves, or from themselves, but not about themselves, as J. Lacan put it). To achieve the goal, the author bases on the ideas and methodology of A.V. Pavlov (polyfocality, ego-subjectivity of modernity), J. Lacan (structural psychoanalysis), M. Foucault (micro-power and practice of oneself). A number of literary and biblical texts were used to write the work.

In the course of the work, attention was paid to such features of the subject as: pragmatism, rationality, liberalism, morality, creativity, voluntarism and deviance.

As a result, it is concluded that the presence of the concept of «God», its gradual development, traced from the book of Genesis to the New Testament, shows the evolution of the reflection of mankind over its own subjectivity. Furthermore, it illustrates that the characteristics of the subject are invariable and do not depend on the historical epoch, do not have a link to space-time, which allows us to speak of the permanent nature of both the subject and the associated being-with-time-modernity.

**Keywords:** modernity; permanent modernity; subjectivity; Cartesianism; God; practices of oneself; philosophy of culture

**For citation:** Maltsev Ya. V. (2021), “God as a subject of the pre-Cartesian era”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 4-15, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-1

Перманентная современность – это ситуация субъективности. В основе концепции перманентной современности находятся идеи А.В. Павлова (2012, 2013а), вызвавшие дискуссию на страницах журнала «Социум и власть» (Борисов, 2013; Ершов, 2013; Тульчинский, 2013; Чупров, 2013) и призывающие мыслить современность как Я-субъективность (Павлов, 2012) в противоположность традиционному политическому (Капустин, 1998: 25) пониманию, связанному с определенными властными отношениями или историческими веяниями (Baudrillard, 1987). Современность в этой связке рассматривается как взаимосвязь человека и *der Geist seiner Zeit* (Гегель), духа своего времени, то есть времени, принимающего форму культурного потока, одновременно и воздействующего на человека, и видоизменяющегося под влиянием человека, проходя через него. Современность – это созависимость культурного времени и человека, благодаря которой создаются новые проекты-утопии, способные в результате оказаться цивилизационными кирпичиками. Современность – время, воспринимае-

мое и преобразенное, интерпретируемое человеком: как и любой текст (если постмодернистски мыслить реальность (и время) как текст), время не явлено человеку как данность, но только уже проинтерпретированным, причем изначально человек время истолковывает, а потом воспринимает его как данность, то есть совершает относительно времени ту же операцию, какую мы делаем во время чтения. Если прав Лакан, и человек приобретает бессознательное вместе с языком, то время – часть бессознательного и усваивается автоматически, бесконтрольно, под ударами штампов традиций и стереотипов окружения: сначала усваивается *Zeitgeist*, в котором и с которым человек существует, а потом образуется современность, субъект обретает бытие. Субъект – это не просто человек говорящий, расщепленный субъект Лакана (см.: Лакан, 1997: 157), находящийся под воздействием множества разрывающих его и стремящихся им манипулировать сил микровласти (см.: Фуко, 1999), но человек, чья рефлексия проблемы собственного бытия максимально широко охватывает окружающий культурный



контекст («Постичь в мысли свое время» (Гегель, 1990: 55)), а результатом этой рефлексии и позиции субъекта в культурном пространстве оказывается трансформация культуры или ее кластера.

Именно в субъекте – в живом человеческом индивиде (Маркс), активно думающем и действующем, современность и обретает свой перманентный характер: смертность человека не означает смерть человечества, поскольку знание передается от одного индивида к другому, в результате чего общая рефлексия продолжается. Субъект – это индивид, который вышел из-под влияния Большого Другого («виртуальный символический порядок, сеть, которая структурирует реальность для нас» (Жижек, 2005: 336)), собрал самого себя посредством философии и производных практик (психоанализа и того, что А. Бадью называет матемой, поэмой, политическим изобретением и любовью (см.: Бадью, 2003: 15-16)). Как справедливо отмечал Ж. Лакан, субъект «представляет собой свое собственное создание в сфере воображаемого» (Лакан, 1995: 20), где занят перманентным конструированием собственного Я-идеала и изобретением социального фантасма: мира, в котором ему хотелось бы действовать либо приходится действовать, и который в результате действий субъекта принимает ту или иную степень реальности. Субъект, неизбежно адаптируясь под требования мира, вместе с тем адаптирует и его, потому что действия любого человека изначально индивидуальны, оригинальны и получают определенный «отклик» от ситуации, в которой они происходят, «отклик», связанный с реакциями и действиями других людей, образующих «ткань» социального посредством своих взаимосвязей. Иными словами, статья находится в проблемном поле полемики, с одной стороны, о современности и формах, в которых ее предлагается мыслить: здесь необъятный пласт литературы, связанной со спором древних и новых (Половинкина, 2014), модерном и постмодерном, о проблемности которых

говорит множество исследователей (Хабермас, 2008; Varga, 2005), часто предлагая /призывая выработать какое-то иное, более адекватное, наименование для происходящих в культуре изменений (Hutcheon, 2002: 181; Hassan, 2003; Kirby, 2006; Павлов, 2018, 2019a, 2019b) – в русле подобной полемики перманентная современность выглядит фундаменталистским понятием.

С другой стороны, работа связана с дискуссиями о субъекте, где разворачивается многолетняя полемика между философами, находящимися (со всеми возможными оговорками) на картезианской/возрожденческой позиции (М. Фуко, Ж.-П. Сартр, С. Жижек), и философами, видящими субъекта растворенным в надындивидуальных структурах (Р. Барт, Ю. Хабермас, В. Декомб, Л. Альтюссер). В подобном противостоянии автор находится на стороне первых, откликаясь на призыв: «Открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке картезианской субъективности противопоставить философский манифест самой картезианской субъективности» (Жижек, 2014: 24). Комплексное представление о проблеме субъекта в ее историческом и философском аспектах дают труды отечественного классика В.А. Лекторского (Лекторский, 1980; Лекторский, 2001; Лекторский, 2010), а также работа К.Н. Любутина и Д.В. Пивоварова (Любутин, Пивоваров, 1981). Краткий, но емкий обзор можно посмотреть в работе Ю.А. Кимелева (Кимелев, 2006).

Также предлагаемый вниманию читателя опус следует рассматривать в контексте противостояния секуляризма и фидеизма, актуального в последнее время, особенно в западной культуре, где разворачивается интенсивный диалог между сторонниками обоих гносеологических подходов (Эко, Мартини, 2011; Жижек, Милбанк, 2020). В частности, в границах данной статьи автор отталкивается от мысли У. Эко о Боге как идеальном авторе (Эко, 2003: 215-219; Эко, 2007) и мысли

М. Экхарта о необходимости человека Богу (см.: Жижек, 2020: 63-65).

Наглядно ситуация влияния индивида на социальное представлена наилучшим образом в кинокартине «Эффект бабочки» (Э. Бресс, Дж.М. Грубер, 2004), где у героя неожиданно обнаруживается сверхспособность изменения прошлого через изменение собственных поступков в прошедшем. В картине мы видим, как действия Эвана меняют его собственную судьбу и судьбу окружающих его людей. Подобным образом, в более узком масштабе, каждый человек воздействует на окружающий мир, и именно это связывает его с экзистенциальной ответственностью не только за себя, но и за других, о чем говорил Ж.-П. Сартр (см.: Сартр, 1990: 319-344). Действия и влияние субъекта обширней в силу размаха его рефлексии: сосредотачиваясь помимо собственного бытия еще и на социальных, политических процессах, процессах декларации и рождения нового, субъект не только меняет собственную жизнь или жизнь ближайшего окружения, но, подобно апостолу Павлу, создает новый цивилизационный пласт, ниспровергая предшествующий.

А.В. Павлов (см.: Павлов, 2017: 214-220) выделяет следующие черты субъекта: прагматизм (познавательная, преобразовательная, целенаправленная, социальная активность человека), рациональность (проблемное, предметное, методичное, основанное на принятой системе норм мышление), либерализм (самообусловленность, свобода от всех видов возможного принуждения: экономического, юридического, политического и морально-психологического), моральность (умение сосуществовать с другими и вести диалог в своих и общественных интересах), креативность (способность к созданию новых ценностей) и волюнтаризм (стремление обрести власть над самим собой). Эти черты необходимы при обретении субъективности как свободы от власти Большого Другого, постоянно воздействующего на нас своим призывом к принятию определенной фор-

мы (в этом контексте интересен фильм «Чужие среди нас» Дж. Карпентера, 1988 г.). Человек превращается в субъекта, когда освобождает свой разум («Освободи свой разум, Нео», – говорит герой фильма братьев Вачовски «Матрица», 1999) от придающих ему форму сил, проявляющихся в ситуациях, описываемых Л. Альтюссером (см.: Althusser, 2014: 263) как момент узнавания / неузнавания (recognition / misrecognition), интерпелляцию, в которой на нас навешивается ярлык; мы окликаемся этим ярлыком, и мы откликаемся на него. Понимание условности и символичности данного ярлыка – важная черта субъекта (непонимание разрыва между Я и функциональным символическим мандатом – важная черта глупца). Как и отказ маршировать в строю и бить в барабаны – субъект всегда единичен и основывает свои действия на собственном *cogito*.

Однако субъект современности, как субъект культуротворческий, обладает еще одним принципиально важным качеством – девиантностью. Девиантностью не отрицательной, которую демонстрируют агрессивные подростки или люди с различными видами зависимости, но позитивной, то есть при (неизбежно) частичном отрицании существующих норм и правил ведущей к созданию их новых форм. Субъект как девиант пытается преобразовать, а то и заставить работать мир в соответствии с собственными представлениями. «Я не хочу, чтобы меня создавала окружающая среда. Я хочу сам создавать эту среду», – говорит герой Дж. Николсона в фильме «Отступники» (М. Скорсезе, 2002).

У. Эко, анализируя образ сверхчеловека в романах-фельетонах XIX века (Родольф, граф Монте-Кристо, Атос, Люпен и др.), отмечает такую его важную характеристику, как «самоличное решение» (Эко, 2018: 119) героев о способе, которым они будут достигать своих целей и вести борьбу. Как отмечает У. Эко, сверхчеловек в прозе XIX века фактически располагался



вне существующих законодательных рамок, действуя на свой страх и риск и по собственному усмотрению. Такое же положение сверхчеловека мы можем наблюдать и в кинобоевиках века XX (см.: Куренной, 2009: 35-48), где определенный человек, обладающий сверхнавыками, в какой-то момент, когда институты государства по какой-то причине не работают, берет на себя функции по восстановлению справедливости, имеющей в том числе важное социальное измерение. Герой, движимый личными причинами, своими действиями оказывает влияние на общее. Он выходит за границы дозволенного, но этот выход по итогу оказывается оправданным и со стороны общества, и со стороны государства. Герой, действуя вопреки закону, устанавливает Закон, всегда переписанный, включающий личное представление героя о морали.

Подобный, как его называет В. Куренной, *картезианский*, герой возникает в европейской культуре только вместе с эпохой Просвещения, когда человек, с одной стороны, обретает большую власть над природой, с другой, открывает существование огромного внешнего мира, не отраженного в Священном Писании, с третьей, обнаруживает, вернее, улавливает, рефлексировать, принимает окончательно свои собственные основания в своей собственной мысли – впервые речь об основаниях Я в собственной мысли заходит у Августина (Августин, 2000), который интуитивно схватил, но не развил мысль; высказывается Р. Декартом (Декарт, 1989) и получает окончательное оформление в концепции трансцендентального субъекта у И. Канта (Кант, 1994).

Однако до появления теории Картезия – до появления самодействующего субъекта в европейской культуре, то есть субъекта, берущего на себя ответственность за происходящее с ним и вокруг него, а не перекладывающего его на Другого<sup>1</sup> – у человечества был Другой, которому

предписывалось установление земных и человеческих законов. Этим Другим, устанавливающим символический порядок, был Бог. Бог был и Другим (как кто-то противоположный Я; кто-то, во взгляде кого Я существует (и кому нужна жизнь Я, даже если больше никому нет до нее дела), и Большим Другим: Он определял всю символическую сетку, в рамках которой строилась жизнь человека. Бог являлся *радикальным Другим*.

Субъективность в истории одновременно абсолютна и относительна. Ее абсолютность связана с тем, что субъективность проявляется вне зависимости от того, признает человек или культура ее наличие или нет: в якобы а-субъектных культурах Востока перед нами есть яркие примеры субъектов, чье «сияние» сравнимо с субъектами, основавшими европейскую цивилизацию, – Будда и Конфуций *невольно* оба оказались основателями цивилизационных матриц, чье влияние продолжается по сей день и где по меньшей мере один вышел за грань существующего символического порядка, чтобы навязать свой. И успешно это сделал. При видимом отсутствии субъективности буддизм, вне его религиозно-обрядовой стороны, несет в себе подрыв любого символического строя. Через буддизм восточная культура пришла к осознанию субъективности, пожалуй, раньше, чем это сделала культура европейская, но пошла своим путем, обращая субъективность вовнутрь, в то время как особенностью иудео-христианской культуры стало распространение этой субъективности вовне. Абсолютность субъективности проявляется в ее универсальности – это базовая единица культуры, возникающая в момент столкновения человека с конфликтом между принципом реальности и принципом удовольствия (Фрейд, 2006), между Я и Ид / Сверх-Я, между идеалом своих стремлений и реальностью, требующей от человека определенных шагов. Субъективность приходит с осознанностью себя и Другого, где Другой не обязательно кто-то, но нечто

<sup>1</sup> Не-Я, кто-то противоположный мне.

противоположное. Осознание себя за себя и оппозицию себя и Другого человек производит в любое время и в любой культуре по меньшей мере с момента возникновения у него языка. Абсолютность субъективности сродни движению мирового духа у Гегеля.

Относительность субъективности связана с культурно-исторической практикой признания себя за себя (Я=Я у Фихте). Именно в рамках относительности мы можем рассматривать человека как субъекта-несубъекта или отдельные культуры как признающие субъективность или отрицающие таковую. В контексте относительности, конечно, самой субъективной культурой оказывается европейская, где индивидуализм возведен в превосходную степень. Относительность субъективности связана с тем, насколько та или иная культура воспитывает в своей среде самостоятельно думающих и действующих людей, обладающих развитым личным сознанием и воспринимающих себя не столько частями целого (общества), сколько его партнерами. Отсюда определенное выстраивание политических отношений: публичное использование разума в греческих полисах и демократия как пустое место (С. Жижек).

Относительность субъективности связана с признанием экзистенциальности Я, что оказалось невозможным для европейской культуры до Декарта и только через Канта, Гегеля и Фихте (в какой-то степени Маркса, в какой-то степени Ницше) привела к психоанализу как процедуре истины (А. Бадью). Конечная заслуга Фрейда состояла в окончательном признании субъективности и введении в интеллектуальный инструментарий человечества методов работы с ней. Теория Фрейда, затем Лакана, не ниспровергла человека, как это часто утверждается, не перечеркнула его, но, напротив, со всей очевидностью представила человечеству человеческое. Фактически весь XX век прошел в попытке людей научиться с этой субъективностью жить. И это освоение наследия Фрейда продолжается в настоящее время. Особен-

ности нашей сегодняшней культуры вовсе не определяются ни концом метанарративов (на самом деле они всё так же есть, а капитализм живет всех живых), ни концом истории (сам капитализм есть история, потому что, видимо, соответствует инстинктивной сущности человека), ни какими-то иными культурными штрихами (цифровой культурой постпостмодернизма), кроме одного – признания субъективности себя и Другого, диалогичного характера культуры и становления субъект-субъектной парадигмы. Но это все культура модерна. И в этом отношении модерн не завершен (Хабермас, 2008).

Символом субъективности, субъектом домодерновой Европы был Бог. Бог – явление уникальное: в какой-то момент Бог как идея собирает в себя субъективность разрозненных множеств и становится суперкультурным героем, являющим собой силу человеческой общности и воплощающим в себе закон Сверх-Я. После этого он снова распадается – «смерть Бога» – на множества, но если в первый раз эти множества являли собой абстрактные фигуры божеств, которые мыслились как сверхсущности и отражали веру в свои силы небольших племенных образований, существующих среди других образований и ведущих диалог друг с другом, то при последующем распаде Бог дробится на «элементарные частицы» (М. Уэльбек), то есть его свойства оказываются свойствами каждого человека. Каждый оказывается Богом самому себе и сам для себя. Пусть не всезнающим, не всемогущим и не всеблагим, но существующим и несущим крест своего существования. Бог помог человеку осознать, что такое субъективность и принять ее на себя. Бог сначала дает человеку завет, а потом оставляет человека, перепоручая ему управление самим собой.

### Выводы

А) Ветхозаветный Бог есть идеальный субъект, из сознания которого происходит мир, и в сознании которого мир существует. Бог изначально *causa sui*, дан и принадлежит самому себе – *Ego Sum Qui*

Sum (Я Есть Тот, Кто Есть, сравни с принципом Я=Я у Фихте) – то есть Его экзистенция четко определена и не нуждается в каких-либо дополнительных обоснованиях со стороны, Ему не требуется никакой интерпелляции. Ему не требуется никакого признания. Он изначально позиционирует себя как данность и целостность, принадлежащую самой себе и соотносимую только с самим собой. Он не требует признания, но навязывает признание своей самости в речи, обращенной к Другому: «Господь явился Авраму и сказал ему: Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен» (Быт.17:1).

Б) Мы не в состоянии помыслить Бога, поэтому в патристике Бог часто мыслился от противного, то есть от того, чем Он не является. Но, думается, после Ф. де Соссюра и Ж. Лакана мы можем пойти чуть дальше и подумать о Боге как о говорящем субъекте. Бог есть голос. На страницах Ветхого Завета мы не встречаемся с образом Бога, нам прямо говорят, что вид Бога невыносим, а представить Его невозможно. Но мы знаем, что некоторым, избранным, дарована возможность слышать Бога. Итак, Бог есть глас. Голос – важнейшая черта субъекта. Через овладение речью субъект изначально обретает бессознательное, приобщается к Символическому, формирует себя. Субъект формирует себя по мере того, как все глубже «забирается» в речь, по мере увеличения своего языкового запаса, по мере усвоения того или иного дискурса. Разница между субъектом и личностью пролегает в границах усвоения дискурса и создании дискурса. Бог – автор. Бог – творец. Он, принадлежа самому себе, создает дискурс. Лакан видел суть психоаналитического метода в создании и усвоении субъектом своей истории в адресованной другому речи (см.: Лакан, 1995: 27). На страницах Ветхого Завета мы видим Бога, находящегося на кушетке: Он создает, Он пишет Свою историю; Он пишет Свою историю, и она одновременно оказывается историей человечества: мы сами воспринимаем свою и социальную, и

личную историю как некий текст, который постоянно пишется. Несмотря на то что Бог всемогущ, всемогущ и всеблаг, Он по-сартровски (см.: Сартр, 2000: 285) нуждается во взгляде Другого для того, чтобы быть собой. Не человечеству нужен Бог, а Богу нужно человечество, потому что, несмотря на свою автономность, субъективность социальна: она невозможна без диалога с Другим и признания со стороны Другого. Итак, Бог пишет историю, и через эту историю образуется История – иными словами, в пространстве политического Он изобретает универсум.

В) Бог есть Воображаемое. Ж. Лакан ввел в философский и психоаналитический дискурс понятие Воображаемого как фактора, позволяющего человеку конструировать самого себя и преодолевать ограничения своей собственной природы, переносить границы своей собственной среды и создавать новую, искусственную среду (см.: Жижек, 2014: 171). Воображаемое представляет собой сферу складывания идей, сферу рефлексии и творчества; это регистр свободы. Именно в сфере Воображаемого человек изобретает самого себя и определяет свои отношения с Символическим. Регистр Воображаемого – это регистр, где субъект совершает всю свою интеллектуальную работу: он мыслит себя и мыслит мир вокруг себя, определенным образом создавая его. И если в материальном мире субъект современности телесно находится в сфере Символического, а ментально в Воображаемом, где создает себя и культуру, то Бог изначально располагается только в Воображаемом, создавая мир. Сам мир существует только благодаря творческому желанию Бога. Не имеет значения, в какой форме действительно существует мир: либо как некая материя, либо как чистая мысль Бога – *esse est percipi*. Имеет значение, что мир сам по себе является мыслью Бога: Он создает небо и землю, свет и твердь, воду и живых тварей. Иными словами, Бог полностью собирает универсум. По существу, любой человек проделывает ту же самую операцию, по-



тому что сущее существует, пока имеет смысл в индивидуальном сознании. Эпикур говорил: «Смерть не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет» (Тит, 1983: 316). Но этот афоризм следует перевернуть: «Мир имеет к нам следующее отношение: пока мы есть, то мир есть, а когда нас нет, то и мира нет». «Все сотворил Бог из ничего» (2 Мак. 7: 28), но такую же операцию продвигает и субъект.

Г) Бог свободен. Важным условием существования субъекта является обладание физической (телесной), юридической и политической свободой. А. Моруа писал: «Без свободы не может идти речь ни о человеческом достоинстве, ни о счастье членов общества» (Моруа, 1983: 28). Свобода необходима нам для творчества. Свобода нужна для ощущения полноты жизни, ощущения того, что наша жизнь принадлежит нам. Без свободы мы отчуждены от жизни. Бог как субъект обладает абсолютной свободой. «Дух дышит, где хочет» (Ин. 3: 8). Бог располагается вне пространства и времени, Бог располагается вне каких-либо институтов и влияний. Но сам оказывает влияние. Единственное занятие для свободного субъекта, именно субъекта, то есть того, кто перешагнул стадию эстетики (С. Кьеркегор) – творчество, которым и занимается Бог в границах Воображаемого. Создание универсума, мультивселенные, даже История, случайности и творческая деятельность человечества – это развлечение Бога, наполняющего свою свободу. Мысли может быть интересно наблюдать за мыслью.

Д) И наконец, через свободу (либерализм), творчество (креативность) и *sausa sui* Бога мы приходим к такому важнейшему качеству субъекта, как волюнтаризм, то есть, как применяет это У. Эко в своем анализе супергероя, – самоличное решение о действии, каким устанавливается (восстанавливается) символический порядок. На страницах Ветхого Завета мы видим Бога, действующего в режиме «ручного

управления», непосредственно осуществляющего руководство *своим* народом, применяющего систему поощрений и наказаний, ниспосылающего ангелов. Ветхозаветный Бог суров. Это строгое Сверх-Я, требующее повиновения и через Закон конструирующее общность. Нарушения наказываются. Перед нами Бог в своем могуществе. Перед нами Бог, совершенно не доверяющий людям, воспринимающий их объективно и потому находящийся с ними в прямой коммуникации. Если определять Новое время как время, связанное с особым актом говорения, когда в речи индивида появляется Я (так, например, модерн определял А. Смулянский в своих лекциях «Лакан-ликбез», и во многом такое определение кажется удачным), то на страницах Ветхого Завета как Я о себе заявляет Яхве. Иная субъективность там не признается.

Иисус – попытка Бога-Отца делегировать субъективность людям. Богочеловеческая природа Христа обозначает возможность человеческой субъективности. В ней Бог ставит себя на место своих творений и сталкивается с проблемой бытия человеком. Бог сталкивается с болезнями, смехом, жестокостью, болью. Бог сталкивается с необходимостью выбора и ответственности. Бог сталкивается со временем и неожиданно становится одним из современников, одним из нас, попадает на коммуникативную (см.: Хабермас, 2001) полифокальную (см.: Павлов, 2013) площадку, где вступает в человеческое политическое пространство: предлагая модель и сталкиваясь с возражениями. Бог декларирует, но уже не навязывает. Он предлагает ситуацию выбора. Бог показывает людям, как им возможно жить в мире, который Он построил, но за который теперь нести ответственность должны они сами. Вместе с Христом Бог отключается из режима песочницы и, показав людям измерение экзистенциального, оставляет их один на один друг с другом. Потребовался Ницше, чтобы констатировать произошедшее.

Итак, если период модернити означает право Я высказываться от лица самого себя и становление субъективности в ее человеческом, индивидуальном измерении – Я как *cogito*, Я как гражданин, Я как актер социального, – то докартезианский период – это период, когда человечество осмысливало собственную субъективность через создание некой сверхкультурной сущности, в роли которой в пространстве Ближнего Востока и Европы выступал Бог. Именно Бог был наделен основными чертами (либерализмом, творчеством, волюнтаризмом, диалогизмом, креативностью), которыми необходимо обладать личности, претендующей на роль культуротворческого субъекта. Наличие идеи «Бог», ее постепенное развитие, прослеживаемое от Книги Бытия до Нового Завета, показывает нам эволюцию рефлексии человечества над собственной субъективностью: от племенной ограниченности до тоталитарных возможностей общего в элементарности индивидуального существования. Вместе с тем наличие этого концепта показывает нам, что характеристики субъекта неизменны и не зависят от исторической эпохи, не имеют привязки к пространству-времени. Мы не можем обвинить какие-то культуры (темпоральные или пространственные: например, античность или восточные цивилизации) в отсутствии субъективности, потому что, даже будучи неотрефлексированной картезиански, она все равно существует эмпирически и рефлексится через обобщения. Благодаря этому субъективность, как и современность, оказывается *перманентной*.

### Литература

Августин Блаженный. Против академиков // Августин Блаженный. Творения: в 4 т. Т. 1: Об истинной религии. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. С. 5-85.

Бадью, А. Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. 184 с.

Борисов, С.В. Что значит быть современным (в контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») // Социум и власть. 2013. № 3. С. 123-126.

Гегель, Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Декарт, Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 297-422.

Ершов, Ю.Г. Современность как проблема // Социум и власть. 2013. № 5. С. 131-136.

Жижек, С. Матрица, или Две стороны извращения // «Матрица» как философия: Эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 324-371.

Жижек, С., Милбанк, Дж. Монструозность Христа. М.: РИПОЛ классик, 2020. 544 с.

Жижек, С. Чума фантазий. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2014. 388 с.

Жижек, С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.

Кант, И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. 741 с.

Капустин, Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998. 308 с.

Кимелев, Ю.А. «Субъект» и «субъективность» в современной западной социальной философии: научно-аналитический обзор. М.: РАН; ИНИОН; Центр гуманит. науч.-информ. исслед., 2006. 95 с.

Куренной, В. Философия фильма: упражнения в анализе. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 232 с.

Лакан, Ж. Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М.: Логос, 1997. С. 148-183.

Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 192 с.

Лекторский, В.А. Субъект // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3. / 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. С. 659-660.

Лекторский, В.А. Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980. 358 с.

Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

Любутин, К.Н., Пивоваров, Д.В. Диалектика субъекта и объекта. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. 416 с.

Моруа, А. Надежды и воспоминания. М.: Прогресс, 1983. 392 с.

Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013. № 1. С. 5-14 (а).

Павлов, А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность // Социум и власть. 2012. № 6. С. 5-11.

Павлов, А.В. Образы современности в XXI веке: гипермодернизм // Философский журнал. 2019. № 2 (12). С. 20-33 (а).

Павлов, А.В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм. Логос. 2018. № 6. С. 1-16.

Павлов, А.В. Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм // Философия и современность. 2019. № 1. С. 69-83 (b).

Павлов, А.В. Полифокальная социология современности // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5-13 (b).

Павлов, А.В. Философия современности и межвременья. Тюмень: ИД «Титул», 2017. 280 с.

Половинкина, О.И. Осмысление «Современного» (Modern) в викторианской эстетической критике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4 (28). С. 131-139.

Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.

Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1990. С. 319-344.

Тит, Л.К. О природе вещей. М.: Худож. лит., 1983. 383 с.

Тульчинский, Г.Л. Современность и субъективность // Социум и власть. 2013. № 3. С. 116-122.

Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд, З. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. 448 с.

Фуко, М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.

Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 380 с.

Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М.: Весь Мир, 2008. 416 с.

Чупров, А.С. Современность постмодерниста, или «Некуда бежать» // Социум и власть. 2013. № 2. С. 129-131.

Эко, У., Мартини, К.М. Диалог о вере и неверии. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2011. 144 с.

Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.

Эко, У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб.: Симпозиум, 2003. 285 с.

Эко, У. Superman для масс. Риторика и идеология народного романа. М.: Слово/Slovo, 2018. 248 с.

Althusser, L. On the Reproduction of Capitalism. Ideology and Ideological State Apparatuses. London–New-York: VERSO, 2014. 285 p.

Baudrillard, J. Modernity // Canadian Journal of Political and Social Theory. 1987. No 3 (XI). P. 63-73.

Hassan, I. Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust // Modern Greek Studies (Australia and New Zealand). 2003. No 11. P. 303-316.

Hutcheon, L. The Politics of Postmodernism. New York; London: Routledge, 2002.

Kirby, A. The death of postmodernism and beyond // Philosophy now: A magazine of ideas. 2006. No 58. P. 34-37.

Varga, I. The Body - The New Sacred? The Body in Hypermodernity // Current Sociology. 2005. No 53 (2). P. 211-212.

## References

Althusser, L. (2014), *On the Reproduction of Capitalism. Ideology and Ideological State Apparatuses*, VERSO, London–New-York, England.

Augustine the Blessed (2000), “Against academics”, *Tvoreniya: v 4 t. T. 1: Ob istinnoy religii* [Creations: In 4 vols. Vol. 1: About the True Religion], Aleteya, UCIMM-Press, St. Petersburg, Kiev, Russia, Ukraine (in Russ.).

Badiou, A. (2003), *Manifest filosofii* [Manifesto of Philosophy], Machina, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Baudrillard, J. (1987), “Modernity”, *Canadian Journal of Political and Social Theory*, 3 (XI), 63-73.

Borisov, S. V. (2013), “What it means to be modern (in the context of the article by A.V. Pavlov “Notes on modernity and subjectivity”)”, *SOCIUM and POWER*, 3, 123-126 (in Russ.).

Chuprov, A. S. (2013), “The modernity of the postmodernist, or ‘Nowhere to run’”, *SOCIUM and POWER*, 2, 129-131 (in Russ.).

Descartes, R. (1989), “The origin of philosophy”, *Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Essays: in 2 vols. V. 1], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).



Eco, U. (2007), *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader. Research on the semiotics of the text], Simpozium, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Eco, U. (2003), *Shest' progulok v literaturnykh lesakh* [Six walks in the literary forests], Simpozium, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Eco, U. (2018), *Superman dlja mass. Ritorika i ideologija narodnogo romana* [Superman for the masses. The rhetoric and ideology of the folk novel], Slovo/Slovo, Moscow, Russia (in Russ.).

Eco, U., Martini, C. M. (2014), *Dialog o vere i neverii* [Dialogue about faith and unbelief], Biblejsko-bogoslovskij institut sv. apostola Andreja, Moscow, Russia (in Russ.).

Ershov, Yu. G. (2013), "Modernity as a problem", *SOCIUM and POWER*, 5, 131-136 (in Russ.).

Foucault, M. (1999), *Nadzirat' i nakazyvat': rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], Ad Marginem, Moscow, Russia (in Russ.).

Freud, S. (2006), "Beyond the pleasure principle", *Psikhologija bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious], Firma STD, Moscow, Russia (in Russ.).

Habermas, J. (2008), *Filosofskij diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektzij* [Philosophical discourse on Modernity. Twelve lectures], Ves' Mir, Moscow, Russia (in Russ.).

Habermas, J. (2001), *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action], Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Hassan, I. (2003), "Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust", *Modern Greek Studies (Australia and New Zealand)*, 11, 303-316.

Hegel, G. W. F. (1990), *Filosofija prava* [Philosophy of law], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Hutcheson, L. (2002), *The Politics of Post-modernism*, Routledge, New York; London.

Kant, I. (1994), "Critique of pure Reason", *Sochineniya: v 8 t. T. 3* [Essays: in 8 vols. Vol. 3], Choro, Moscow, Russia (in Russ.).

Kapustin, B. G. (1998), *Sovremennost' kak predmet politicheskoy teorii* [Modernity as a subject of political theory], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).

Kimelev, Yu. A. (2006), "Sub'ekt" i "sub'ektivnost'" v sovremennoj zapadnoj sotsial'noj filosofii: nauchno-analiticheskij obzor

[“Subject” and “subjectivity” in Modern Western Social Philosophy: a scientific and analytical review], RAN; INION; Tsentr gumanitarnykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy, Moscow, Russia (in Russ.).

Kirby, A. (2006), "The death of postmodernism and beyond", *Philosophy now: A magazine of ideas*, 58, 34-37.

Kurennoy, V. (2009), *Filosofiya fil'ma: uprazhneniya v analize* [The philosophy of the film: exercises in analysis], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Lacan, J. (1997), *Instantiya bukvy v bes-soznatel'nom, ili sud'ba razuma posle Frejda* [The instance of the letter in the unconscious, or the fate of the mind after Freud], Logos, Moscow, Russia (in Russ.).

Lacan, J. (1995), *Funkciya i pole rechi i yazyka v psihoanalize* [Function and field of speech and language in psychoanalysis], Gnosis Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Lektorsky, V. A. (2010), "Subject", *Novaja filosofskaja Entsiklopediya: v 4 t. T. 3* [The New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. V. 3.], 659-660 (in Russ.).

Lektorsky, V. A. (1980), *Sub'ekt. Ob'ekt. Poznanie* [Subject. Object. Cognition], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Lektorsky, V. A. (2001), *Jepistemologija klassicheskaja i neklassicheskaja* [Classical and non-classical epistemology], Editorial URSS, Moscow, Russia (in Russ.).

Lyubutin, K. N., Pivovarov, D. V. (1993), *Dialektika sub'ekta i ob'ekta* [Dialectics of subject and object], UrGU Publishing House, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Maurois, A. (1983), *Nadezhdy i vospominaniya* [Hopes and memories], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Pavlov, A. V. (2017), *Filosofija sovremenosti i mezhvremen'ja* [Philosophy of modernity and inter-time], Titul Publishing House, Tjumen', Russia (in Russ.).

Pavlov, A. V. (2013), "The Polyphocal Sociology of Modernity", *SOCIUM and POWER*, 4, 5-13 (in Russ.).

Pavlov, A. V. (2019), "Images of modernity in the XXI century: hypermodernism", *Filosofskiy zhurnal*, 2 (12), 20-33 (in Russ.) (a).

Pavlov, A. V. (2018), "Images of modernity in the XXI century: metamodernism", *Logos*, 6, 1-16 (in Russ.).

Pavlov, A. V. (2019), "Obrazy sovremenosti v XXI veke: sverhmodernizm", *Filosofiya i sovremennost'*, 1, 69-83 (in Russ.).

Pavlov, A. V. (2013), "Notes on modernity and subjectivity. Criteria of modernity", *SOCIUM and POWER*, 1, 5-14 (in Russ.).

Pavlov, A. V. (2012), "Notes on modernity and subjectivity. Modernity and plasticity", *SOCIUM and POWER*, 6, 5-11 (in Russ.).

Polovinkina, O. I. (2014), "Understanding of the "Modern" (Modern) in the Victorian Aesthetic Criticism", *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya*, 4 (28), 131-139 (in Russ.).

Sartre, J.-P. (2000), *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and nothing: The experience of phenomenological ontology], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Sartre, J.-P. (1990), "Existentialism is humanism", *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods], Politizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Titus, L. K. (1983), *O prirode veshhey* [About the nature of things], Hudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia (in Russ.).

Tul'chinsky, G. L. (2013), "Modernity and subjectivity", *SOCIUM and POWER*, 3, 116-122 (in Russ.).

Varga, I. (2005), "The Body – The New Sacred? The Body in Hypermodernity", *Current Sociology*, 53 (2), 211-212.

Žižek, S. (2005), "The Matrix, or Two sides of perversion", *"Matrica" kak filosofiya: Esse* ["The Matrix" as philosophy: An Essay], U-Faktoriya, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Žižek, S., Milbank, J. (2020), *Monstruoznost' Hrista* [The Monstrousness of Christ], RIPOL klassik, Moscow, Russia (in Russ.).

Žižek, S. (2014), *Chuma fantaziy* [The Plague of fantasies], Humanitarian Center Publishing House, Kharkiv, Ukrain (in Russ.).

Žižek, S. (2014), *Schekotlivyj sub'ekt: otsutstvuyushhiy tsentr politicheskoy ontologii* [A sensitive subject: an absent center of political ontology], Delo Publishing House, RANHiGS, Moscow, Russia (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

*Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

#### **ОБ АВТОРЕ:**

**Мальцев Ярослав Владимирович**, кандидат философских наук, доцент кафедры новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет, ул. Володарского, д. 6, Тюмень, 625003, Россия; [maltsevyaroslav@gmail.com](mailto:maltsevyaroslav@gmail.com)

#### **ABOUT THE AUTHOR:**

**Yaroslav V. Maltsev**, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Modern History and World Politics, Tyumen State University, 6 Volodarsky St., Tyumen, 625003, Russian Federation; [maltsevyaroslav@gmail.com](mailto:maltsevyaroslav@gmail.com)

УДК 16+575.8

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-2

Хен Ю. В. | План строения живых организмов. История вопроса

Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия;  
*hen@iph.ras.ru*

**Аннотация.** В статье рассматривается одна из интереснейших проблем теоретической биологии, истоки которой обнаруживаются уже в философии античности (Анаксимандр, Аристотель), но которая до сих пор не получила окончательного разрешения. Это вопрос о единстве «плана строения» живых организмов, относящихся к разным классам (например, птиц и насекомых), а также способах его «записи» и передачи между поколениями. Особенно активно проблема обсуждалась в XVIII–XIX веках, как биологами, так и философами. На пике дискуссии естествоиспытатели разделились на два лагеря: так называемые «жоффриуисты» (сторонники Жоффрау Сент-Илера) и последователи Кювье. Обеими сторонами было выдвинуто несколько гипотез, не только изобретательных, но и забавных. Проходившая параллельно дискуссия в среде эмбриологов (на ту же тему) привела к разделению ученых на преформистов и эпигенетиков. В морфологии центр тяжести проблематики был смещен в сторону выявления и описания формообразующих механизмов (А.Г. Гурвич). Но по мере развития генетики и возрастания ее влияния утвердилось мнение (совершенно необоснованное), что решение всех проблем кроется в геноме, надо только его расшифровать. Однако уже с 50-х годов XX века начинает развиваться направление, получившее название «эпигенетика» (Уоддингтон) и утверждающее существование механизмов наследственности, не записанных в геноме, но влияющих на морфогенез. Анализ концепций позволяет сделать вывод, что исследователи нередко руководствуются мировоззренческими предпочтениями, а не данными опыта.

**Ключевые слова:** философия биологии; план строения живых организмов; эпигенез; преформизм; теория биологического поля; генетика; эпигенетика

**Для цитирования:** Хен Ю. В. План строения живых организмов. История вопроса // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 16-23. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-2

Ju. V. Khen | Structure plan of living organisms. Background

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; *hen@iph.ras.ru*

**Abstract.** The article examines one of the most interesting problems of theoretical biology, the origins of which are already found in the philosophy of antiquity (Anaximander, Aristotle), but which has not yet received a final solution. It is a question of the unity of the "structure plan" of living organisms belonging to different classes



(e.g. birds and insects), as well as the ways of its "recording" and transmission between generations. The problem was particularly actively discussed in the 18th and 19th centuries by both biologists and philosophers. At the height of the debate, the naturalists were divided into two camps: the so-called "joffruists" (supporters of Geoffroy St. Hler) and the followers of Cuvier. Several hypotheses were put forward by both sides, not only inventive but also amusing. A parallel discussion among embryologists (on the same topic) led to the division of scientists into preformists and epigenetics. In morphology, the center of gravity of the problem was shifted towards the identification and description of forming mechanisms (A.G. Gurvich). But, as genetics develop and its influence increases, the opinion (completely unfounded) has been established that the solution to all problems lies in the genome, it is necessary only to decipher it. However, since the 1950s, the direction of "epigenetics" (Waddington) has been developing and asserting the existence of mechanisms of heredity not recorded in the genome but affecting morphogenesis. The analysis of concepts leads to the conclusion that researchers are often guided by ideological preferences rather than experience data.

**Keywords:** philosophy of biology; epigenesis; epigenetics; preformism; genetics; morphogenesis; Biological field theory; plan for the structure of living organisms

**For citation:** Khen Ju. V. (2021), "Structure plan of living organisms. Background", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 16-23, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-2

При всем многообразии проявлений жизни на Земле нельзя не заметить, что формы жизни устроены довольно похожим образом. Представители разных отрядов, размещенные на весьма отдаленных друг от друга ветвях эволюционного древа (например, позвоночные и насекомые), обнаруживают сходство в строении тела, что позволяет говорить об общем *плане строения*. Общность не исчерпывается анатомическим уровнем. Поражает также единообразие строения органического вещества, составляющего «тело» земной биоты. Все живущие на земле организмы устроены так же, как и мы с вами, и состоят из того же вещества. Собственно, только благодаря этому обстоятельству возможно выстраивать пищевые цепочки: хищники могут есть травоядных, а те, в свою очередь, способны питаться растениями, преобразуя траву в вещество своего тела, и т. д. Всего четырех нуклеотидов достаточно для кодирования всех аминокислот (причем с запасом) и всего двадцати аминокислот достаточно, чтобы построить все

возможные белки. Так проявляется торжество комбинаторики: в самом деле, достаточно вспомнить, что в конструкторе «Лего» базовых деталей гораздо больше.

Переходя на клеточный уровень, мы снова обнаруживаем удивительное сходство в строении живых организмов. Со времен М. Шлейдена и Т. Шванна, разработавших в середине XIX века так называемую «клеточную теорию», известно, что все живые организмы состоят из клеток, и клетки эти имеют ряд отличительных признаков, таких как наличие мембраны, цитоплазмы и ядра. С течением времени, правда, было установлено, что не все клетки имеют ядро (прокариоты, например; кроме того, человеческие эритроциты, созревая, теряют ядра, а клетки полосатой мускулатуры могут, наоборот, иметь несколько ядер вследствие объединения мембран), поэтому кое-что в содержании теории было изменено и уточнено, но факт, что все живое состоит из клеток, признается и современной биологией. Если наложить перечисленные факты на эво-

люционные представления, согласно которым все живое связано общностью происхождения (о чем недвусмысленно свидетельствует «основной биогенетический закон»), то похожее устройство различных представителей животного мира уже не кажется таким удивительным.

Больше удивляет то, что это сходство было замечено задолго до того, как биологическая наука обзавелась серьезным инструментарием в виде электронных микроскопов и компьютеров, позволивших воочию «увидеть» тонкое устройство биологических объектов. Факт сходного строения животных, относящихся к разным отрядам, был замечен еще в античные времена. Так, например, Аристотель в труде «О частях животных» пишет, что «много общего присуще многим животным; одним в прямом значении слова, например, ноги, перья и чешуя (таким же образом и свойства), другим – их аналоги. Я понимаю под аналогом следующее: одним присуще легкое, другим оно не присуще, но то, что для имеющих его представляет собой легкое, то для других нечто иное, взамен него; и у одних имеется кровь, а у других ее аналог, обладающий той же силой, как у животных с кровью – кровь. Но если говорить в отдельности о каждом виде, то, как мы и прежде сказали, придется часто повторять одно и то же, раз мы говорим обо всем присущем ему; ведь многому присуще одно и то же» (Аристотель, 1937: 51). Последняя оговорка не случайна: Аристотель очень тщательно и последовательно (со множеством повторов) описывает устройство «частей» животных, имея целью по возможности более точное описание предмета. Ресурсы его, конечно, были ограничены, поскольку в качестве инструмента исследования в его распоряжении были только собственные глаза, а от идеи эволюции организмов (и их возможной генетической связи) его отделяли века. Тем удивительнее полученный им результат: принято считать, что Аристотель является автором теории аналогий. В.П. Карпов, переведший труд «О частях животных» с

греческого, пишет, что «...Аристотель вводит принцип *аналогии*, учение о частях совершенно разнородных по форме, но соответствующих друг другу; в пропорциях организма как целого они занимают одинаковое место. Аналогиями являются волосы, перья, щитки пресмыкающихся, чешуя рыб; у животных с кровью существует кровь, у бескровных – ее аналог. Аналогии, как ряды параллельных линий пронизывают все животное царство и дают прочную методологическую основу сравнительного рассмотрения животных. Учение об аналогии держалось в зоологии до эпохи Дарвина – Гегенбаура, когда эволюционное учение выдвинуло на его место гомологию – учение о частях однородных по происхождению, но различных по функции, в результате чего сравнительная зоология вступила окончательно на путь морфологии и превратилась в современную сравнительную анатомию, причем целостная концепция Аристотеля была по необходимости разрушена» (Карпов, 1937: 27).

Ю.В. Чайковский в работе, посвященной проблемам эволюции, также отдает должное достижениям античного ученого. Он пишет, что исследование «О частях животных» имеет большое значение для утверждения идеи возможного родства различных организмов, при том, что сам Аристотель этого родства не видел, а только отмечал сходство их строения: «Здесь Аристотель ясно выразил идею единства строения животных, едва намеченную у Анаксимандра (в Новое время ее называли теорией единого плана строения): рыбы, звери и люди устроены сходно. Ныне это всем известно, но Аристотель шел много дальше: отметив (в гл. 9 Четвертой книги) сходство фигуры тела четвероногих и насекомых, он смело заключил: моллюски тоже устроены так же, но только если их тело мысленно переломить пополам – так, чтобы рот и задний проход оказались рядом. Как увидим ... этой конструкции суждена была долгая жизнь» (Чайковский, 2003: 26).

Чайковский Ю.В. имеет в виду знаменитый спор между Жоффруа Сент-Илером и Кювье, начало которому положил доклад Жоффруа Сент-Илера о едином плане строения, сделанный им в Парижской академии наук. Я не буду подробно останавливаться на освещении данного конфликта, а отошлю всех заинтересованных к работе Ю.В. Чайковского, в которой материал представлен не только в исчерпывающем виде, но и необыкновенно живо и с юмором. Ограничусь лишь пояснением, что суть разногласий двух маститых и титулованных ученых сводилась к тому, сколько типов животных (и соответственно, «планов строения») существует в природе. Кювье утверждал, что их четыре, а Жоффруа Сент-Илер – что один. В соответствии с версией Жоффруа Сент-Илера, человек устроен по той же схеме, что и головоногий моллюск, и если перегнуть человека в области пупка так, чтобы ротовое и анальное отверстие находились рядом, то он будет очень похож на осьминога. Как мы помним, похожая идея некогда посетила Аристотеля. Теперь же она была воспринята не с таким почтением, как из уст античного философа.

Помимо морфологии проблемой «плана строения» занималась эмбриология. Здесь в центре внимания оказался процесс реализации плана, вопрос о движущих силах, ведущих к превращению оплодотворенного яйца в полноценный организм. Поиски «плана строения» понимались буквально как задача обнаружения тех факторов (вещества, энергии, чего угодно), которые управляют эмбриогенезом и обеспечивают преемственность поколений таким образом, что яблоня порождает именно яблоки, а человек – человека. В этой области биологии возникло множество теорий, многие из которых были и умны, и остроумны и внесли свой вклад не только в историю биологии, но и в ее теоретический багаж. Другие же воспринимались сегодня как забавный курьез (например, теория вложений, согласно которой каждый организм, как матрешка,

уже содержит в себе зародыши всех будущих потомков, с момента творения и вплоть до «конца света»). Эмбриологи также разделились на две большие группы – эпигенетиков и преформистов, каждая из которых располагала изрядным набором фактических аргументов в свою пользу, и к каждой у оппонентов имелся ряд «неудобных вопросов». Суть разногласий заключалась в понимании сущности эмбрионального развития. Преформисты (Лейбниц, Сваммердам, Мальпиги и др.) утверждали, что в яйце содержится полностью сформированный зародыш, во всем подобный взрослому организму, только очень маленький, поэтому имеет место не развитие, а «разворачивание» и рост преформированных частей. Сторонники эпигенетического подхода (Мопертюи, Д. Дидро, К.Ф. Вольф, Гарвей) утверждали, что при эмбриогенезе мы имеем дело с подлинным развитием, которое происходит под воздействием сил, внешних по отношению к зародышу. Эти силы формируют органы будущего организма из неструктурированного вещества оплодотворенной яйцеклетки.

Наш современник Г. Фельзенфельд, подводя итог этому напряженному периоду биологических дискуссий, пишет: «Долгое время среди эмбриологов шли горячие споры о природе и локализации компонентов, ответственных за реализацию плана развития организма. В своих попытках осмыслить большое число остроумных, но, в конечном счете, противоречивых экспериментов по манипулированию с клетками и зародышами, эмбриологи разделились на две школы: на тех, кто думал, что каждая клетка содержит преформированные элементы, которые в ходе развития лишь увеличиваются в размерах, и тех, кто полагал, что этот процесс включает химические реакции между растворимыми компонентами, которые и реализуют сложный план развития. Эти воззрения сфокусировались на относительном значении ядра и цитоплазмы в процессе развития» (Фельзенфельд, 2010: 26).



Противостояние эпигенеза и преформизма не было только биологической проблемой. На философском уровне оно вылилось в вопрос о том, что делает Бог в мире *сегодня*: возможно ли возникновение чего-то нового в мире, где Творение уже состоялось и завершилось? Именно этот вопрос привел в лагерь преформистов Лейбница, для которого «теория вложений» (самый одиозный вариант преформизма) являлась прямым следствием его философии. Так, в работе «Размышления о жизненных началах и о пластических натурах» он заявляет, что в момент творения вся история мира уже была рассчитана и предусмотрена. При таком раскладе правы именно преформисты, утверждающие, что «существует столько оболочек и тел органических, заключенных друг в друге, что никогда невозможно было бы привести ни одного совершенно нового органического тела без всякой преформации, и что точно так же нельзя разрушить вполне ни одного животного, уже существующего. <...> Так как животные никогда не образуются естественным путем из неорганической массы, то механизм, неспособный произвести вновь все эти бесконечно разнообразные органы, может, однако же, легко извлечь их посредством развития и посредством преобразования предсуществующего органического тела» (Лейбниц, 1982: 375-376).

Развитие оптики несколько поколебало позиции преформистов, поскольку, невзирая на совершенствование микроскопа, в зародыше так и не удалось разглядеть маленьких человечков (именно так в трудах по биологии изображалась яйцеклетка – капсула, содержащая полностью сформированный организм). Позиция оппонентов преформизма, эпигенетиков, выглядела в свете прогресса технологий более правдоподобно.

Сегодня принято считать, что конфликт удалось разрешить К.М. Бэру (1792–1876), который, глядя в микроскоп, заметил, что никакого преформизма в прямом смысле нет, но и новообразований он тоже

не заметил, только преобразования. На основе этих наблюдений Бэр сформулировал пять законов эмбрионального развития, которые благополучно дожили до наших дней в виде «основного биогенетического закона» (в эмбриональном развитии воспроизводятся основные этапы филогенеза).

Между тем, идею подлинного развития, которую отстаивали эпигенетики, опровергнуть было не так просто, как наличие или отсутствие в яйце готовых организмов. Тем более, что «преобразование» Бэра, начинающееся с яйцеклетки, структура которой крайне проста и весьма далека от конечного результата эмбриогенеза, вполне можно рассматривать как полноценное развитие новых органов и свойств. С такой поправкой схема Бэра полностью соответствует представлениям эпигенетиков, утверждавших, что в процессе эмбрионального развития происходит не просто рост преформированных фрагментов, но образование новых органов. Это осуществляется под воздействием внешних для зародыша сил (не всегда материальной природы, энтелехии). Собственно, сам термин «эпигенез» (от греческих “epi” – над, сверх, после и “genesis” – происхождение, возникновение) указывает на действие внешних управляющих факторов или сил, находящихся за пределами развивающегося организма.

Вопросами управления эмбриогенезом и цитодифференцировкой занимался биолог, имеющий непосредственное отношение к нашей стране, при том что учился он в Германии и первые работы по теории биологического поля (не имеющего ничего общего с эзотерическими био полями) вышли на немецком языке. Концепция А.Г. Гурвича, по его собственному признанию, родилась из недовольства «статическим» характером классической генетики, почти полным отсутствием «связи ее с процессами реализации наследственных свойств» (Гурвич, 1944: 150). Вообще говоря, генетика на заре своего существования представляла собой концепцию с огромным количеством лакун (что понят-

но, учитывая, какой длительный путь развития ей предстоял). Вплоть до того, что величайший наш биолог Н.К. Кольцов до конца жизни не верил, что хромосомы являются носителем наследственной информации (эту роль он отводил белкам, которые, как ему представлялось, устроены более сложно). Другой наш выдающийся биолог А.А. Любищев в небольшой работе «О природе наследственных факторов», в которой он полемизирует с Гурвичем и Вейсманом, отразил сумбур, царящий в понимании того, что же представляют собой гены. В стиле «апофатического богословия» он пишет следующее (в отрывке сохранены особенности орфографии того времени): «...Гены не являются ни живыми существами, ни кусками хромосомы, ни молекулами автокаталитического фермента, ни радикалами, ни физической структурой, ни силой, вызываемой материальным носителем; мы должны признать ген как нематериальную субстанцию, подобную эмбриональному полю Гурвича, но потенциальную» (Любищев, 1925: 13). Автор замечает, что сам вполне осознает близость полученного вывода к платонизму, однако считает, что возражения, приводимые против введения понятия «субстанциальной формы» носят идеологический, ненаучный характер. Единственным серьезным возражением против платонизма в морфологии А.А. Любищев называет «чрезвычайную трудность этого направления».

Биологическое поле А.Г. Гурвича нельзя отнести к «нематериальным субстанциям», оно носит вполне физический характер. Эта сила вводится для того, чтобы придать классической генетике динамичности. Без введения фактора эмбрионального поля непонятно, как информация, содержащаяся в хроматине, формирует органы и ткани. Сам автор характеризует свою теорию следующим образом: «Центральное место в нашем изложении занимают: во-первых, гипотеза, что известное состояние (или процесс) хроматина связано с своеобразным свойством создавать

вокруг себя анизотропное поле, во-вторых, предположение, что клеточное поле является единственной преформационной компонентой, т. е. единственным реальным наследственным началом. <...> Отождествление наследственного начала с полем трудно приемлемо... Оно представляется, как нам кажется, слишком смелым, т. е. возникает сомнение, окажется ли такой простой принцип достаточным как основа громадного, постулируемого для наследственного начала разнообразия» (Гурвич, 1944: 147).

К слову сказать, «принцип поля» действительно слишком прост, в том смысле, что не объясняет многообразия форм, возникающих при его посредстве. Введение понятия видовой специфичности «актуальных полей» зародыша также не решает проблемы, а только переводит ее на следующий уровень, где приходится объяснять, как осуществляется и наследуется эта самая видовая специфичность. Обнаружив, что все живое излучает слабые электрические поля, повторяющие форму организма, автор предположил, что именно эти поля и направляют рост и развитие тканей. Выйти за рамки этой «картины мира» он уже не смог. Между тем, существует гораздо более простое объяснение факта существования «ауры» у всего живого. Не секрет, что все тканевые процессы носят электрохимическую природу, поэтому слабые электрические поля постоянно присутствуют вокруг живых организмов. Таким образом, это не орган развивается туда, куда протягивается поле, а поле образуется там, куда распространяется орган. Теория Гурвича была тупиковой ветвью эмбриогенеза (и история это показала), хотя сам он по-другому оценивал свою работу. Он считал, что время обязательно покажет его правоту, иначе и быть не может: «“Натурфилософская” фаза учения о поле, которую мы предвидим в будущем и которая выльется в утверждение, что поле есть *единственная инварианта* живых систем, конечно, по существу близка к тавтологии. Однако тавтология такого

характера не лишена значения и ценности...» (Гурвич, 1944: 151).

Хочу заметить, что работа «Теория биологического поля» А.Г. Гурвича напоминает аристотелевский труд «О частях животных» своей скрупулезностью и бесконечными повторами, обусловленными тем, что, выражаясь словами Аристотеля, «многому присуще одно и то же». Много фактического материала, относительно немного теоретических обобщений. Такая стилистика избрана неспроста: ее задача – показать, что выводы автора строятся не на пустом месте, а вытекают естественным образом из устройства природы, которое всякий желающий может наблюдать сам.

Тем не менее, развитие генетики пошло в другом направлении и прекрасно обошлось без привлечения эмбрионального поля. Впрочем, окончательную точку ставить еще рано, ибо вопрос о том, что представляет собой пресловутый «план строения» живых организмов, как он записан (точно не в геноме!) и каков механизм его реализации, пока остается открытым. Кое-какую надежду дает нам развитие эпигенетики, которая сегодня слегка потеснила генетику с пьедестала единственного держателя наследуемой информации, но этого далеко не достаточно для получения *натуралистического* описания эмбриональных процессов. Пока же генетика продолжает копить информацию о функциональном кодировании белков, а эпигенетика продолжает собирать факты о процессах, идущих в обход генов, но, тем не менее, передающихся по наследству. Мы постепенно привыкаем к тому факту, что Ламарк со своей теорией «тренировки органов» был, видимо, прав. Хотя смириться с тем, что Т.Д. Лысенко тоже был почти во всем прав, гораздо труднее. Но это, как сказал бы А.А. Любищев, идеология и не имеет отношения к науке.

В заключение хочу сказать, что, возможно, биология вернется к идее поля в качестве формообразовательного фактора, направляющего эмбриогенез. Но едва ли это будет поле А.Г. Гурвича. В конечном

счете, можно видеть, как мало похожа генетика на преформизм, а ведь в теоретическом плане (вся информация о будущем организме содержится внутри оплодотворенной яйцеклетки) генетику можно считать его прямым продолжением. Также и эпигенетика с ее идеей влияния внешних факторов среды на реализацию генотипа, по сути, есть не что иное, как идейное продолжение эпигенеза. Тем не менее, на новом витке познания теории наполняются совершенно иным содержанием.

### Литература

Аристотель. О частях животных / пер. с греч., вступ. ст. и примеч. В.П. Карпова. М.; Л.: Гос. изд-во биологической и медицинской литературы (Биомедгиз), 1937. 224 с.

Гурвич, А.Г. Теория биологического поля. М.: Советская наука, 1944. 157 с.

Карпов, В.П. Аристотель и его научный метод // Аристотель. О частях животных / пер. с греч., вступ. ст. и примеч. В.П. Карпова. М.; Л.: Гос. изд-во биологической и медицинской литературы (Биомедгиз), 1937. С. 9-28.

Лейбниц, Г.Ф. Размышления о жизненных началах и о пластических натурах // Г.Ф. Лейбниц. Сочинения в 4-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 370-377.

Любищев, А.А. О природе наследственных факторов: критическое исследование. Пермь: 2 тип. «Пермполиграф», 1925. 142 с.

Фельзенфельд, Г. Краткая история эпигенетики // Эпигенетика. М.: Техносфера, 2010. С. 26-32.

Чайковский, Ю.В. Эволюция. Вып. 22 «Ценологические исследования». М.: Центр системных исследований – ИИЕТ РАН, 2003. 472 с.

### References

Aristotle (1937), *O chastyakh zhivotnykh* [On animal parts], transl. by Karpov, V. P., Gosudarstvennoe izdatel'stvo biologicheskoy i meditsinskoy literatury, Moscow-Leningrad, USSR (in Russ.).

Chaykovskiy, Yu. V. (2003), *Evolutsiya. Vypusk 22 "Tszenologicheskie issledovaniya"* [Evolution. Issue 22 "Cenological research"], Centr sistemnykh issledovaniy, IHST RAS, Moscow, Russia (in Russ.).

Felsenfeld, G. (2010), "A Brief History of Epigenetics", *Epigenetika* [Epigenetic], Tekhnosfera, Moscow, Russia, 26-32 (in Russ.).

Gurvich, A. G. (1944), *Teoriya biologicheskogo polya* [Biological field theory], Sovetskaya nauka Publishing House, Moscow, USSR (in Russ.).

Karpov, V. P. (1937), "Aristotle and his scientific method", *Aristotel', O chastyakh zhivotnykh* [On animal parts], Biomedgiz, Moscow-Leningrad, 9-28, USSR (in Russ.).

Leibniz, G. F. (1982), "Reflections on life's origins and plastic natures", *Sochineniya v 4-kh tomakh. T. 1* [Collected works in 4 vols. Vol. 1], Mysl', Moscow, Russia, 370-377 (in Russ.).

Lyubishchev, A. A. (1925), *O prirode nasledstvennykh faktorov: kriticheskoe issledovanie* [On the nature of hereditary factors: critical research], Permpoligraf, Perm', USSR (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

*Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

#### **ОБ АВТОРЕ:**

**Хен Юлия Вонховна**, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Центра био- и экофилософии Института философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; [hen@iph.ras.ru](mailto:hen@iph.ras.ru)

#### **ABOUT THE AUTHOR:**

**Julia V. Khen**, DSc in Philosophy, Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; [hen@iph.ras.ru](mailto:hen@iph.ras.ru)



УДК 1.091.470

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-3

Лыткин В. В.<sup>1</sup>,  
Тихомиров В. М.<sup>2</sup> | **Инкорпорирование Платоном (Левшиным) понятия  
«благочестие» в пространство российского общества  
второй половины XVIII века**

<sup>1</sup>Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, ул. Степана Разина, д. 26,  
г. Калуга, 248023, Россия; [vlad-lytkin@yandex.ru](mailto:vlad-lytkin@yandex.ru);

<sup>2</sup>Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, ул. Степана Разина, д. 26,  
г. Калуга, 248023, Россия; [O\\_vyacheslav@mail.ru](mailto:O_vyacheslav@mail.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена вопросу формирования концептуально-этического понятия «благочестие» и его инкорпорирования в социально-политическую жизнь российского общества второй половины XVIII века. На основе философского анализа текстов митрополита Платона (Левшина) показывается, что мировоззрение российского общества данного исторического периода формировалось через философскую среду и личностную сентенцию. В своих трудах Платон (Левшин) противостоит либеральным взглядам «западных» философов и формирует альтернативную, основанную на религиозно-философских понятиях философско-антропологическую систему, краеугольным камнем которой является идеальный государственно-этический образ личности. Основная задача исследования, решаемая в статье, – герменевтически прояснить содержание ключевых понятий философско-богословского наследия Платона (Левшина).

**Ключевые слова:** антиномичность; религиозно-этическая жизнь; личность; митрополит Платон (Левшин)

**Для цитирования:** Лыткин В. В., Тихомиров В. М. Инкорпорирование Платоном (Левшиным) понятия «благочестие» в пространство российского общества второй половины XVIII века // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 24-32. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-3

V. V. Lytkin<sup>1</sup>,  
V. M. Tikhomirov<sup>2</sup> | **Platon (Levshin)'s incorporation of the concept of "piety"  
in the socio-political life of Russian society in the second half  
of the 18th century**

<sup>1</sup>Tsiolkovsky Kaluga State University, 26 Stepan Razin St., Kaluga, 248033, Russia;  
[vlad-lytkin@yandex.ru](mailto:vlad-lytkin@yandex.ru);

<sup>2</sup>Tsiolkovsky Kaluga State University, 26 Stepan Razin St., Kaluga, 248033, Russia;  
[O\\_vyacheslav@mail.ru](mailto:O_vyacheslav@mail.ru)

**Abstract.** The present article is devoted to the formation of the conceptual and ethical concept of "piety" and its representation in the socio-political life of the Russian society in the second half of the 18th century. Based on the philosophical analysis of the texts of Metropolitan Platon (Levshin), it is shown that the worldview layer of

Russian society of this historical period was formed in socio-philosophical discourse, through ideological integration and personal epigram. In his works, Platon (Levshin) opposes the liberal views of "Western" philosophers and forms an alternative, based on religious and philosophical theories, philosophical and anthropological system, the key position of which is the ideal state and ethical image of the individual. The main tasks of the study of this issue are to clarify the content of the key concepts of the philosophical and theological heritage of Platon (Levshin).

**Keywords:** antinomicity; religious and ethical life; personality; Metropolitan Platon (Levshin)

**For citation:** Lytkin V. V., Tikhomirov V. M. (2021), "Platon (Levshin)'s incorporation of the concept of "piety" in the socio-political life of Russian society in the second half of the 18th century", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 24-32, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-3

## Введение

Социокультурный анализ социально-философских процессов современного российского общества показывает, что движения, происходящие в нем, во многом основываются на христианской культуре, религиозном миропонимании бытия и личности. Однако идеологическое непостоянство, которое свойственно общественному сознанию последних десятилетий, порождает кризис взглядов в современном обществе (Богданова, 2018: 28). Попытки решить данную идеологическую проблему постмодернистскими и квазирелигиозными средствами не только не приносят должного результата, но еще более усугубляют ее.

Современное общество, фетишизирующее потребление за счет ущемления духовных и интеллектуальных свойств личности, распространяет свое влияние и на все области человеческого мировосприятия. На практике этот процесс характеризуется замещением сакральных ценностей бытовыми, что обесценивает бытие личности и превращает ее в духовный суррогат – внешнюю бессодержательную форму. Под внешней праведностью скрывается пренебрежение традиционными ценностями и порой даже противостояние им, игнорирование изменений внутреннего мира личности, ее мыслей и воли.

Сложность данной ситуации и попытки найти цели и смыслы бытия все ча-

ще порождают идеи о возвращении к опыту традиционных ценностных алгоритмов. При этом возникает резонный вопрос: на основании каких источников следует реконструировать традиционную мировоззренческую модель?

В попытках сформировать современное решение данной проблемы имеет смысл обратиться к трудам Платона Левшина, который был яркой, заметной фигурой в общественной жизни России конца XVIII – начала XIX вв. «Для своей эпохи он был очень образованным человеком, который проявил себя не только как талантливый проповедник, учредитель духовных учебных заведений и воспитатель, но и как историк, инициатор и вдохновитель многих архитектурно-строительных мероприятий» (Глазева, 2010: 104). Он был одним из главных представителей церковного ораторского искусства, сформировавшегося в XVIII в. Ключевой особенностью новых тенденций было то, что «проповеди становились, с одной стороны, более простыми и доступными для горожан и сельских жителей, с другой стороны, в их содержании отражались перипетии борьбы с новыми духовными веяниями – вольнодумством, масонством, французским материализмом» (Лысикова, 2021: 26). «Поучительные слова» митрополита Платона характеризуются возвышенностью, но в то же время доступностью для восприятия, а

личность проповедника — харизматичностью и самоотдачей: «Продолжал он свои беседы часа по два, по три; и не по самолюбию, не из любви к славе своей делал он это, а из ревности к слову Божьему» (Надеждин, 1883: 20). Основными темами этих произведений ораторского искусства были «обязанности человека в его отношении к Богу, Церкви, ближним; говорит об истине, благе и добродетели, об общественном благоустройстве и воспитании, об источниках общественного и личного благополучия, о нравственном воспитании» (Платонов, 2013: 42).

Платон Левшин, основываясь на позднеантичной христианской философии, сформировал актуальнейшую для своего времени (когда «социальная проблематика занимает все более и более видное место в трудах отечественных философов и мыслителей» (Лыткин, 2012: 58)) философско-богословскую антропологическую концепцию. Одним из центральных ее положений является учение об идеализированной личности, лишенной деструктивных качеств, которая соотносит себя с фундаментальными христианскими морально-этическими понятиями и с готовностью, осознанно и решительно придерживается их. Такого человека митрополит Платон называл «*благочестивый человек*».

В статье мы проводим анализ текстов «Поучительных слов» митрополита Платона Левшина, направленных «к духовным нуждам паствы и способностям ее восприятия» (Кашеваров, 2019: 7), для достижения следующих целей: истолковать понятие «благочестие» в философско-религиозном наследии Платона (Левшина) и описать опыт инкорпорирования митрополитом этого понятия в социально-политическую жизнь российского общества второй половины XVIII века.

### **Квинтэссенция религиозно-философской мысли митрополита Платона (Левшина)**

Анализ философской мысли Левшина показывает, что, с его точки зрения, че-

ловек как продукт божественного творения в сфере развития своего бытия должен руководствоваться религиозно-нравственными ценностями: «Человек создан от Бога не так, как небо и прочия бездушные вещи или и скоты; но по образу и по подобию Божию, то есть создан святым и непорочным по образу святости Божия, премудрым по образу премудрости Божия, праведным по образу праведного Бога. Да еще силы в создании получил такие, которыми бы ему творить все доброе, подобаясь самому Богу: быть милостивым, как Отцу Небесному; любить ближнего, как самому Господу; стараться о других пользе, как самому Творцу; уклоняться от зла, чтоб подобным быть Богу, который со всех сторон есть самое добро»<sup>1</sup> (митр. Платон (Левшин), 1781, 8: 56).

Таким образом, вопрос аксиологии предстает ключевым критерием развития человеческой личности, в которой, по мере развития, начинает доминировать тот или иной вектор нравственной ориентированности, что непосредственно влияет на осознание им личной свободы и закономерности своего бытия. Данная концепция искони заключена в православной религиозной философии, но инновацией Платона (Левшина) стала ее актуализация и адаптация, а также попытка представить ее для императрицы Екатерины II и будущего императора Павла I как осознанно необходимую социальную идеологию, а через них и для всего общества XVIII века.

В XVIII веке светское общество под воздействием западноевропейских просветительских идей постепенно отходит от традиционных сакральных смыслов и христианского дискурса. Платон Левшин, осознавая эту ситуацию как ошибочную, делает попытку вновь поставить аксиологический ракурс российской православной религиозно-философской традиции на

<sup>1</sup> При воспроизведении цитат из источников конца XVIII века авторами и редакцией произведено частичное осовременивание орфографии и пунктуации для прояснения семантики пастырского слова. — *Прим. ред.*

первостепенное место, опираясь на традицию как важный феномен. Он считает, что его поколение должно вновь пролонгировать аскетические обычаи Православной церкви и воспроизвести их как символическую субстанцию в обществе. Образцом такой просветительской деятельности является поучительное слово Платона (Левшина), которое он произнес 21 апреля 1772 года в присутствии императрицы Екатерины в ее день рождения. В нем он декларирует: «Не может быть общество, не утвержденное на основании богопочтения; не может быть гражданина, чтобы не был вместе верным хранителем драгоценного залога благочестия; не могут общественные дела иметь своей силы и действия, не будучи подкрепляемы тем законом, который обязывает совесть и подвергает во всех делах отчет дать не человеку только, но и Богу, испытующему сердца и утробы» (митр. Платон (Левшин), 1780, 2: 363).

#### **Религиозно-гражданское понятие «благочестие» у Платона (Левшина)**

Структурируя систему моральных устоев и этических идеалов и приспособив их к своим современникам, Платон Левшин создает идеологическую религиозно-нравственную платформу, актуальную для современного ему общества. Адаптируя моральные предписания, но при этом не искажая их сущности, он стремится трансформировать самосознание индивида. Через религиозно-этические нормы и идеалы в человеке должны быть «открыты искренность и беспристрастная душа» (там же: 68). В ходе религиозно-нравственного изменения как основного фактора развития личности, в последней реализуется морально-этический процесс, который Платон Левшин называет «чисто-сердечное доброжелательство» (митр. Платон (Левшин), 1781, 8: 54).

Индивид, развивая свою нравственную составляющую, сталкивается с проблемой неравнозначности своего морального выбора, а именно: «мы очень склонны ко злу, мало к добру» (там же). Осозна-

ние данной проблемы вынуждает человека упорядочить свою действительность, конкретизировать свои духовно-нравственные цели и задачи, а также определить свою личную позицию в общественной сфере.

Специфику состояния человеческого существования Платон Левшин описывает термином «попадение» (там же), то есть после грехопадения, которое связывает человека с «первородным грехом», а последствия которого непосредственно влияют на духовно-нравственное состояние личности. Таким образом, негативный нравственный опыт предыдущих поколений мешает индивиду структурировать свое бытие.

Через религиозную жизнь человек получает сформировавшуюся систему морально-этических ценностей христианства: «Что же есть жизнь человека и в ее продолжении? Она есть течение дел сходных с естеством его. Течение сие должно стремиться к добродетели; а добродетель приводит к Богу. От добродетели рождается в душе истинное удовольствие: а соединение с Богом есть источник блаженства безконечного. Положив, что человек сея жизни не был бы участен, тем самым к блаженству таковому имел бы он пред собою двери, мраком небытия затворенные» (митр. Платон (Левшин), 1780, 2: 235). При этом следует отметить, что для Платона Левшина такое состояние индивида является естественным и даже приоритетным. Свою позицию он аргументирует доступностью в принятии для человека христианской религии, которая через формирование у субъекта навыка рефлексии образует у него систему аксиологических принципов, где внутренний мир индивида превалирует над внешним (см.: митр. Платон (Левшин), 1781, 9: 25).

Моральная рефлексия призвана нравственно устремиться к небесному «сокровищу <...> сокровище же есть Христос» (там же), преобразовать себя по Его образу и раскрыть в себе Его потенциал для постижения Истины: «Благочестивая душа сводит с небес Христа, и в свое преселяет



сердце; горняя мудрствуйте, а не земная: скажите дерзновенно тот Павлов глас: не к тому аз живу, но живет во мне Христос» (там же).

Практическое решение задачи формирования благочестивого человека предлагает Платон Левшин в своей религиозной философии. Свою концепцию он основывает на приоритете религиозно-этических ценностей, которые дают человеку метафизическую перспективу спасения. Только тогда, когда сущность человека постепенно сближается с сущностью Христа, личность приобретает значимость и смысл в своем бытии.

В общественной жизни XVIII века наблюдалась популяризация секулярных и порой даже антихристианских идей. В своей общественно-церковной деятельности митрополита Московского и Калужского Платон Левшин в противовес секулярной позиции формирует на традиционных началах социальную концепцию, в центре которой лежит проблема моральной адаптации «благочестивого человека» во все общественные структуры.

Имея возможность напрямую заявить свою позицию непосредственно императрице Екатерине II, Платон Левшин одним из первых среди церковных иерархов формирует актуальное для того исторического периода мировоззренческое видение проблемы преобразования социума и индивида. Данная позиция была расценена Екатериной II как идеологическая солидарность с ее реформаторской деятельностью. Вот как сам Платон Левшин в «Автобиографии» описывает отношение императрицы к его проповеди о благочестии: «Посему Императрица прибыла в Лавру. Платон, яко наместник, встретил Императрицу у Креста с приветствием; и по прибытии на другой день говорил проповедь о пользе благочестия, которую Государыня столь приняла благоволительно, что тотчас повелела оную напечатать, и удостоила сего архимандритом быть при своем царском столе» (цит. по: Калитин, 2015: 29).

Митрополит Платон, анализируя место «добродетельного человека» в общественном пространстве, дифференцирует деятельность по предметному критерию, выделяя три метода ее реализации, которые должны трансформировать различные сферы общественного бытия: «Все в общем дела разделены быть могут на общенародные, духовные и гражданские» (митр. Платон (Левшин), 1779, 1: 12).

Анализируя содержание общенародного способа деятельности, который затрагивает подавляющее большинство людей, можно сделать вывод, что изменение морально-нравственных компетенций личности во всех аспектах повседневной жизни, «например, землю орать, продать, купить, нанять, работать, помочь, одолжить и прочее» (митр. Платон (Левшин), 1779, 1: 12), изменяет и весь окружающий строй общественного бытия. Эта тривиальная человеческая деятельность, с точки зрения Платона (Левшина), имеет непосредственную социальную связь между личной совестью и добродетелью индивидуума и социальным благополучием всего общества. Осмысливая концепцию Гельвеция, согласно которой «добродетельный человек не тот, кто жертвует своими привычками и самыми сильными страстями ради общего интереса, – такой человек невозможен...» (Гельвеций, 1973: 413), Платон Левшин изменяет саму суть данного порядка вещей и ставит на первоочередное место духовные потребности, а потом уже общественные и личные. Таким образом, способ человеческого существования в повседневной жизни в корне трансформируется и приносит благо как самой личности, так и окружающему ее обществу.

Особое внимание Платон Левшин уделял духовному сословию и церкви как общественному институту. Н.К. Гаврюшин пишет, что в вопросе определения понятия «церковь» митрополит Платон придерживался традиции схоластической богословской ориентированности, «которая время от времени обнаруживала отклонения то к “папизму”, то к “протестантизму”» (Га-

врюшин, 1998: 85), однако стоит отметить, что Платон Левшин в своих трудах не выходил за границы православной экклесиологии и видел в церкви не просто человеческую организацию, а мистический союз Бога и людей: «Истинная убо церковь, яко из драгоценных и одушевленных камней, состоит из Христиан, искупленных дражайшею кровию, яко агнца непорочна и пречиста Христа, по оным великаго учителя словам: Вы есте церкви Бога жива, и дух Божий живет в вас... которые свое Богослужение утверждают не на слабом основании человеческого умствования, но на твердом камени Божияго слова, и на просвещении проистекшем из сего святого источника» (митр. Платон (Левшин), 1780, 3: 7-8). Духовные лица как носители и популяризаторы этических идей должны быть нравственным примером для всего социума: «Когда духовенство истинным благочестием украшает себя <...> так исполняют закон Христов» (митр. Платон (Левшин), 1779, 1: 16). В европейских социально-государственных концепциях XVIII века духовенство, как правило, рассматривалось как сословный анахронизм и исключалось из видения будущего мира и бытия. Однако Платон (Левшин) предлагает Екатерине II не отказываться от возможного потенциала этого сословия: «не сумнительно, что ничто не может быть драгоценнее, ничто любезнее, ничто пристойнее, как пастырь, в котором учение с благочестием соединено есть» (там же: 17).

Под духовной деятельностью Платон Левшин подразумевает специфическую (основывающуюся на морально-нравственных ценностях) форму активного отношения к окружающей действительности, которая заключается в целесообразном преобразовании социального бытия. Такой вид деятельности сталкивает целеполагающую моральную составляющую воли субъекта и объективные закономерные составляющие общественной жизни: «Духовные дела суть: учить, проповедывать слово, заблуждающих обращать, не-

мощных подкреплять, утешать унывающих, быть житием примером другим, со страхом и благоговением божественную отправлять службу, и дело Божие творить не с небрежением» (там же: 15). В XVII–XVIII веках деятельность священников, как правило, ограничивалась внешним совершением религиозных обрядов. Однако Платон Левшин формирует новую поведенческую модель и значительно расширяет границы полномочий священнослужителя, тесным образом интегрируя его в структуру общества. Стоит отметить, что итоги деятельности Платона Левшина как церковного иерарха весьма заметны: «Почти половина епископата Русской Церкви являются выпускниками школ, которые были либо основаны митр. Платоном, либо находились в его непосредственном подчинении, более того, более 30 % епископов прошли Троицкую семинарию – излюбленную школу московского митрополита» (Лютко, 2019: 125). Благодаря трудам по развитию и реформам духовных учебных заведений «были поразительно верно указаны многие принципы функционирования и предугаданы характерные черты российской духовной школы грядущих веков» (Сухова, 2007: 101).

Платон Левшин ставил своей целью помощь в формировании представителей нового поколения российского общества, которые воспринимали бы окружающую действительность государствоцентрично. Квинтэссенция деятельности таких людей должна быть основана на морально-этической парадигме «правды», которую Платон Левшин ставит в их деятельности на первое место: «Судить, защищать невинного, повинного осуждать, править другими, разбирать всякие дела ко всякому удовольствию, и во всем крепко наблюдая правду, стараться о всяком благополучии» (митр. Платон (Левшин), 1779, 1: 17). В общественно-политическую жизнь вносятся нравственный критерий, воспринимаемый в данной ценностной парадигме выше, чем компетентностный.

Апогеем социальной компетенции является императорская деятельность, которая, с точки зрения Платона Левшина, должна быть «высокодобродетельной». Образ Петра I репрезентируется как нравственно-этический («благочестия дело от правлять со всяким благоговением» (там же: 20)) и социально-политический («отца нашего отечества», политика и полководца (там же)) идеал, синтезируя в общественном сознании парсуну «преславного героя, Великого Петра» (там же).

Развивая идею о «благоговейном монархе» путем индуктивного умозаключения, данный образ переносится на «благочестивейшую» Екатерину II, которая является «подражательницей» Петра I (там же: 21). В панегирической манере Платон Левшин говорит не о реальном правлении императрицы (которая на тот момент царствовала менее года), а об идеализированном образе ее будущего правления: «Ни чести желания, ниже сокровища злата и серебра возбудили дух ея на оное пречудное предприятие, как токмо, чтобы церковь избавить от угрожающих ей зол и любезному отечеству спокойно и благополучно даровать» (там же).

С точки зрения Платона (Левшина), «благочестие» является неперменным атрибутом императорской власти в Российской империи (там же: 20), а императрица как носитель государственной власти имеет сакральное внеисторическое значение покровителя религиозно-нравственной жизни общества. Через личный пример монарха «благочестием, основанным на вере» (митр. Платон (Левшин), 1779, 1: 34), формируется все духовно-нравственное состояние российского общества.

### Заключение

В своем философско-религиозном учении Платон Левшин производит попытку через интеграцию нравственности отдельной личности в общественное пространство преобразовать весь социум. Согласно христианской нравственной этике, каждый человек является «ближним» дру-

гому, на этом строится система взаимоотношений. Платон Левшин расширяет понятие «ближний» до всего окружающего его социума: «Ежели бо всякого человека почитать должны за ближняго своего, кольми паче сим именем требует быть почитено от нас все общество» (митр. Платон (Левшин), 1779, 1: 78). Приводя аллегорический пример человеческого тела, где каждый орган заботится о другом, Платон Левшин выражает четкую взаимосвязь: благополучное общество является следствием личного благополучия. И индивид, который нарушает данное «благополучие», вредит не только всему обществу в целом, но и самому себе. Достижение благого общества возможно только таким путем, «когда в том звании, в которое от Бога призван всяк, будем с верностью исправны» (митр. Платон (Левшин), 1779, 1: 79). Данная модель идеального индивидуально-общественных отношений формирует целостность бытия общества и индивида в нем.

### Источники

Автобиография, или Записки о жизни Платона, митрополита Московского // Митрополит Платон (Левшин) и его учено-монашеская школа. К чести духовного чина / отв. ред. и сост. П.В. Калитин. М.: Институт русской цивилизации, Институт общегуманитарных исследований, 2015. С. 5-96.

Платон (Левшин), митр. Поучительные слова. Т. 1: [Поучительные слова с 1763 года по 1778 год]. М.: Сенатская тип. Ф. Гиппиуса, 1779. 375 с.

Платон (Левшин), митр. Поучительные слова. Т. 2: [Поучительные слова с 1763 года по 1780 год]. М.: Сенатская тип. Ф. Гиппиуса, 1780. 444 с.

Платон (Левшин), митр. Поучительные слова. Т. 3: [Поучительные слова с 1763 по 1780 год]. М.: Сенатская тип. Ф. Гиппиуса, 1780. 375 с.

Платон (Левшин), митр. Поучительные слова. Т. 8. Катехизис, или Первоначальное наставление в христианском законе. М.: Сенатская тип. Ф. Гиппиуса, 1781. 383 с.

Платон (Левшин), митр. Поучительные слова. Т. 9. Катехизис, или Первоначальное наставление в христианском законе: [продол-

жение]. М.: Сенатская тип. Ф. Гиппиуса, 1781. 376 с.

### Литература

Богданова, М.В. Религия и ценности поколений в современной России // *Архонт*. 2018. № 1 (4). С. 27-30.

Гаврюшин, Н.К. На границе философии и богословия: Шеллинг – Одоевский – митрополит Филарет (Дроздов) // *Богословский вестник*. 1998. Т. 2. Вып. 2. С. 82-95.

Гельвеций, К.А. Об уме // Гельвеций, К.А. Сочинения. В 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1973. С. 143-605.

Глазева, А.С. Жизнь и взгляды московского митрополита Платона (Левшина) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2009. № 15 (70). С. 104-110.

Калитин, П.В. *Метаморфозы современной России*. М.: Изд-во Института общегуманитарных исследований, 2016. 280 с.

Кашеваров, А.Н. Церковная проповедь в XVIII – первой половине XIX века: особенности эволюции // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. Т. 10. № 1. С. 7-17.

Лысикова, Н.П. Источники формирования и особенности публичной риторики Московского митрополита Платона (Левшина) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 24-28.

Лыткин, В.В. *Космические альтернативы человечества: социально-философские, антропологические и религиозные проблемы русского космизма*. СПб.: Книжный дом, 2012. 208 с.

Лютко, Е.И., диак. Роль митрополита Платона (Левшина) в становлении церковной корпоративности (рубеж XVIII–XIX вв.) // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2019. № 1 (25). С. 116-133.

Надеждин, А.А. *Митрополит Московский Платон Левшин как проповедник*. Казань: Тип. Императорского университета, 1883. 224 с.

Платонов, Н., протоиерей. Митрополит Платон (Левшин) как проповедник // *Платоновские чтения: сб. материалов*. М.: Перервинская духовная семинария, 2013. С. 40-53.

Сухова, Н.Ю. Духовно-учебные принципы митрополита Платона (Левшина) и их развитие в истории высшего духовного образования // *Труды Перервинской православной ду-*

*ховной семинарии. Научно-богословский журнал*. 2011. № 3. С. 86-103.

### Sources

“Autobiography, or Notes on the life of Platon, Metropolitan of Moscow” (2015), *Mitropolit Platon (Levshin) i ego ucheno-monasheskaya shkola. K chesti dukhovnogo china* [Metropolitan Platon (Levshin) and his monastic school. To the honor of the spiritual rank], in Kalitin, P. V. (ed.), Institut russkoy tsivilizatsii, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, Moscow, Russia, 5-96 (in Russ).

Platon (Levshin), Metropolitan (1779), *Pouchitel'nye slova. Tom 1 (Pouchitel'nye slova s 1763 goda po 1778 god)* [Instructive words. Vol. 1 (Instructive words from 1763 to 1778)], Senatskaya tipografiya F. Gippius, Moscow, Russia (in Russ).

Platon (Levshin), Metropolitan (1780), *Pouchitel'nye slova. Tom 2 (Pouchitel'nye slova s 1763 goda po 1780 god)* [Instructive words. Vol. 2 (Instructive words from 1763 to 1780)], Senatskaya tipografiya F. Gippius, Moscow, Russia (in Russ).

Platon (Levshin), Metropolitan (1780), *Pouchitel'nye slova. Tom 3 (Pouchitel'nye slova s 1763 goda po 1780 god)* [Instructive words. Vol. 3 (Instructive words from 1763 to 1780)], Senatskaya tipografiya F. Gippius, Moscow, Russia (in Russ).

Platon (Levshin), Metropolitan (1781), *Pouchitel'nye slova. Tom 8 (Katehizis, ili Pervonachal'noe nastavlenie v hristianskom zakone)* [Instructive words. Vol. 8 (Catechism, or the Original instruction in the Christian Law)], Senatskaya tipografiya F. Gippius, Moscow, Russia (in Russ).

Platon (Levshin), Metropolitan (1781), *Pouchitel'nye slova. Tom 9 (Katehizis, ili Pervonachal'noe nastavlenie v hristianskom zakone: [prodolzhenie])* [Instructive words. Vol. 9 (Catechism, or the Original instruction in the Christian Law: [continued])], Senatskaya tipografiya F. Gippius, Moscow, Russia (in Russ).

### References

Bogdanova, M. V. (2018), “Religion and values of generations in Russia”, *Arkhyont*, 1 (4), 27-30 (in Russ).

Gavryushin, N. K. (1998), “On the border of philosophy and theology: Schelling – Odoev-



sky – Metropolitan Filaret (Drozdov)”, *Bogoslovskiy vestnik*, 2 (2), 82-95 (in Russ.).

Glazeva, A. S. (2009), “Life and views of Platon (Levshin), Metropolitan of Moscow”, *Belgorod State University Bulletin. History. Political science*, 15 (70), 104-110 (in Russ.).

Helvetius, C. A. (1973), “About the mind”, *Sochineniya v 2 tomakh. Tom 1*. [Works in 2 volumes. Vol. 1], Mysl', Moscow, Russia, 143-605 (in Russ.).

Kalitin, P. V. (2016), *Metamorfozy sovremennoi Rossii* [Metamorphoses of modern Russia], Publishing house of the Institute of General Humanitarian Research, Moscow, Russia (in Russ.).

Kashevarov, A. N. (2019), “Church Sermon in the 18th and the First Half of the 19th Century: Specifics of Evolution”, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal: Humanities and Social Sciences*, 10 (1), 7-17 (in Russ.).

Lysikova, N. P. (2021), “The Sources of Formation and Specific Features of Public Rhetoric of Metropolitan Platon of Moscow (Levshin)”, *Izvestiya of Saratov University. New Series. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 21 (1), 24-28 (in Russ.).

Lytkin, V. V. (2012), *Kosmicheskie al'ternativy chelovechestva: sotsial'no-filosofskie, antropologicheskie i religioznye problemy russkogo kosmizma* [Cosmic alternatives of humanity: sociophilosophical, anthropological and religious problems of Russian cosmism], Knizhnyi dom, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Lyt'ko, E. I. (2019), “The Role of Metropolitan Platon (Levshin) in the Emergence of Church-Hierarchical Identity”, *Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary*, 1 (25), 116-133 (in Russ.).

Nadezhdin, A. A. (1883), *Mitropolit Moskovskiy Platon Levshin kak propovednik* [Metropolitan of Moscow Platon Levshin as a preacher], Imperial University, Kazan', Russia (in Russ.).

Platonov, N. (2013), “Metropolitan of Moscow Platon (Levshin) as a preacher”, *Platonovskie chteniya: sbornik materialov* [Platonic readings: collection of materials], Perervinskaya Orthodox Theological Seminary, Moscow, Russia, 40-53 (in Russ.).

Suhova, N. Yu. (2011), “Spiritual and academic principles of Metropolitan Platon (Levshin) and their development in the history of the highest theological education”, *Trudy Perervinskoy pravoslavnoy dukhovnoy seminarii. Nauchno-bogoslovskiy zhurnal* [Proceedings of the Perervinskaya Orthodox Theological Seminary. Scientific and Theological Journal], 3, 86-103 (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.*

*Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.*

#### **ОБ АВТОРАХ:**

**Лыткин Владимир Владимирович**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, ул. Степана Разина, 26, Калуга, 248023, Россия; Почетный профессор Международного космического университета (Страсбург, Франция); [vlad-lytkin@yandex.ru](mailto:vlad-lytkin@yandex.ru)

**Тихомиров Вячеслав Михайлович**, соискатель кафедры философии и культурологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, ул. Степана Разина, 26, Калуга, 248023, Россия; [o\\_vyacheslav@mail.ru](mailto:o_vyacheslav@mail.ru)

#### **ABOUT THE AUTHORS:**

**Vladimir V. Lytkin**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Tsiolkovsky Kaluga State University, 26 Stepan Razin St, Kaluga, 248033, Russia; Honorary Professor of the International Space University (Strasbourg, France); [vlad-lytkin@yandex.ru](mailto:vlad-lytkin@yandex.ru)

**Vyacheslav M. Tikhomirov**, Candidate of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Tsiolkovsky Kaluga State University, 26 Stepan Razin St, Kaluga, 248033, Russia; [o\\_vyacheslav@mail.ru](mailto:o_vyacheslav@mail.ru)

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-4

Борисова О. С.<sup>1</sup>, | К апокалипсису и обратно. Время в проекте «нового человека»  
Буйнякова И. С.<sup>2</sup> | 20-х годов XX века

<sup>1</sup>Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; [borisova@bsu.edu.ru](mailto:borisova@bsu.edu.ru)

<sup>2</sup>Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; [buinyakova@bsu.edu.ru](mailto:buinyakova@bsu.edu.ru)

**Аннотация.** Феномен русской революции не теряет своей актуальности по прошествии более чем ста лет после 1917 года и сегодня приобретает новые смыслы, объединяясь с проблемами легитимности, суверенности, медиа, а также фундаментальными проблемами насилия, террора, времени и многими другими. В статье предпринята попытка опереться на трактовку революции как события-разрыва (А. Бадью), в том числе и разрыва времени, отменяющего привычное его течение и создающего новый временной отсчет, соединив это понимание времени как конструкта с рефлексией апокалиптичности времени в восприятии русских мыслителей конца XIX – начала XX вв., прежде всего Н.А. Бердяева, писавшего о двояком времени апокалипсиса как о конце времени – вечности, а также как о «дурной бесконечности». Такой синтез дает возможность проследить изменение представлений о времени до 20-х годов XX века в движении к апокалипсису и возвратному в контексте идей о «новом человеке». «Новый человек» из жертвующего собой революционера-террориста, принимающего идею конца времени, трансформируется в деятельного творца, в том числе творца времени в репрезентациях Д. Вертова, предстает объектом педагогического воздействия и актором проективного времени у А.В. Луначарского, а также продуктом машинного воздействия у А. Гастева, сближающего до предела объективное время и время индивидуальное, субъективное, скрывающее время-конструкт самого проекта «нового человека».

**Ключевые слова:** время; революция; человек; апокалипсис; «новый человек»; проект

**Для цитирования:** Борисова О. С., Буйнякова И. С. К апокалипсису и обратно. Время в проекте «нового человека» 20-х годов XX века // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 33-40. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-4

O. S. Borisova<sup>1</sup>,  
I. S. Buinyakova<sup>2</sup>

To the apocalypse and back. Time in the project of the “new man”  
of the 1920s

<sup>1</sup>Belgorod State National Research University, 85 Russia, Pobedy St., 85308015, Belgorod;  
*borisova@bsu.edu.ru*

<sup>2</sup>Belgorod State Institute of Arts and Culture, 7 Korolev St., Belgorod, 308000, Russia;  
*buinyakova@bsu.edu.r*

**Abstract.** The phenomenon of the Russian Revolution has not lost its relevance after more than a hundred years since 1917. Today, it acquires new meanings, merging with problems of legitimacy, sovereignty, media, as well as the fundamental problems of violence, terror, time and many others. The article attempts to rely on A. Badiou's interpretation of revolution as a rupture event, including a rupture of time that abolishes the usual flow of time and creates a new timeline, connecting this understanding of time as a construct with the reflection of apocalyptic time in the perception of Russian thinkers of the late XIX – early XX centuries, first of all N.A. Berdyaev, who wrote about the double time of the apocalypse as the end of time – eternity, as well as about “bad infinity”. This connection makes it possible to trace the change in ideas about time to the 1920s in the movement from the Apocalypse and return back in the context of ideas about the “new man”. The “new man” is transformed from a self-sacrificing terrorist-revolutionary who accepts the idea of the end of time into an active creator, including the creator of time in the representations of D. Vertov, an object of pedagogical influence and an actor of projective time in A. V. Lunacharsky, and a product of machine influence in A. Gastev, who brings objective time and individual, subjective time together to the utmost, concealing time-construct of the “new man” project.

**Key words:** time; revolution; man; Apocalypse; “new man”; project

**For citation:** Borisova O. S., Buinyakova I. S. (2021), “To the apocalypse and back. Time in the project of the “new man” of the 1920s”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 33-40, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-4

Проблему времени, вынесенную нами в название статьи, можно отнести к одной из фундаментальных проблем философии. Интерес к ней особенно обостряется в переломные, кризисные, революционные периоды, когда можно говорить о «разрыве» (А. Бадью) времени, а также о времени как конструкте. Последнее опирается на достаточно разработанную парадигму, укорененную в понимании времени не как априорной характеристики мира, а как переживания изменений, рефлексии изменений обществом (Ж. Гурвич), цивилизациями (Ф. Бродель, М. Блок), людьми (М. де Серто, П. Бурдьё). В этой парадиг-

мальной рамке также находится концепция времени А. Бадью, в которой время конструируется и находится в зависимости от революции, понимаемой как событие (Бадью, 2006). Событие революции производит «разрыв» времени, прерывает течение времени. Событие, трактуемое как онтологический феномен, также предстает как событие-репрезентация, которое воплощается в литературе и кинематографе и анализ которого как раз и позволяет нам сказать нечто о времени. Отметим, что интересовать нас будет не революция вообще и ее темпоральность, но способ обращения с революцией как достаточно специфичным

объектом. Поскольку революция прерывает течение времени, останавливает его, то неизбежно возникают смыслы конца времени, его отмены, прекращения. И далее возникает проблема его перезапуска, проблема начала, по своей сути демиургическая задача создания нового мира и нового времени.

В отношении русских революций начала XX века эта динамика в конструировании и восприятии времени может быть осмыслена через обращение к известным концептам «нового человека» и революции как апокалипсиса<sup>1</sup>. Причем последний концепт достаточно разработан в отечественном философском дискурсе, от сборников «Вехи» и «Из глубины», включая и более ранние работы русских мыслителей, таких как Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, до современных, представленных работами С. Новикова (Новиков, 2019), И. Ткаченко (Ткаченко, 2007), Х. Гюнтера (Гюнтер, 2012). Исследования по проблеме «нового человека» также многочисленны; взятые в контексте русских революций и становления Советского государства в 20-е годы XX века, они могут быть локализованы работами П. Флоренского, Н. Бердяева, В. Розанова, А. Луначарского, А. Гастева и многих других, в том числе современных: С. Никольского (Никольский, 2012), А. Фишевой (Фишева, 2020). Можно с некоторым удивлением констатировать, что эти два тематических поля и две исследовательские программы, охватывая один исторический период конца XIX – начала XX века, центрируясь темой революции, содержательно не проникают друг в друга. Говоря схематично и несколько утрированно, «новый человек», возникший в недрах революционной субкультуры, эволюционирует в «человека советского», не

обращая внимания на апокалиптические опасения, распространяемые вокруг него. Подобная герметичность указывает на проблему, для нас раскрывающуюся в сложной попытке избавиться от апокалиптичности в проекте нового человека 20-х годов XX века, поиске инструментов, прежде всего репрезентативных, символических, для того чтобы сконструировать время «после» революции.

Чтобы прояснить этот переход, необходимо отметить, что и революционеры конца XIX века, и строители молодого советского государства, уже немалые революционеры, в начале века XX соотносили себя с «новыми людьми». Восприятие себя новым, как и проективность, восходящая к латинскому *projectus* «брошенный вперед», комплементарны друг другу. Революционер не может не быть новым и устремленным в будущее человеком. Можно усилить эти смыслы: «новый человек», выброшенный из настоящего в будущее. В нашем случае выброшенный революцией, фантазией ее творцов, их желанием. Равно как и выброшенный – куда, в какое время? Ожидаемый ответ, что в некое совершенное состояние, более развитое, справедливое, лишенное недостатков настоящего. Для описания такого времени напрашивается образ стрелы, однако для многих революционеров конца XIX века эта стрела, если и была некогда выпущена, то уже попала в цель, которой был апокалипсис, конец времени.

Возможно, наиболее репрезентативным в указанном отношении будет фигура Бориса Савинкова, революционера-террориста и руководителя Боевой организации партии эсеров. Его повесть «Конь бледный» своим названием отсылает к проблеме времени. Дневниковый формат повести «запускает» отсчет времени с 5 марта; автор повести не уточняет, но поскольку реальное историческое событие, убийство московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича Романова, произошло 4 февраля 1905 года, то можно предполо-

<sup>1</sup> В современном русском языке, согласно правилу, пишется Апокалипсис в значении части Нового Завета и апокалипсис в значении "конца света". Источник: Орфографический академический ресурс «Академос» Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (словарная база 2020). – *Прим. ред.*



жить, что прототип главного героя Б. Савинкова Иван Каляев, в произведении Жорж, прибыл в Москву в 1904 или 1905 году. Ожидание – первая характеристика времени этого персонажа. Жорж ожидает совершения теракта, встречи с Еленой, своей возлюбленной, наконец, ожидает смерти. Как профессиональный революционер он готов к смерти, к концу жизни и концу времени, своего времени. И ожидание героя раскрывается как ожидание конца времени, его субъективного времени, частного времени конкретного революционера, но также, на что указывают слова из Апокалипсиса: «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод и сделалась кровь» (Откр; Апок. 16, 4-6) – времени вообще, социального времени, времени всех остальных, жертв террора и его инициаторов.

Об этом же говорит и символизм названия повести «Конь бледный»: последний из коней Апокалипсиса, конь бледный, несет смерть. Речь о смерти человека. Христианский подтекст (так же, как и контекст) всей повести нуждается в еще одной оппозиции, противопоставлении времени и вечности. Жорж не ожидает вечности и отмены времени, он ожидает смерти, и здесь кроется существенная разница. На ней останавливается Н. Бердяев в статье «Вечность и время», опубликованной в Вестнике русского студенческого христианского движения в 1935 году в Париже, в которой указывает на разницу двух Апокалипсисов: одного, после которого «времени больше не будет», а будет вечность; и другого, в котором будет бесконечное время. Второй апокалипсис Н. Бердяев называет личным и связывает с невозможностью выхода из этого времени (Бердяев, 1935: 32). Бесконечное настоящее – время, длящееся без окончания. И хотя в повести Савинкова меняются дни и происходят некоторые события, но время Жоржа не связано с жизнью, оно просто длится: «Однозвучно тянутся дни, недели, годы. Сегодня, как завтра и вчера, как сегодня. Тот же молочный туман, те же се-

рые будни. Та же любовь, та же смерть. Жизнь, как тесная улица...» (Ропшин (Савинков), 1974: 134-135). То есть ощущение времени героя повести, ее автора, профессионального революционера и террориста Б. Савинкова после слов Н. Бердяева нельзя считать частным. Как минимум, можно констатировать наличие такого восприятия у части российского общества конца XIX – начала XX века, в том числе у той общности, которую можно назвать революционной.

Вполне возможно, что такое восприятие времени не было тотальным. В мемуарах П.А. Кропоткина мы не встретим такого выраженного ожидания и апокалиптичности (Кропоткин, 1988). Скорее наоборот, описание его заключения в Петропавловской крепости связано с ожиданием возможности начать писать научные отчеты и проводить исследования, чем с ожиданием смерти. Общим также было ожидание революции, которая как раз и воспринималась по-разному, в зависимости от политических взглядов и личного опыта, и если для террориста Савинкова она была апокалипсисом, то для Герцена событием более теоретическим и отдаленным. В письмах «К старому товарищу» мы находим: «Социальному перевороту ничего не нужно, кроме понимания и силы, знания и средств. <...> Новый водворяющийся порядок должен являться не только мечом рубящим, но и силой хранительной. Нанося удар старому миру, он не только должен спасти все, что в нем достойно спасения, но оставить на свою судьбу все не мешающее, разнообразное, своеобразное» (Герцен, 1955: 81). В этих размышлениях есть не только неспешность приготовления к революции, которая, скорее, есть некий эволюционный переход к новому состоянию, но также отстраненность. Ее нет у Достоевского, который, по мнению Никольского, является автором катастрофического мировоззрения, ссылаясь на слова Н. Бердяева: «Наше мироощущение сделалось катастрофическим. Это Достоевский нам его привил» (Бердяев,

2006: 179). Не будем утверждать, что Достоевский привнес такое мировоззрение, но, безусловно, он его выразил. Мировоззрение катастрофичное, частью которого является апокалиптическое восприятие времени.

Отметим, что время Апокалипсиса как время конца мира имеет два исхода, отмеченные Н. Бердяевым: вечное настоящее, длящаяся «дурная бесконечность» личного апокалипсиса – и конец времени, вечность. Ни тот, ни другой исход времени не согласуется с мировосприятием строителей Советского государства, которые жили не ожиданием уже свершившейся революции, а реализацией проектов создания «нового человека». В отношении восприятия времени это было обратное движение от апокалипсиса, с которым все не закончилось, поскольку время не прекратилось и не остановилось, к времени проективному, выброшенному вперед, активному, деятельностному. В определенном смысле «новый человек» должен был приручить «дурную бесконечность» или, подобно архаическому демиургу, перезапустить ход времени, наполнить «дурную бесконечность» новыми смыслами.

Задача по конструированию «нового времени» для «нового человека» основана на проективном характере времени, которое также есть время изменяемое. Возможно, один из наиболее показательных (и в прямом, и в переносном смысле этого слова) примеров такого времени есть работа Дзиги Вертова «Киноглаз», в котором время наглядно «идет назад», не подчиняется естественным законам, а активно перестраивается. Достаточно вспомнить сцену «оживления» скота и возврата его на пастбище. Время обращается вспять, можно сказать, ставится в зависимость от идеи и идеологии. Сам человек становится активным настолько, что подчиняет время своей идее. Подчеркнем: не пассивно претерпевает время, существует в нем, ожидает чего-либо, а активно влияет на него, конструирует и творит его в самом наглядном виде. Через процедуру пере-

мотки «Киноглаз» Вертова репрезентирует обратимость времени, его повторное творение «новым человеком».

В работах Луначарского размышления о «новом человеке» точнее назвать даже программными. Программа как исходное *προῦρᾱφειν* – «написанное вперед» – также имеет направленность в будущее. От «старого человека» через пролетария как переходного типа к человеку «новому». И это длительный процесс, дело будущего, о чем пишет Луначарский, ссылаясь на Маркса: «Маркс говорил, что период социальной революции будет длительным – несколько десятков лет и что пролетариат, изменяя весь мир, в этот период изменит и самого себя. Это положение мы должны твердо помнить, подходя к вопросу о воспитании – усовершенствовании человека» (Луначарский, 1928: 48). Будущее как процесс создания «нового человека» раскрывается как серия задач, реализация которых нуждается в ресурсах (Луначарский отмечает их ограниченность, бедность советской школы). Изменившиеся социальные отношения, возможности пропаганды способствуют реализации таких задач. «Наша советская организация, наша партийная организация, наше культурное и строящее социализм государство есть известный этап на этом пути», – пишет Луначарский, равно как и о том, что замедляет достижение цели: «У нас этой внутренней борьбы и внутреннего хаоса еще очень много, мы еще далеко не являемся действительно правильно организованным коллективом» (Луначарский, 1928: 48). Создание «нового человека» не утопический проект, а практический, Луначарский употребляет слово «сознательный», отрефлексированный и реализуемый. Можно сказать, что это будущее, взятое под контроль. Не брошенное на самотек (как раз против «обломовщины» и выступает Луначарский), апатично ожидаемое, не фатально приближающееся, апокалиптическое, а прогнозируемое и планируемое, активно приближаемое проективное время, стимулируемое революцией.

Еще более «управляемое» время мы можем найти в проекте Гастева, поскольку оно связано не с репрезентацией, не с воспитанием человека, а с изменением его самого через деятельность. Организационно антропологический проект А.К. Гастева был поддержан на самом высоком уровне. После одобрения идей А.К. Гастева В.И. Лениным, в 1920 году был создан Центральный институт труда, призванный консолидировать работы по изучению новых форм организации производства, труда и отношений. В том числе и самого трудящегося, который, по мысли А.К. Гастева, должен претерпеть значительные изменения, будучи включенным в цепочку отношений внутри производства и приобретая качества точности и быстроты движений, самодисциплины и активности. Производство в достаточно прямом и непосредственном смысле формирует «нового человека», который встроен в производственные процессы, подчинен им, сам является частью механизмов (см.: Гастев, 1923а: 3). Метафора машины возникает у А.К. Гастева не только в педагогическом контексте как образец для копирования качеств и некий образовательный идеал.

Становление машиной, механизация жизни захватывает А.К. Гастева уже на исходе 20-х годов. От хронометрирования труда, изучения времени производственных процессов, скорости реакций рабочего, он предлагает перейти к построению «машины – государства» (Гастев, 1923b: 22). Рисуемое им будущее включало в процесс механизации всю планету, предполагало установление господства коллективного труда через поглощение самой индивидуальности. Не имеющие имен люди-автоматы будут в полной мере включены в производственную цепь других механизмов, не только соответствовать им, но превосходить, являясь «великолепными машинами» (Гастев, 1923b: 14). Отметим, что в фантазиях А.К. Гастева, при всей их оторванности от реалий начала XX века, воплотились основные черты индустриальной эпохи: дегуманизация, механизация, а

также усиление контроля над субъективным, включая переживаемое человеком время, будь то время, поглощенное трудом, или время, захваченное идеологией.

Образно говоря, время в восприятии творцов революции совершило своеобразный поворот от апокалипсиса к времени репрезентируемому и управляемому идеологической установкой режиссера, программному времени педагогики, проективному времени труда. Конструируемое время Гастева, мотивированное политически, поглощается объективным временем физических процессов и работы машин. Беспристрастный «Киноглаз» Вертова, фиксирующий жизнь в ее непосредственной очевидности, показывает управляемость времени. «Дурная бесконечность» апокалиптического времени присваивается, почти магически «заговаривается» в работах советских авторов начала XX века в попытке его перезапуска через наполнение новыми смыслами. Деятельность, сила, инициатива, творчество и контроль – лишь неполный их перечень, маскирующий сам проект «нового человека», а также время как конструкт, стремясь представить его временем объективным (временем машины, киноглаза), историческим временем, объективным временем трудовых и производственных процессов.

### Литература

- Бадью, А. Этика. Очерк о сознании зла. СПб.: Machina, 2006. 126 с.
- Бердяев, Н. Вечность и время // Вестник русского студенческого христианского движения. 1935. № 3. С. 27-33.
- Бердяев, Н. Миросозерцание Достоевского. М.: Хранитель, 2006. 254 с.
- Гастев, А.К. Восстание культуры. Харьков: Молодой рабочий, 1923b. 44 с.
- Гастев, А.К. Как надо работать: практическое введение в науку организации труда. Центр. ин-т труда «ЦИТ». М.: Экономика, 1966. 472 с.
- Гастев, А.К. Поэзия рабочего удара. М.: ВЦСПС, 1923а. 202 с.
- Гастев, А.К. Трудовые установки. М.: Экономика, 1973. 343 с.

Герцен, А.И. Собрание сочинений: В 30-ти т. Т. 6. / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 549 с.

Гюнтер, Х. Революция – утопия – Апокалипсис. Социальные аспекты утопического сознания // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 4 (9). С. 10-14.

Кравченко, А. Создание нового советского человека. Лекция 3. Как большевики превращали человека в машину, чего они хотели от детей и зачем были нужны пионеры // Арзамас. История русской культуры. Между революцией и войной [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1499> (дата обращения: 29.07.2021).

Кропоткин, П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.

Луначарский, А.В. Воспитание нового человека: Обработанная стенограмма лекции, прочитанной 23 мая 1928 г. в Ленинграде. Ленинград: Прибой, 1928. 48 с.

Никольский, С.А. Русское мировоззрение. Т. III. «Новые люди» как идея и явление: опыт осмысления в отечественной философии и классической литературе 40-х – 60-х годов XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 710 с.

Новиков, С.Г. Проектирование «нового человека» в Советской России 1920-х годов // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 1 (57). С. 161-174.

Ропшин, В. (Савинков, Б.) Конь бледный. Мюнхен: Edition Neimanis, 1974. 139 с.

Ткаченко, И.А. Апокалиптические темы и мотивы в русской культуре конца XIX – первой половины XX вв.: автореферат дис. ... канд. культурологии. Шуя, 2007. 21 с.

Фишева, А.А. Образ «нового человека» в советском кинематографе в 1930-е гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 1 (33). С. 144-157 [Электронный ресурс]. URL: [http://vestospu.ru/archive/2020/articles/13\\_33\\_2020.pdf](http://vestospu.ru/archive/2020/articles/13_33_2020.pdf). DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.13 (дата обращения: 29.07.2021).

## References

Badiou, A. (2006), *Etika. Ocherk o soznanii zla* [Ethics. An essay on the consciousness of evil], Machina Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Berdyaev, N. (2006), *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [Dostoevsky's Worldview], Khranitel' Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Berdyaev, N. (1935), "Time and eternity", *Vestnik russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniya* [Bulletin of the Russian Student Christian Movement], 3, 27-33 (in Russ.).

Fisheva, A. A. (2020), "The image of the 'new man' in Soviet cinema in the 1930s.", *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], 1 (33), 144-157 [Online], available at: [http://vestospu.ru/archive/2020/articles/13\\_33\\_2020.pdf](http://vestospu.ru/archive/2020/articles/13_33_2020.pdf) (Accessed 29 July 2021). DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.13 (in Russ.).

Gastev, A. K. (1966), *Kak nado rabotat': prakticheskoe vvedenie v nauku organizatsii truda* [How to work: a practical introduction to the science of labor organization], Ekonomika, Moscow, USSR (in Russ.).

Gastev, A. K. (1923a), *Poeziya rabochego udara* [Poetry of the working strike], VTSSPS, Moscow, Russia (in Russ.).

Gastev, A. K. (1973), *Trudovye ustanovki* [Labor perceptions], Ekonomika, Moscow, USSR (in Russ.).

Gastev, A. K. (1923b), *Vosstanie kul'tury* [The Uprising of Culture], Molodoy rabochiy, Kharkov, USSR (in Russ.).

Gunther, H. (2021), "Revolution – utopia – Apocalypse. Social aspects of utopian consciousness", *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Studies], 4 (9), 10-14 (in Russ.).

Herzen, A. I. (1955), *Sobranie sochineniy: V 30-ti tomakh. T. 6* [Collected works: In 30 vols. Vol. 6], Akademiya nauk SSSR, Moscow, USSR (in Russ.).

Kravchenko, A. "The creation of a new Soviet man. Lecture 3. How the Bolsheviks turned a man into a machine, what they wanted from children and why pioneers were needed", *Arzamas. Istoriya russkoy kul'tury. Mezhdunarodnyy zhurnal* [Online], available at: <https://arzamas.academy/materials/1499> (Accessed 29 July 2021) (in Russ.).

Kropotkin, P. A. (1990), *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a revolutionary], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).



Lunacharsky, A. V. (1928), *Vospitanie novogo cheloveka: obrabotannaya stenogramma leksii, pročitannoj 23 maya 1928 g. v Leningrade* [Education of a new person: an edited transcript of a lecture delivered on May 23, 1928 in Leningrad], Priboy, Leningrad, USSR (in Russ.).

Nikolsky, S. A. (2012), *Russkoe mirovozzrenie. T. III. «Novye lyudi» kak ideya i yavlenie: opyt osmysleniya v otechestvennoy filosofii i klassicheskoj literature 40-kh – 60-kh godov XIX stoletiya* [Russian Worldview. Vol. III. “New People” as an idea and phenomenon: the experience of Comprehension in Russian philosophy and classical literature of the 40s – 60s of the XIX century], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Novikov, S. G. (2019), “Designing a ‘new man’ in Soviet Russia of the 1920s” *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy], vol. 1, 1 (57), 161-174 (in Russ.).

Ropshin, V. (Savinkov, B.) (1974), *Kon'bledny* [Pail hourse], Edition A. Neimanis, Munich (in Russ.).

Tkachenko, I. A. (2007), “Apocalyptic themes and motifs in Russian culture of the late XIX - first half of the XX centuries”, Abstract of Ph.D. dissertation, Shuya, Russia (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.*

*Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.*

#### **ОБ АВТОРАХ:**

**Борисова Оксана Сергеевна**, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; [borisova@bsu.edu.ru](mailto:borisova@bsu.edu.ru)

**Буйнякова Инна Сергеевна**, кандидат философских наук, заместитель директора департамента подготовки и аттестации научно-педагогических кадров Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; [buinyakova@bsu.edu.ru](mailto:buinyakova@bsu.edu.ru)

#### **ABOUT THE AUTHORS:**

**Oksana S. Borisova**, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; [borisova@bsu.edu.ru](mailto:borisova@bsu.edu.ru)

**Inna S. Buinyakova**, Candidate of Philosophical Sciences, Deputy Director of the Department of Training and Certification of Scientific and Pedagogical Personnel, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; [buinyakova@bsu.edu.ru](mailto:buinyakova@bsu.edu.ru)

УДК 130.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-5

Чикаева Т. А.

**Патриотизм как необходимое начало творческого развития человека и культуры**

Московский художественно-промышленный институт, ул. Давыдовская, д. 6, стр. 1,  
Москва, 121352, Россия; [umoi@rambler.ru](mailto:umoi@rambler.ru)

**Аннотация.** Актуальность проблемы оценки патриотизма определяется дискуссией относительно целесообразности провозглашения его в качестве национальной идеи России. Противники этой концепции видят в нем превращение человека в послушный инструмент государства, отказ от свободного творчества и совершенствования. Возникает социально-идеологический конфликт, который необходимо разрешить. Основываясь на логико-философском подходе, историческом, компаративистском методе, мы приходим к следующему. Отрицательные оценки патриотизма основаны на ложном толковании понятия «Родина». При адекватном понимании ее как духовной субстанции, обладающей качеством высшей ценности, становится ясно, что патриотизм как любовь к духу требует от человека духовно-нравственной работы, применения своего творческого потенциала, самостоятельности мысли, стремления к совершенствованию своей культуры. Духовность патриотизма отрицает эгоизм и пренебрежение как к себе, так и к представителям других народов и культур. История показывает, что многотысячелетнее развитие человечество прошло под знаменем патриотизма. Отказ же от патриотической идеи приводит личность и народ в тупик. Можно сделать вывод о том, что вне патриотизма творчество и развитие вряд ли возможны.

**Ключевые слова:** патриотизм; Родина; духовная субстанция; национальная культура; нравственность; творчество; уважение к личности

**Для цитирования:** Чикаева Т. А. Патриотизм как необходимое начало творческого развития человека и культуры // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 41-50. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-5

T. A. Chikaeva

**Patriotism as a foundation for the creative development of man and culture**

Moscow Art and Industrial Institute, 6/1 Davydkovskaya St., Moscow, 121352, Russia;  
[umoi@rambler.ru](mailto:umoi@rambler.ru)

**Abstract:** The relevance of the problem of evaluation of patriotism is determined by the discussion about the advisability of proclaiming it as a national idea of Russia. Opponents of this concept see in it the transformation of a person into an obedient tool of the state, a rejection of free creativity and improvement. There is a socio-ideological conflict that needs to be resolved. Based on the logical-philosophical approach, historical, comparative method, we come to the following. Negative assess-

ments of patriotism are based on a false interpretation of the concept of Motherland. With an adequate understanding of it as a spiritual substance possessing the quality of the highest value, it becomes clear that patriotism is love for the spirit, which requires a person to do spiritual and moral work, use their creative potential, independence of thought, striving to improve their culture. The spirituality of patriotism denies selfishness and contempt for both oneself and representatives of other peoples and cultures. History shows that the multi-thousand-year development of mankind has passed under the banner of patriotism. The rejection of the patriotic idea leads the individual and the people to a dead end. It can be concluded that creativity and development are hardly possible without patriotism.

**Keywords:** patriotism; Motherland; spiritual substance; national culture; morality; creativity; respect for the individual

**For citation:** Chikaeva T. A. (2021), "Patriotism as a foundation for the creative development of man and culture", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 41-50, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-5

На протяжении уже столетий ведется спор о том, как патриотическая идеология оказывает влияние на развитие личности, социальной группы и культуры. Позиции по этому вопросу будет правомерно разделить на те, защитники которых приветствуют патриотизм как условие развития личной и национальной культуры, и те, которые отрицают его фундаментальное положительное значение, связывая патриотизм с эгоистическими настроениями отдельных лиц, групп и даже народов, препятствующими их культурному развитию. Наиболее последовательные сторонники негативного взгляда отрицают даже подвиг борьбы за свободу своего Отечества. Так, великий русский писатель Л.Н. Толстой видит в патриотизме только прикрытие ненависти и убийства, возможность получения наживы и лицемерия (Толстой, 1917: 33), при этом восстановительный патриотизм он называет «едва ли не самым худшим», поскольку он «самый озлобленный и требующий наибольшего насилия» (Толстой, 1917: 90). Очевидно, что патриотизм рассматривается им как негативная нравственная ценность, препятствующая нравственному и культурному развитию. С точки зрения мыслителя, патриотизм принуждает человека отказаться от естественных привязанностей, нарушить ценность

жизни, прервать творческий путь самосовершенствования ради торжества эгоистических устремлений политической верхушки. Похожий взгляд на патриотизм можно наблюдать у других мыслителей. К примеру, Дж. Кейтеб рассматривает патриотизм как двойную неизбежную ошибку, ущемляющую права личности (Беспалова, 2012: 47). Крайне отрицательно высказываются о патриотизме С. Джонсон, Б. Шоу, О. Уайльд, Б. Рассел, А.И. Герцен (Лукинова, 2013: 104-105).

Патриотизм предлагается табуировать во имя высших общечеловеческих ценностей, приоритета индивидуального бытия, возможности свободного перемещения в пространстве, приложения своего творческого потенциала в любой точке на планете. Предлагается сформировать человека как космополита, гражданина мира, для которого нет предпочтений без рационального обоснования и который делает свой выбор на основе четких, поддающихся анализу критериев. Под влиянием таких высказываний растут апатриотические и антипатриотические настроения. Так, С.В. Гузенина отмечает неоднозначность позиционирования патриотизма в системе ценностей российской молодежи (Гузенина, 2015: 57).

Вместе с тем, несмотря на все контраргументы и интернационализм, патриотическая идеология занимает серьезное место в системе современной культуры. Этому способствует весь исторический опыт существования человечества, ведь предпосылки патриотизма складываются еще в первобытном обществе (Большая Российская энциклопедия, 2014: 456). В истории отсутствуют сведения об успешных нациях или государствах, которым был бы чужд патриотизм, гордость за свою Родину. Напротив, сложности и даже кризисы сохранения самобытного национально-культурного развития обычно начинаются с ослабления патриотизма (Юревич, 2016: 6).

Практика указывает на необходимость тщательно проанализировать, что следует понимать под идеологией патриотизма, какое влияние она оказывает на развитие и сохранение творческого потенциала личности, ее способность к взаимодействию с другими, обогащению и развитию своей культуры. Сегодня для отечественной философии и науки это особенно важно, так как патриотизм провозглашен национальной идеей, а следовательно, необходимо определить объективность его оценки как фактора творческого развития человека и культуры. Целесообразно будет применить для решения поставленной задачи логико-философский, исторический, компаративистский методы.

Результаты анализа научно-философских представлений о Родине, главном объекте патриотизма, приводят к мысли о том, что у значительного числа лиц, так или иначе вовлеченных в дискуссию о месте и роли патриотизма, отсутствует четкое понимание содержания данной категории. Отсюда вытекает и ошибка соотнесения патриотизма со стагнацией в культурном развитии. Представление о Родине как о стране, где человек родился, а также государстве, чьим гражданином он является, приводит к тезису о том, что патриоту надлежит видеть хорошее только в своем ближайшем окружении, слепо до-

верять представителям власти и отрицать все инокультурное. Политическая дискуссия, способная поколебать авторитет государственных деятелей, сопоставление качества жизни у себя и на чужбине должны быть оставлены без внимания. Преданность Родине, патриотизм приравнивается к преданности власти и восхвалению своего, без понимания его действительного значения. Опыт воспитания и реализации такой патриотической идеи имеется во многих странах. В России он получил название «квасного патриотизма». Вариантом такого псевдопатриотизма будет национализм и шовинизм, который некоторые исследователи и политические деятели часто выдают за патриотизм. Во всех перечисленных случаях носитель этой идеи, ошибочно называемой патриотической, действительно лишен возможности творческого саморазвития, стагнирует состояние его личной культуры, культуры референтной социальной группы и, в итоге, он теряет возможность продуктивного взаимодействия с представителями других народов и прочих общественных групп. В своих крайних вариантах описанная идеология способна принести прямой губительный вред своему носителю, поскольку его собственное существование перестает быть для него значимым.

Негативные воззрения в отношении патриотической идеи сильны в современных научных и общественных кругах. Так, Я.А. Слинин делает вывод о том, что патриотическая мораль сосредоточена вокруг единственной ценности – существования, благосостояния и процветания национального государства; что патриотические ценности носят антигуманный характер, поощряют убийства и самоубийства (Слинин, 2002). Дж. Кейтеб подчеркивает конструируемость любви к Родине властью для собственной выгоды (Беспалова, 2009: 35).

Важно подчеркнуть, что сведение сущности патриотизма к беззаветной любви к своему государству и решениям политических лидеров, без внимания к при-



знанным гуманистическим ценностям глубоко ошибочно, прежде всего из-за подмены объекта такой любви. И.А. Ильин определяет шовинизм и национализм как стадно-политический инстинкт, противоположный тому, что следует именовать патриотизмом (Ильин, 1995: 318). Родину нельзя сводить к географическому месту или субъекту межгосударственных отношений. На это и обращает внимание И.А. Ильин, отрицающий все бытийственно-материалистические дефиниции Родины, которые, по его мнению, есть только суррогат адекватного ее понимания (Ильин, 1995: 318). Современные мыслители указывают, что в существующих условиях активной социальной мобильности бывает сложно верно определить то государство, что следует считать Родиной человека. С.Н. Артановский указывает, например, на неточность определения Родины как места, где человек родился, поскольку жизненные обстоятельства могут сложиться так, что человек родится в месте временного пребывания его родителей, тогда как «его Родина там, где они живут постоянно» (Артановский, 2012: 6).

Образы, ассоциированные с категорией «Родина» в национальном сознании, рассмотренные на примерах фольклора (Пословицы и поговорки народов мира, 2008), подтверждают видение в Родине чего-то большего, чем государства, предоставившего гражданство; ее сравнивают с матерью, самым дорогим и близким человеком для каждого, отдают ей предпочтение перед более комфортной «Чужбиной», усматривая в ней ценность выше материальных благ.

Понятие «Родина» нельзя рассматривать как политологическое понятие и раскрывать его объем через категорию материи, отождествлять с теми или иными объектами общественно-природного бытия. Материальные, доступные эмпирическому познанию объекты могут быть только указанием на Родину, источником формирования и актуализации ее образов, сама же Родина – духовная субстанция, ее онтоло-

гия – это онтология духа. Она сравнима с безусловно духовным объектом – Богом (Франк, 1992: 313), предшествует всему, в том числе идеям, с ней нельзя совершить действия, доступные с материальными объектами.

На наш взгляд, будет верным предложить определение Родины как сложно организованной духовной субстанции, первичной по отношению к любому природному, материальному, социальному или интеллектуальному объекту (Чикаева, 2019: 53). Родина является высшей ценностью, святыней, субъектом, пребывающим вне времени. Она одновременно и идеал, и субъект развития, на который может и должен влиять человек, нравственно совершенствуясь. По замечанию П.Б. Струве, чтобы быть патриотом, то есть действительно любить Родину-мать и Родину-дитя, необходимо «безусловное признание прав зиждителя национального духа, человеческой личности, на свободное развитие всех его сил, на самочинное мышление и действие» (Струве, 2000: 33). Патриотизм понимается в истории отечественной мысли как явление культуры, фактор ее самобытного существования.

Отсюда с очевидностью следует сопряженность патриотизма с уважением к личности, к ее стремлению к саморазвитию. Нельзя принудить к патриотизму; человек, бездумно повторяющий патриотические лозунги и соглашающийся со всеми решениями властей, отнюдь не является патриотом, хотя бы потому, что у него отсутствует понимание Родины и возможностей реализации своего творческого потенциала во взаимосвязи с ней. Патриотизм, по определению И.А. Ильина, должен стать актом духовного самоопределения (Ильин, 1995: 318), то есть уже формирование патриотического сознания требует от человека движения по пути нравственного самосовершенствования, а следовательно, проявления своей способности к творчеству и развитию. Патриотизм предполагает напряженную интеллектуальную и нравственную работу, иначе да-

же искренне декларируемая любовь к Родине будет только формой стереотипного поведения, без осознания ее оснований и места в системе ценностей. Необходимость духовно-нравственного развития человека для того, чтобы на деле реализовывать патриотическую идею, подчеркивается рядом мыслителей.

Главное основание патриотизма – отсутствующее у «духовного идиота», для которого все то, что означает слово «дух», является бессмысленным выражением (Ильин, 1996: 183), осознанное принятие Родины как личностной сакральной, вечной ценности. Необходимо интеллектуально и эмоционально понять, что есть большая разница между удовольствием от комфортного быта и гордостью за успехи своего государства и патриотизмом. Любовь к Родине должна быть, как справедливо замечает И.А. Ильин, духовно обоснована (Ильин, 1996: 172), в противном случае речь может идти только о жизненно-бытовой пользе. Патриотизм – это любовь к духу, который таится во внешней обстановке и признаках быта, он основан на понимании Родины как прекрасной духовной субстанции.

В основе истинного патриотизма, следовательно, лежит понимание того, что Родина объективно достойна любви. Для этого требуется приобщение к творческим достижениям своего народа, осознание его вклада в духовное развитие человечества, формирование стремления к совершенствованию. Следует прислушаться к тезису И.А. Ильина о том, что «любить Родину – значит любить ее дух и через него все остальное»; он поясняет: это означает любить не национальный характер сам по себе, а «духовность его [народа] национального характера и национальный характер его духа» (Ильин, 1995: 325). Тем самым, по мнению философа, будут исключены все негативные атрибуты национализма и шовинизма, в первую очередь, ксенофобия. Понятие духа имеет всеобщий характер, его нельзя ограничивать какими-либо рамками, поэтому любовь к Родине как к

духу объективно является общечеловеческой ценностью, тем, что способствует развитию как каждой национальной культуры, так и культуры общечеловеческой. Патриотическое сознание рассматривает людей, социальные группы, народы как соборное единство, где нет противопоставления одних другим. На это указывает цитата из И.А. Ильина: «истинный патриот любит дух своего народа и гордится им <...> именно потому, что каждое духовное достижение <...> есть достояние общечеловеческое, которое может объединить на себе взоры, и чувства, и мысли, и сердца всех людей, независимо от эпохи, нации и гражданской принадлежности» (Ильин, 1995: 325). Д.С. Лихачев соглашается с данным выводом, утверждая, что истинный патриотизм состоит в том, чтобы обогащать культуру своего и других народов (Лихачев, 2006: 147). Он понимает патриотизм как творческое начало, способное вдохновить всю жизнь человека, «это тема, если можно так сказать, жизни человека, его творчества» (Лихачев, 2006: 137).

Мировоззрение, центром которого является патриотизм, позволяет видеть истину, прекрасное, ценное без привязки к конъюнктурным объектам. Человек, руководствуясь патриотической идеей, будет способен вычленив из происходящего то, что следует передать потомкам как важнейшее достижение. С.Ю. Иванова рассматривает это как доказательство ведущей роли патриотизма в сохранении исторических ценностей своего народа (Иванова, 2003: 69-70), то есть основы для дальнейшего самобытного культурного развития.

Любовь к Родине требует от человека готовности к адекватной оценке состояния тех объектов, которые являются источниками ее образов, понимания того, что нуждается в изменении и корректировке. Нельзя приравнивать патриотизм к восхвалению. Г.П. Федотов обращает внимание на то, что игнорирование проблем и страданий является искажением патриотической идеи (Федотов, 1992: 12). Любовь к

Родине требует активности, деятельности, нельзя просто декларировать свой патриотизм, равнодушно игнорируя проблемы и несовершенства. Е.Н. Трубецкой не приемлет безоговорочной, безусловной любви-восхищения к Родине, осуждая демагогическую лесть и оправдание национальных недостатков только потому, что они национальные. Философ противопоставляет этому требование пробудить национальную совесть и искоренить то, что пятнает духовный облик своего народа (Национализм. Полемика 1909–1917, 2000: 161), тем самым подтверждая тезис о том, что патриотическая идея сопряжена с творческим развитием и духовным самосовершенствованием. Считаем возможным согласиться с этими выводами, поскольку Родина как духовный объект может полноценно познаваться только нравственным человеком, одной из характеристик которого является приверженность к справедливости.

Механическое заучивание патриотических формулировок или отказ от собственной самобытности не приемлемы. Человек должен вести самостоятельную духовную жизнь, но движимый общей целью и системой ценностей, что приведет его к пониманию своего единства с духовной жизнью своего народа и Родиной. И.А. Ильин утверждает, что патриотизм приводит «к плодотворному отождествлению духовных энергий и <...> преодолевает психический атомизм» (Ильин, 1995: 324). Заметим, что и в настоящее время разобщенность людей, индивидуализм является препятствием к плодотворному развитию, затрудняя взаимное сотрудничество и совершенствование. Сложности управления процессом глобализации доказывают правоту тезиса Н.А. Бердяева о том, что только на основе национальных самобытностей возможно единение человечества, в противном случае произойдет подмена конкретного, живого человека его отвлеченным образом (Сиземская, Новикова, 2004: 51-52).

Мало обоснованы обвинения патриотической идеи в нивелировании ценности человеческой жизни, в якобы внушении *нормы* жертвования собой ради Родины, то есть государства и власти. Такое толкование противоречит сути патриотизма, заключающейся в любви к Родине как духовной субстанции, порождающей все лучшие качества национальной культуры, являющейся источником ее развития и совершенствования. Ошибочным будет представление о том, что смерть за Родину – самое ценное, что может дать ей патриот. Родина может, как указывает Н.В. Устрялов, требовать, чтобы те, кто ее беззаветно чтут, умели бы жить. «Она требует от них жизни, хотя быть может и тяжелой, – а не смерти» (Устрялов, 1987: 56).

Патриотическая идея всегда связана с реальными усилиями человека по совершенствованию своей культуры. Мыслители прошлого и настоящего неоднократно подчеркивали важность активных взаимоотношений личности и Родины, когда человек, помимо того, что является получателем благ, переданных ему Родиной, становится творцом своего жизнеустройства, на основе ценностей добра и справедливости совершенствуя все стороны своего общественного бытия.

В трудах русских демократов содержится понимание патриотизма как средства преобразования общества и государства. Патриотическое сознание стимулирует поиск возможностей совершенствовать окружающее бытие себя и своего народа, выходить на новый уровень развития, что невозможно без созидания нового, то есть без творчества. Современные исследователи патриотизма Р.Ш. Хасанов и А.Т. Степанищев понимают под культурой патриотизма «постоянное творческое состояние души человека, нацеленное... на продуктивное творческое созидание» (Хасанов, Степанищев, 2016: 115-116). А.Н. Выршиков и М.Б. Кусманцев видят в активизации патриотического сознания и деятельности условие успешного существования человека и общества. Они рас-

смаатривают патриотизм как оптимальную форму развития личности. Исследователи приводят следующее сравнение патриота и лица, которое существует только как субъект и объект рыночных отношений, не соотнося себя со страной и государством: «Если потребитель или обыватель, ориентированный на рыночные отношения как основные, способен лишь адаптироваться к современному обществу, скользить по его поверхности, не вникая в существенные проблемы, то патриот нацелен на освоение этого общества, на творческий подход к решению его проблем, на его гуманистические и культурные – наряду с экономическими – преобразования» (Выршиков, Кусманцев, 2015: 5). В данном тезисе, на наш взгляд, отражено ключевое отличие патриота, заключающееся в его творческой, активной позиции, от человека-потребителя, придерживающегося концепции выбора максимально комфортных условий и приспособления к ним; ярким образцом последнего будет космополит современного типа, для которого где хорошо, там и Родина.

Рассмотрев проблему онтологии Родины и содержания патриотизма, можно уверенно согласиться с тем, что патриотическая идеология полностью оправдана и несет безусловно положительный стимул для творческого развития культуры и человека. На наш взгляд, П.Б. Струве верно избирает для формулирования роли Родины в жизни каждого человека и обоснования любви к ней слова героя романа «Рудин» И.С. Тургенева – Лежнева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горю тому, кто это думает, двойное горю тому, кто действительно без нее обходится. Космополитизм – чепуха, космополитизм – нуль, хуже нуля» (цит. по: Струве, 2000: 63). Есть достаточно примеров, когда, покинув Родину, человеку приходилось менять свою идентичность, терять индивидуальность ради выживания и комфорта, препятствуя свободному развитию своего творческого потенциала, приспособлива-

ясь к обстоятельствам. О. Шпенглер связывает с отказом от Родины гибель цивилизации. «Мировой город означает космополитизм вместо “отчизны”, холодный практический расчет вместо благоговения перед преданием и старшинством, научную иррелигиозность... Деньги как неорганическая абстрактная величина, оторванная от всех связей со смыслом плодородной жизни, с ценностями исходно жизненного уклада» (Шпенглер, 1993: 165). Р. Рорти добавляет к этому, что отказавшийся от патриотического сознания и поведения безродный космополит становится «человеком без свойств» и необходимость в его существовании пропадает (Воспитание патриотизма..., 2007: 13).

История человеческого общества позволяет утверждать, что, приняв для себя патриотизм в качестве ключевой идеи, человек способен творчески развиваться и совершенствовать культуру. Истинный патриотизм как духовная ценность чужд предъявляемых ему обвинений; теория и практика подтверждают, что он является «основой свободы и творчества, культуры как личности, так и коллективного субъекта» (Выршиков, Кусманцев, 2015: 5), а также залогом совершенствования многообразной человеческой культуры. А.Н. Выршиков добавляет к этому, что сама суть патриотизма состоит «в саморегулировании данного общества как системы или организма, в направленности общества к своему устойчивому существованию, развитию» (Выршиков, 2012: 27). Доказательства этому есть в научно-философских исследованиях прошлого и современности, практике исторического развития народов, результатах формирования культуры личности. Нужно, вместе с тем, принимать во внимание, что в широких общественных кругах понимание патриотизма часто бывает искажено, а значит, требуется вести активную просветительскую деятельность, стимулируя нравственно-интеллектуальное осмысление каждым человеком понятий «Родина» и «патриотизм».



## Литература

Артановский, С.Н. Понятие Родины: современные модификации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры. 2012. № 3. С. 6-10.

Беспалова, Т.В. Патриотизм и нация как источники моральной мотивации в национализме (часть 3) // Философия права. 2012. № 6 (55). С. 47-53.

Беспалова, Т.В. Принцип патриотизма в концепции Дж. Кейтеба: социально-философский анализ // Философия права. 2009. № 2. С. 34-40.

Воспитание патриотизма в условиях социальных перемен: теоретико-методологические и прикладные основы / под общ. ред. С.В. Дармодехина и А.К. Быкова. М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2007. 328 с.

Вырщиков, А.Н. Социально-педагогические аспекты патриотического воспитания // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 4 (68). С. 26-30.

Вырщиков, А.Н., Кусманцев, М.Б. Теоретические основания инновационного развития патриотического воспитания в регионе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 3 (98). С. 4-10.

Гузенина, С.В. Роль семьи в патриотическом воспитании личности // Вестник Тамбовского университета. Серия «Общественные науки». 2015. № 1 (1). С. 53-59.

Иванова, С.Ю. Патриотизм в системе социокультурных ценностей современной России. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 299 с.

Ильин, И.А. О Родине // И.А. Ильин. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 168-196.

Ильин, И.А. Родина и мы. Смоленск: Посох, 1995. 511 с.

Лихачев, Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. М.: Российский фонд культуры, 2006. 336 с.

Лукинова, И.А. Место и роль российского патриотизма в современном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2013. 160 с.

Национализм: Полемика 1909–1917 / сост. М.А. Колеров. М.: ДИК, 2000. 237 с.

Патриотизм // Большая Российская энциклопедия: в 35 т. Т. 25. М.: Большая Российская энциклопедия, 2014. С. 456

Пословицы и поговорки народов мира / сост. М.П. Филипченко. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ; СПб.: Сова, 2008. 381 с.

Сиземская, И.Н., Новикова, Л.И. Идеи воспитания в русской философии. XIX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2004. 271 с.

Слинин, Я.А. Россия и общество будущего // Я (А. Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Анатольевича Слинина. Серия «Мыслители». Вып. 10. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. // Anthropology.ru [Электронный ресурс] URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/slinin/russia.html> (дата обращения: 11.03.2019).

Струве, П.Б. Patriotica. Россия. Родина. Чужбина. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 349 с.

Толстой, Л.Н. Статьи о патриотизме. М.: Единение, 1917. 128 с.

Устрялов, Н.В. В борьбе за Россию: сб. ст. Orange (USA): Antiquary, 1987. 82 с.

Федотов, Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2. СПб: София, 1992. 348 с.

Франк, С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.

Хасанов, Р.Ш., Степанищев, А.Т. К вопросу о культуре патриотизма // Военный академический журнал. 2016. № 1 (9). С. 114-122.

Чикаева, Т.А. Родина. Патриотизм: Социально-философское исследование. М.: МХПИ, 2019. 129 с.

Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. 620 с.

Юревич, А.В. Психологические аспекты патриотизма // Прикладная юридическая психология. 2016. № 1. С. 5-21.

## References

Artanovsky, S. N. (2012), "The notion of homeland in modern modifications", *Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*, 3, 6-10 (in Russ.).

Bespalova, T. V. (2009), "Principle of patriotism in J. Kateb concept: social and philosophical analysis", *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2, 34-40 (in Russ.).

Bespalova, T. V. (2012), "Patriotism and the nation as a source of moral motivation in nationalism (part 3)", *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 6 (55), 47-53 (in Russ.).

Chikaeva, T. A. (2019), *Rodina. Patriotizm: Sotsial'no-filosofskoe issledovanie* [Motherland. Patriotism: Social and Philosophical Research], MHPI, Moscow, Russia (in Russ.).

Fedotov, G. P. (1992), *Sud'ba i grehi Rossii: v 2 t. T. 2* [The fate and sins of Russia. In 2 vols. Vol. 2], Sofia, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Frank, S. L. (1992), *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Guzenina, S. V. (2015), "Role of family is in patriotic education of personality", *Tambov university review. Social Sciences Series*, 1 (1), 53-59 (in Russ.).

Ilyin, I. A. (1995), *Rodina i my* [Motherland and Us], Posoh, Smolensk, Russia (in Russ.).

Ilyin, I. A. (1996), "About Motherland", *Sobranie sochineniy v 10 tomakh. T. 1* [Collections of works in 10 vols. Vol. 1], Russkaya kniga, Moscow, Russia (in Russ.).

Ivanova, S. Yu. (2003), *Patriotizm v sisteme sotsiokul'turnykh cennostey sovremennoy Rossii* [Patriotism in the system of socio-cultural values of modern Russia], SGU Publishing House, Stavropol, Russia (in Russ.).

Khasanov, R. Sh. and Stepanishchev, A. T. (2016), "On the culture of patriotism", *Voennyi akademicheskii zhurnal* [The Military Academic Journal], 1 (9), 114-122 (in Russ.).

Likhachev, D. S. (2006), *Izbrannoe: Mysli o zhizni, istorii, kul'ture* [Selected works: Thoughts on Life, History, Culture], Rossiyskii Fond Kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Lukina, I. A. (2013), *The place and role of Russian patriotism in modern society*, Abstract of PhD dissertation, Stavropol, Russia (in Russ.).

*Natsionalizm: Polemika 1909–1917* (2000), [Nationalism: Polemics 1909–1917], in Kolerov, M. A. (ed.), DICK, Moscow, Russia (in Russ.).

"Patriotism" (2014), *Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya: V 35 t. T. 25* [The Great Russian Encyclopedia: In 35 vols. Vol. 25], The Great Russian Encyclopedia, Moscow, Russia, 456 (in Russ.).

*Posloviya i pogovorki narodov mira* (2008), [Proverbs and Sayings of the peoples of the world], in Filipchenko, M. P. (ed.), AST: HRANITEL', Sova, Moscow, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Slinin, Ya. A. (2002), "Russia and the society of the future", *Ya. (A. Slinin) i My: k 70-letiyu professora Yaroslava Anatol'evicha Slinina. Seriya "Mysliteli"* Y. (A. Slinin) and US: to the 70th anniversary of Professor Yaroslav Anatolyevich Slinin. The series "Thinkers", 10, St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, [Online] URL:

<http://anthropology.ru/ru/texts/slinin/russia.html> (Accessed 11 March 2019) (in Russ.).

Spengler, O. (1993), *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii* [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History], Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Struve, P. B. (2000), *Patriotica. Rossiya. Rodina. Chuzhbina* [Patriotica. Russia. Motherland. Foreign Land], Russian Academy of Arts, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Syzemskaya, I. N. and Novikova, L. I. (2004), *Idei vospitaniya v russkoj filosofii. XIX – nachalo XX veka* [Ideas of education in Russian philosophy. XIX-early XX century], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1917), *Stat'i o patriotizme* [Articles on patriotism], "Edinienie" Publishing, Russia (in Russ.).

Ustryalov, N. V. (1987), *V bor'be za Rossiyu: sbornik statey* [In the struggle for Russia: collection of articles], Antiquary, USA (in Russ.).

*Vospitanie patriotizma v usloviyah sotsial'nykh peremen: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye osnovy* (2007) [Education of patriotism in the conditions of social changes: theoretical, methodological and applied foundations], in Darmodehin, S. V. and Bykov, A. K. (ed.), State Research Institute of Family and Upbringing, Moscow, Russia (in Russ.).

Vyrshikov, A. N. (2012), "Social and pedagogical aspects of patriotic education", *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*, 4 (68), 26-30 (in Russ.).

Vyrshikov, A. N. and Kusmantsev, M. B. (2015), "Theoretical basis of the innovative development of patriotic education in the region", *Izvestia of Volgograd State Pedagogical University*, 3 (98), 4-10 (in Russ.).

Yurevich, A. V. (2016), "Psychological aspects of patriotism", *Applied Legal Psychology [Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya]*, 1, 5-21 (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

*Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

**ОБ АВТОРЕ:**

**Чикаева Татьяна Александровна**, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт, ул. Давыдовская, д. 6, стр. 1, Москва, 121352, Россия; [umoi@rambler.ru](mailto:umoi@rambler.ru)

**ABOUT THE AUTHOR:**

**Tatyana A. Chikaeva**, Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Moscow Art and Industrial Institute, 6/1 Davydovskaya St., Moscow, 121352, Russia; [umoi@rambler.ru](mailto:umoi@rambler.ru)

УДК 1 (091)

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-6

Кучерова А. О. | **Метафора в опыте философии истории Ханны Арендт и Вальтера Бенямина**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85; г. Белгород, 308015, Российская Федерация; *kucherovaa094@gmail.com*

**Аннотация.** В статье предпринимается попытка проследить влияние, оказанное В. Бенямином на Ханну Арендт в области, до этого мало занимавшей исследователей их интеллектуального наследия. Речь идет о поэтическом мышлении, в частности, о метафоре и ее функции «перенесения». Автор утверждает, что метафорическое мышления Бенямина в вопросах, касающихся истории, традиции и памяти, наложило отпечаток на философию Ханны Арендт, на ее теорию действия и суждения. Показано, что влияние оказалось комплексным: Бенямин не только обозначил проблему – руинизированность истории, разрыв традиции – но также предоставил действенный инструмент ее исследования, метафору «ткани». Именно ее, вслед за своим старшим другом, Арендт будет активно использовать в ряде крупных работ при формулировании важнейших категорий собственной практической философии.

**Ключевые слова:** Х. Арендт; В. Бенямин; философия истории; метафора; storytelling; история

**Для цитирования:** Кучерова А.О. Метафора в опыте философии истории Ханны Арендт и Вальтера Бенямина // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 51-61. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-6

A. O. Kucherova | **Metaphor in Hannah Arendt and Walter Benjamin's Experience of Philosophy of History**

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; *kucherovaa094@gmail.com*

**Abstract.** The article attempts to trace the influence of W. Benjamin on Hannah Arendt regarding the essence of metaphor and its function of "transferring". This is an area of study of little interest to researchers of their intellectual heritage. The author argues that Benjamin's metaphorical thinking about history, tradition and memory has left a mark on Hannah Arendt's philosophy, in particular her theory of action and judgment. The author showed that the influence exerted by Benjamin was complex. He not only identified the problem – the ruin of history, the rupture of tradition, but also provided an effective instrument – a metaphor, moreover, a concrete metaphor of "the cloth". It is her, following her older friend, Arendt will actively use in a number of major works to formulate the most important categories of his own practical philosophy.



**Keywords:** H. Arendt; W. Benjamin; philosophy of history; metaphor; storytelling; history

**For citation:** Kucherova A. O. (2021), "Metaphor in Hannah Arendt and Walter Benjamin's Experience of Philosophy of History", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 51-61, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-6

В современном арендтоведении можно считать своеобразным трюизмом замечание о влиянии исторических штудий Вальтера Бенямина на размышления Ханны Арентд (см.: Honahan, 1990; d'Entrèves, 1994; Hinchman (ed.), 1994; Herzog, 2000; Бейнер, 2012; Kieslich, 2013; и др.). В первые десятилетия XX века В. Бенямин обратил внимание Х. Арентд на проблему разрывности исторического понимания; решение этой проблемы, согласно обоим, становится возможным в форме «фрагментарной историографии» – «только... фрагментированное письмо, в формате "историй", может быть верным» (Herzog 2000: 3; ср.: Hannah Arendt, 1994: 126). В тени этого трюизма остается особый язык фрагментированного исторического письма, герменевтическая пластика беняминовских нарративов. Ключевой элемент этой познавательной пластики – когнитивные метафоры, при помощи которых В. Бенямин оформляет в рамках своей философии истории такие концепты как «память», «прошлое», «рассказчик» и др.

Известно, что Х. Арентд, считавшая работу «О понятии истории» наиболее выдающимся творением Бенямина, восприняла и переработала ряд ее тезисов в своей теории суждения. Арентдовские проекции способности суждения, согласно Р. Бэйнеру, имеют одним из своих источников последнюю, неоконченную работу В. Бенямина «Тезисы о философии истории» (Beiner, 2012: 15)<sup>1</sup>. Однако не менее

значимо и то, что Х. Арентд, вослед В. Бенямину, усматривала *действенный способ исторической репрезентации мира и его познания в когнитивной метафоре*. Можно предполагать, что для В. Бенямина и Х. Арентд когнитивная метафора не является предметом сугубо аналитического интереса – эпистемологической рефлексии исторического нарратива, подобно метонимии или иронии (Уайт, 2002: 528); или его трансцендентальных оснований, критики кантовского трансцендентализма, чьим синонимом, по мнению Ф.Р. Анкерсмита, является метафора (Анкерсмит, 2003). В случае Бенямина и Арентд дело вообще не идет о работе с исторической поэтикой (Бенн, 2011: 304) – актуальным для обоих оказывается конкретно-умозрительный подход в философии истории, отображение фрагментов исторической реальности с некоторой *иносказательной интенциональностью*, или, иначе, метафорика речевого участия в истории *hic et nunc*.

#### Диалогический отклик

Интеллектуальное сближение В. Бенямина и Х. Арентд произошло в познавательно напряженной атмосфере парижской эмиграции 1930-х гг. Прежде Арентд была знакома с Бенямином лишь заочно, через своего первого мужа Гюнтера Штерна, находившегося в родстве с философом. В письме к Вальтеру Бенямину (май 1935 года) его друг Гершом Шолем пишет: «Я видел жену твоего двоюродного брата – Ханну Штерн, которая сейчас в Париже... но у меня не сложилось впечатления, что она могла бы быть в тесном контакте с тобой, иначе она, вероятно, передала бы привет, и поэтому я воздержался от вопросов о тебе» (The correspondence

<sup>1</sup> В 1939 году (время написания «Тезисов») Арентд отмечает, что мысль В. Бенямина стала яснее и четче: «Мне часто кажется, что он только теперь вплотную подошел к своим главным вещам. Было бы отвратительно, если бы он встретил здесь помехи» (Knott, 2017: 3).

..., 1989: 168). Их первая встреча vis-à-vis, давшая начало непродолжительной, но крепкой дружбе, произошла в Париже в апреле 1939 года. «Здесь, в Париже, – напишет Бенямин Шолему, – я встретил полезную партию в лице Ханны Арендт» (The correspondence ..., 1994: 601). Особое состояние близости, отзывчивости, свойственное, впрочем, многим эмигрантам, оказавшимся поневоле в Париже, весьма способствовало тому, что Арендт и Бенямин в короткое время нашли друг в друге достойных и необходимых собеседников<sup>2</sup>.

После смерти друга в распоряжении Х. Арендт оказался вариант рукописи «О понятии истории». В этой небольшой и насыщенной смыслами, нередко принимающей вид сложных метафор работе – беняминовские итоги их совместных бесед; впрочем, для самой Арендт – скорее реликварий, хранящий частицу «последнего европейца» (Arendt, 1968: 46). Переехав в США, она стремилась познакомить местного читателя не только с философами масштаба К. Ясперса и М. Хайдеггера, но и открыть им имя В. Бенямина. В августе 1941 г. она столкнулась с нежеланием Института социальных исследований публиковать последнюю работу их общего друга, и ее возмущению не было предела: «Им не объяснишь, что такое верность ушедшим друзьям», – говорила Арендт (Arendt, Blücher, 1996: 128). Она взяла в свои руки публикацию нескольких важных, на ее взгляд, трудов друга. Сборник, получивший название «Озарения», был снабжен ее

вводной статьей, в которой освещались те стороны философии истории Бенямина, которые Арендт считала выдающимися. Среди них особое внимание было уделено «метафорическому мышлению».

### Познавательные смыслы метафоры

Метафора и ее философско-познавательный потенциал оказались в поле зрения Х. Арендт задолго до знакомства с В. Бенямином. Вослед К. Ясперсу и М. Хайдеггеру, своим учителям, восставшим против позитивистского академизма, она отказалась от апологии классических философских построений, основанных на классификациях и систематизациях, и – уже вполне самостоятельно – увлеклась поэтико-метафорическими описаниями Ф. Ницше. Затем, в процессе работы над диссертацией, Арендт вникла в особенности метафорического мышления Августина Блаженного, сочла весьма продуктивной его метафору натальности, развив ее в своих позднейших сочинениях. В. Бенямин, работая с текстами Ф. Кафки, Ш. Бодлера, М. Пруста, формировал метафорические представления – истории в виде изумленного ее ангела, исторического материализма в виде механического автомата, или теологии в образе горбатого, головастого карлика, – закрепляя с помощью метафор исторические структуры социального самосознания в качестве специфических ее артефактов и концентрированных символов. Х. Арендт была буквально свидетельницей рождения социально-метафорических иносказаний Бенямина, и оба они свидетельствовали об исторической разрывности мысли, слова и дела в беспрецедентных социально-политических движениях XX в.

Х. Арендт исследовала операции семантического «переноса» В. Бенямина, начиная с его ранних произведений. При оцифровке личной библиотеки Арендт обнаружилось первое издание знаменитого беняминовского «Происхождения немецкой барочной драмы» (1928 г.), которое пестрит пометками в тексте и на полях в

<sup>2</sup> Дружба, к слову, – аксиологический рефрен, часто звучавший в работах и переписке Х. Арендт. Описывая «людей в темные времена» – интеллектуалов, на чью долю выпали катастрофы середины XX века, Арендт с некоторой афористической отчетливостью замечает: «...наш общий долг – построить дом в этом мире и обосноваться на земле как дома – благодаря дружбе (Арендт, 2003: 300). Находясь, как и В. Бенямин, в положении «вестников беды» (эмигрантов и апатридов), Арендт указывает на долг взаимного нравственного сочувствия интеллектуалов, незаменимых друг для друга в той пограничной ситуации парижского выживания.

тех местах, где речь идет об аллегории (релевантной, в данном случае, метафоре), которая обеспечивает возможность «переноса» невыразимого предметного единства чувственного и сверхчувственного в индизобразимый план (ср.: Benjamin, 1928: 157). Позже Арендт уточнит: «метафора устанавливает связь, непосредственно воспринимаемую чувствами и не требующую интерпретации, аллегория же всегда идет от абстрактного понятия и затем подыскивает нечто осязаемое, которое будет, причем скорее всего – произвольно, его представлять...» (Arendt, 1968: 45). Аллегория – загадка, художественный трюк, метафора же – это один из инструментов познания<sup>3</sup>.

В лекциях по политической философии И. Канта, прочитанных Х. Арендт в Чикагском университете (1964 г.), содержатся размышления о метафоре, рассматриваемой сквозь оптику великого кёнигсбержца. Если мир явлений есть дом для существа, наделенного мыслью с соответствующим концептуальным языком, не значит ли это, что мир нуждается в метафорах, «для того чтобы перебросить мостик между миром чувственного опыта и царством, где подобное непосредственное схватывание данных невозможно» (Арендт, 2011: 38)? При внимательном чтении «Критики способности суждения» можно заметить, что проблема воображения неразрывно связана у Канта с метафорой: представление, делающее наличным то, что актуально отсутствует, есть уникальный дар ума, и поскольку *вся наша ментальная терминология основывается на метафорах, заимствованных из опыта зрения*, этот дар называется воображением (см.: Кант, 1994: 373). Х. Арендт предпо-

лагала исследовать мысль Канта об «аналогии» (метафоре), начиная с его ранних работ и заканчивая «Opus Postumum»; проекту не суждено было осуществиться, но большая заинтересованность Арендт в философии Канта, спасшего «спекулятивное мышление от его... нереальности», очевидна.

«Всякая мысль по своей сути метафорична и всякое философское понятие обязано своей очевидностью тому метафорическому содержанию, которое оно как бы в сокращении выражает» (Арендт, 2013: 150). Эту мысль она подкрепляет ссылками на категории, которыми мы обязаны древним грекам, а они, в свою очередь, метафоре. Тут и Платон с его «идеями», «душой», и Аристотель с «категорией» и «энергией». Арендт лишает философов лавров открытия этого изначально поэтического инструмента. Ведь никто иной как Гомер обучил мыслителей мастерству обращения с «переносами». Говоря о метафизике и метафоре в качестве ее предпосылки, Х. Арендт обращает свое внимание на двух современников – М. Хайдеггера и В. Бенямина. Мы сосредоточили свое внимание лишь на фигуре Бенямина.

В. Бенямин использовал метафору как один из главных инструментов своей художественной критики, анализа культуры и истории. Арендт, как беняминовский ловец жемчуга, собирала его рассыпанные по текстам размышления о метафоре. Резюме этой операции можно обнаружить в вышедшем в 1968 году ее эссе «Вальтер Бенямин 1892–1940», основу которого составила прочитанная ею во Фрайбурге лекция. Весь очерк она разделила на три части, последняя из которых была названа «Ловец жемчуга». Глава эта отведена беняминовскому методу «исторического бурения» и особой функции метафоры, которой он придавал «гностическую» роль. Критическое замечание Т. Адорно относительно «метафорических суждений» В. Бенямина могло послужить вызовом для Х. Арендт в отстаивании ценности такого метода в философском арсенале

<sup>3</sup> В «Коллекционере», написанном в период 1927–1940 гг., В. Бенямин противопоставляет коллекционера аллегористу. Коллекционер имеет своей целью единение вещей, тем самым ему, «быть может, удастся разъяснить вещи через их родственные связи...» (Бенямин, 2018: 88). Работа коллекционера, согласно В. Бенямину, подобна работе метафоры: он устанавливает соответствия. Эту мысль сохраняет и уточняет Х. Арендт.

a priori, однако, безусловно, помимо этой основанной на аффектах интенции, существовала и другая ощутимая ценность для нее взглядов В. Бенямина. В данном случае – на метафору как важный концептуальный элемент ее собственных исследований.

Метафора, по мысли Х. Арендт и В. Бенямина, – величайший из даров, которыми язык мог бы наделить мышление и следом за ним философию. Арендт импонирует внимание, которое уделял В. Бенямин феноменам в противоположность идеям. Этим же объясняется его выбор данного тропа (в его исконном смысле «переносить») в качестве одной из форм познания. Так слова и понятия из области надстройки он сводит к чувственному базису, делая их явными для опыта: «метафора устанавливает связь, непосредственно воспринимаемую чувствами и не требующую интерпретации», в отличие от той же аллегории (Arendt, 1968: 13). Именно эта способность устанавливать соответствия, используя метафоры, по мысли Х. Арендт, ставит В. Бенямина в один ряд с Гомером. Обоих роднит поэтичность мысли. Отцом философии был для В. Бенямина даритель имен Адам, а не Платон. Адам, проникнув в самые потаенные связи природы, сопоставил предельно отдаленные вещи с помощью дара речи и виртуозного выражения. Он был первым творцом метафор, «смысл которых во взаимном влечении всех сотворенных вещей друг к другу в силу их общего происхождения» (Бенямин, 2018: 85). И для Арендт, и для Бенямина метафора есть действенный способ вернуть утерянное единство мира.

В своей последней работе «Жизнь ума» (1975–1978) Арендт подводит черту в своих размышлениях о метафоре и ее назначении<sup>4</sup>. «Совершенно явно заимствующие из телесных данных и наблюдений», они служат нам на бытовом и поэти-

ческом уровнях, когда локализуют внутри нас психическую жизнь (Арендт, 2013: 37). В то же время их роль концептуального языка философии столь же очевидна – они имеют целью проявлять жизнь ума. Речь и мышление, имеющие единый источник, предполагают, что у языка есть инструмент способный трансформировать невидимое в явление. Этот инструмент – метафора, которой под силу снять оппозицию чувственный/идеальный мир. В подтверждение тому Х. Арендт приводит близкое ей самой определение, некогда данное И. Кантом. «Метафора, – пишет она, – создает "абстракцию", без-образную мысль вместе с созерцанием, полученным из мира явлений, чья функция состоит в том, чтобы "доказать реальность наших понятий" и таким образом как бы снять отвлечение от мира явлений, составляющее предпосылку умственной деятельности» (Арендт, 2013: 105). В «Жизни ума» Арендт заключает, что мысль и язык, находящиеся в неразрывной связи, имеют единое основание – метафору. Тем самым она вслед за Бенямином признает ее познавательную ценность.

#### **«Ткань»: опыт, текст, история**

Арендт восприняла от Бенямина страсть к метафорическим терминам, некоторые из которых она переняла у него для исследований общей для обоих темы публичного пространства, залогом создания которого может стать рассказывание историй. Речь идет о метафоре «ткань», встречающейся в ряде работ как одного («К портрету Пруста», «Рассказчик», «Эдуард Фукс: коллекционер и историк»), так и другого мыслителя («Vita activa, или О деятельной жизни», «Люди в темные времена»).

Впервые данную метафору Бенямин использует в тексте 1929 года о М. Прусте, чьи взгляды и творческая самобытность были очень близки мыслителю. В центре внимания его эссе особенность прустовского изложения истории жизни. Отмечается характерная черта фабулы романиста, состоящая не в описании произошедшего,

<sup>4</sup> См. два параграфа: «Язык и метафора» и «Метафора и невыразимое» последней главы «Мышление» в «Жизни ума».



«а в процессе того, как возникает *ткань* его воспоминаний, труд Пенелопы над тем, что сохранено памятью» (Беньямин, 2004: 244). Ткань воспоминаний появляется как результат работы памяти – ткацкого станка и основы – забвения. Распускаясь под воздействием целенаправленных поступков актора, забвение раскрывает ранее сокрытое воспоминание. Каких целенаправленных поступков? Вспомним знаменитый момент с «мадленками», которые стали катализатором детских воспоминаний героя «В поисках утраченного времени». «Тканью», замечает В. Беньямин, еще древние римляне называли текст. Воспоминание направляет нити, составляющие его (текста) узор. «Более огромной и плотной ткани» (текста-воспоминания) не было ни у одного другого писателя: гранки возвращались Прустом в редакцию, заполненные текстом меж уже написанных строк, но без каких-либо исправлений. По мысли В. Беньямина, это свидетельствует о том, что пережитое событие конечно, в противоположность вечному припоминанию (отсюда и выбор персонажа Пенелопы, чей труд – аллегория бесконечности какого-либо действия), которое он в духе психоанализа рассматривал как ключ к тому, что уже произошло и чему еще предстоит случиться. Единство текста, «ткани», «является *actus purus*<sup>5</sup> воспоминания как такового» (Беньямин, 2019: 101). Мнемозина равно богиня памяти (воспоминание) и муза эпической поэзии (роман и рассказ).

Логическим продолжением данных рассуждений является вышедшая в 1936 году статья философа о Николае Лескове. Эта ода рассказчику, носителю утраченного в индустриально-информационную эпоху эпического дара. Произведения русского писателя стали подспорьем для размышлений о роли рассказывания историй в обществе, опасностях исчезновения рассказчиков и о том, как рассказ формирует наше отношение к истине, как общественной, так и частной. Storytelling, пола-

гает Беньямин, есть единица общности, общего опыта. Пруст, как и Лесков, рассказчик, транслятор опыта, в его конкретном случае – опыта припоминания.

Переходя от индивидуальной памяти (М. Пруст) к коллективной традиции (Н. Лесков), Беньямин берет за основу для сравнения не пряжу Пенелопы, но уже способ производства, связанный с характерным для него каналом передачи информации. К рассмотрению повествования как залога совместной жизни подтолкнула угроза Второй мировой войны и связанные с ней технологические потрясения. Люди больше *не ткут и не прядут*, слушая истории. Только в такой «сети» дар рассказчика прагматичен – происходит трансляция опыта и советов. Воспоминание служит началом цепи традиции, которая передает разрозненные события от поколения к поколению. Для рассказчика, занятого повествованием, нет деления на священную и естественную историю. Поэтому «невозможно различить, является ли *тканевая основа*, в которую они (рассказы) вплетаются, золотой основой религиозного воззрения на ход вещей или пестрядиной основой мирского мировоззрения» (Беньямин, 2004: 401). Здесь уже мы встречаем не просто «ткань», но «тканевую основу» – традицию, опыт, чьи акции в начале XX века «упали в цене» (там же, 384). И эту сеть, сплетенную тысячи лет назад в окружении самых древних форм ремесла, ныне распускают со всех концов новейшие технические возможности.

Вновь к этой метафоре В. Беньямин обращается спустя два года при разработке взглядов Эдуарда Фукса на историю культуры. Последний провозгласил новый тип исторической науки, которая, по мнению философа, имеет своим предметом «не аккуратный клубок чистых фактических данных, а бесчисленное количество нитей, с помощью которых наследие прошлого вплетается в ткань современности» (Беньямин, 2018: 41). Название этого эссе «Эдуард Фукс: историк и коллекционер» уже содержит в себе основной тезис Беньями-

<sup>5</sup> Чистой деятельностью (лат.)

на: азарт коллекционера и хаос воспоминаний, которые тот пытается обуздать, взаимообусловлены. Будучи марксистом, он сразу делает оговорку, что коллекционирование – это не потребительство, но припоминание посредством книг. Через них историк созерцает незримые дали и тем самым являет собой формат практической памяти, он – хранитель традиции. «...Сама прожитая человеком жизнь – материал, из которого делаются истории» (Беньямин, 2004: 398). Исходя из конкретной эпохи, эти истории, чей исток память, приобретают вариативные формы и передаются по различным каналам. Память, история, текст, традиция – все эти относящиеся к функционированию общества концепты взаимосвязаны. Отсюда и выбор единой для них всех метафоры ткани. Она помогает понять и развить мысли М. Пруста, Н. Лескова и Э. Фукса. Для той же комплексной социально-политической проблематики заимствует и модифицирует ее Арендт.

Х. Арендт ссылается на эти работы в биографическом портрете В. Беньямина, и очерк свидетельствует о мыслительной конвергенции авторов, ведь Арендт пишет о том, что ей интеллектуально импонирует, что близко ей в его опыте: положение еврея в Германии и его отношение с соплеменниками, понимание истории, место метафоры в исследованиях и другие темы.

В работе «Vita activa, или О деятельной жизни» (1958) Х. Арендт намеревалась представить Действие как высшую человеческую способность в рамках практической жизни, а также ценность слова и поступка (составные Действия) в их *humanitas* – явлении себя как человека перед другими людьми. Человек как актер создает то, что позже Х. Арендт обозначила как «ткань общечеловеческих связей». Связи, объединяющие говорящих и действующих людей, делятся на два типа. Первые – «объективные», те, что формируют межчеловеческое пространство, в котором люди преследуют свои «объективно-мирские интересы», то, чему были посвящены

предшествующие главы, анализирующие труд и созидание. В той же части книги, где на первый план выходит последнее и важнейшее явление практической жизни – Действие, связи формируют область *между* «людьми как людьми» или «*ткань межчеловеческого взаимодействия*» (Арендт, 2017: 326). Хотя они и не так очевидны, как экономически опосредованные, но представляют куда большую ценность. Незримость этих связей и их физическая неуловимость обуславливают использование Арендт метафоры ткани. Слово и поступок, живое непосредственное общение образуют систему связей по неслучайной аналогии с рассказчиком Беньямина, который использует память и эпический дар в качестве основы сети повествования, «которую в конце концов образуют все истории, переплетаясь друг с другом» (Беньямин, 2019: 403).

«Vita Activa, или о деятельной жизни» – первая работа Х. Арендт, в которой она использует метафору «ткани» для конституирования пространства бытия-друг-с-другом. Выбор конкретно этого «переноса» применительно к миру людей является очевидным *révérence* мысли В. Беньямина. Некогда сформированная, эта действительность (ткань) предшествует любому поступку и слову. Продевая нить своей деятельной жизни сквозь уже предоставленную ткацкую основу, человек являет себя и оставляет по себе историю. В случае обоих (В. Беньямина и Х. Арендт) опыт / действие, как суть человеческого, образуют направляющие нити, через которые со временем проходят новые, создавая публичное, совместное бытие, или традицию. Истории из жизни тех, кто, назвав себя, явился миру, потенциально готовы к рассказу, который есть окончательный результат сплетения нитей в отчетливо узнаваемый узор. Истории – такой же подлиннейший результат действия, как вещи и предметы, продукты труда и созидания. Определенная память поколений может пересказываться бесчисленное количество раз, вступив «на неопределенный, всегда

щедрый на приключения путь сквозь историю» (Арендт, 2017: 85). Слово «история» для описания человечества или какого-либо сообщества используется Х. Арендт в метафорическом смысле, т.к. эта история не знает ни начала ни конца, и тем самым представляет собой лишь рамку для перманентно изменяющего свой рисунок гобелена. Таков был ход рассуждений и В. Бенямина.

Позже, в речи по случаю присуждения ей Премии Лессинга (1960), Арендт приводит слова немецкого поэта, содержащие знакомую аллегория публичного пространства: «Она [истина] принадлежит сфере, где есть много голосов и где провозглашение того, что каждому мнится истиной, и связывает, и разъединяет людей, как раз и устанавливает те дистанции между людьми, которые в совокупности составляют мир» (Арендт, 2003: 43). Размышления Лессинга, касающиеся политической жизни, в XX веке дополняет Ясперс, уделивший внимание схожим процессам, но применительно к академическому сообществу. Арендт подчеркивает, что теория коммуникации ее учителя отнимает у великих философских систем прошлого их догматические метафизические претензии, как бы распускает их в ряды размышлений, которые встречаются и пересекаются, общаются друг с другом и в конце концов сохраняют лишь то, что универсально сообщимо. Именно такая философия человечества, как представляется Х. Арендт, способна явить «политику как одну из великих сфер человеческой жизни» (Арендт, 2003: 79).

Уже при чтении «Происхождения немецкой барочной драмы» Х. Арендт обращает внимание на мысль В. Бенямина о том, что «процесс движения во времени замыкается в пространственном отображении и подвергается аналитическому разложению» (Benjamin, 1928: 84). Эта мысль относилась к немецкому театру, а насколько мы знаем из рассуждений самой Х. Арендт, высшее воплощение написанных историй – это их реализация посред-

ством искусства драмы. «Аналитическое разложение» Бенямина соответствует стадии «эликсира» в storytelling'e Х. Арендт: «В жизни может содержаться эссенция; воспоминание, повторение в воображении может эту эссенцию расшифровать и подарить тебе “эликсир”» (Арендт 2003: 190). Иначе говоря, примирить человека с жизненными ситуациями.

Рассказчик В. Бенямина и творец историй Х. Арендт являются гарантами передачи традиции, связности истории как процесса. Общий горизонт взглядов Х. Арендт и В. Бенямина на историю как рассказ различается специфичным исполнением. В. Бенямин считает, что аллегорическая / метафорическая физиономия природо-истории, представленная на подмостках драмой, оборачивается процессом не вечной жизни, а скорее неудержимого распада, действительно переживается как крушение (см. Benjamin, 1928: 176). Мотивы упадка, руин, катастрофы, обнаруженные им в немецком искусстве XVIII века, стали неотъемлемыми фрагментами мысли философа, которые мы встречаем в целом ряде его работ, включая и последнюю «О понимании истории». Укоренившуюся метафору «ткани» Х. Арендт экстраполирует и на В. Бенямина, чья жизнь «сплетает для него сеть заслуженных наград и неудач» (Арендт, 2014: 83). Ведь он жил как раз в то время, на которое его ангел истории уже озирается. Всю свою жизнь В. Бенямин был окружен кучками осколков, собиравшихся в общую массу разрушений, которые его Angelus Novus хотел бы, задержавшись, вновь соединить, восстановить. Лишь после упадка ход истории «сжеживается и превращается в сценическую площадку» (Benjamin, 1928: 178). Держа в уме гегелевскую сову Минервы с ее сумеречным полетом, В. Бенямин видит историю лишь как свершившийся факт, «после-жизнь» пульс которой продолжает биться в настоящем.

К 1970 году Х. Арендт проводит ревизию собственных взглядов на способность суждения и связанную с ней способ-

ность рассказывать истории. В итоге она уходит от мысли Канта с ее репрезентативным и экстраполированным мышлением участников политического действия к «зрительному восприятию и ретроспективному суждению историков и рассказчиков» (Арендт, 2013: 151). Для Арендт рассказывание историй – это процесс «излечения», так как прошлое преодолеть или упразднить нельзя, возможно лишь примирится с ним. Несмотря на то, что Х. Арендт и В. Беньямин были современниками, Беньямин успел застать начало разрыва традиции (1910-е), Арендт же лицезрела уже имеющуюся брешь (1945 г.). Эта разница обусловила и их взгляды на storytelling: Беньямин видит руины на месте традиции, транслировать больше нечего – ткань разошлась. Арендт с присущей ей верой в натальность рассматривает рассказывание историй как дар примирения с произошедшими ужасными событиями, а после – способ соткать заново общее публичное пространство человеческого бытия.

Рассказывание историй – общее для обоих авторов поле исследования – стало «испытательным полигоном» использования метафоры в качестве одного из инструментов конструирования их социально-исторических идей. Взглядом на метафору как детерминанту языка, с помощью которой мышление опосредует невидимое через видимое, Х. Арендт отчасти обязана В. Беньямину. Концептуальная метафорическая речь действительно соответствует деятельности мышления, операциям ума, хотя было бы весьма наивно утверждать, что влияние В. Беньямина на Х. Арендт в этом вопросе было единоличным. И. Берлин отмечал, что в попытке схватить сущность истории метафорами «пользовались все образованные люди, по крайней мере, с XIX в.» (Берлин, 2014: 75). Две из трех рассмотренных статей были написаны Беньямином в период эмиграции, когда Арендт была его главной собеседницей в вопросах, касавшихся в том числе исторического процесса. Она стала свидетельницей не только постановки проблемы (руи-

низированность истории, разрыв традиции), но и получила от Беньямина инструмент – метафору «ткани», которая сделала возможным выразить суть политической общности. И для Беньямина, и для Арендт History – это прежде всего совокупность story. С помощью свойственной им обоим устойчивой метафоры ткани философы стремились показать рукотворность истории, ценность составляющих ее частных, на первый взгляд не значительных, рассказов, создающих естественный узор публичного пространства. Работы и того, и другого автора оказали влияние на современную популярную концепцию нарративной истории, основывающейся на повествовательной ценности временного опыта.

Выбор метафоры ткани обусловлен общим для обоих философов историческим временем. Беньямин начал использовать ее, когда стал замечать приходявшееся на годы после окончания Первой мировой войны нарастание социальной атомизации, тотальное онемение, иссушение способности обмена опытом и др. Тем самым он указывал на развитие паталогических процессов в общественном теле. В отличие от него, работа Арендт заключалась в использовании данной метафоры уже для послевоенного реанимирования этого тела и поддержания его здоровья в дальнейшем.

### Литература

- Анкерсмит, Ф.Р. История и топология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Колomoец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
- Бенн, С. Одежды Клио / пер. с англ. М. Кукарцевой. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2011. 304 с.
- Арендт, Х. Жизнь ума / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Наука, 2013. 517 с.
- Арендт, Х. Лекции по политической философии И. Канта / пер. с англ. А. Глухова. СПб.: Наука, 2012. 303 с.
- Арендт, Х. Люди в темные времена / пер. с англ. Г. Дашевского. М.: Моск. школа полит. исследований, 2003. 311 с.



Арендт, Х. *Vita Activa*, или О деятельной жизни / пер. с англ. и нем. В.В. Бибихина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.

Беньямин, В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / пер. с нем. и франц. А. Белобратова. СПб.: «Симпозиум», 2004. 480 с.

Беньямин, В. О коллекционерах и коллекционировании / пер. с нем. С. Ромашко, Н. Бахши. М.: ЦЭМ, V-A-C press, 2018 104 с.

Беньямин, В. Судьба и характер: эссе / пер. с нем. Н. Бахши, А. Глазовой, С. Ромашко. СПб.: Азбука, 2019. 448 с.

Бейнер, Р. Ханна Арендт о суждении // Ханна Арендт. Лекции по политической философии И. Канта / пер. с англ. А. Глухова. СПб.: Наука, 2012. С. 147–236.

Берлин, И. Философия свободы. Европа / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 448 с.

Кант, И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. / под общ. ред. проф. А.В. Гулыги. Т. 5 [Критика способности суждения]. М.: ЧОРО, 1994. 414 с.

Уайт, Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.

Arendt, H. Walter Benjamin (1892-1940) // Arendt, H. *Illuminations: Essays and Reflections*. New York: Schocken Books, 1968. Pp. 1-59.

Benjamin, W. *Ursprung des Deutschen Trauerspiels*, Berlin: E. Rowohlt, 1928.

Beiner, R. Benjamin's Concept of History as a Source of Arendt's Idea of Judgment. Part I. [Online] Available at: [crt.org/religioustheory/2016/08/08/benjamins-concept-of-history-as-a-source-of-arendts-idea-of-judgment-ronald-beiner/](http://crt.org/religioustheory/2016/08/08/benjamins-concept-of-history-as-a-source-of-arendts-idea-of-judgment-ronald-beiner/) (Accessed: 19 July 2021)

Hannah Arendt, Heinrich Blücher, *Briefe, 1936–1968*. Ed. Lotte Kohler. Munchen, Zurich: Piper, 1996. 596 S.

Hannah Arendt: critical essays by Hinchman, Lewis P; Hinchman, Sandra. State University of New York Press, 1994. 400 pp.

Herzog, A. Illuminating inheritance: Benjamin's influence on Arendt's political storytelling // *Philosophy & Social Criticism*. 2000. Vol. 26. No. 5. Pp. 1–27.

Honahan, I. Arendt and Benjamin on the Promises of History: A Network of Possibilities or One Apocalyptic Moment? // *Clio*. 1990. Vol. 19. No. 4. Pp. 311-30.

D'Entrèves, M. P. *The political philosophy of Hannah Arendt*. Routledge. London and New York, 1994. 217 pp.

Kieslich, I. Walter Benjamin, Hannah Arendt: storytelling in and as theoretical writing. Ph.D. dissertation, Nashville, Tennessee. 2013. 379 pp.

*The Correspondence of Walter Benjamin and Gershom Scholem 1932-1940*. Ed. by Gershom Scholem. Translated from German by G. Smith and A. Lefevere. New York: Schocken books, 1989. 326 pp.

*The Correspondence of Walter Benjamin, 1910-1940*. Edited and annotated by Gershom Scholem and Theodor W. Adorno. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 686 pp.

*The Correspondence of Hannah Arendt and Gershom Scholem*. Ed. by Marie Luise Knott. Transl. by A. David. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2017. 336 pp.

## References

Ankersmit, F. R. (2003), *Istorjya i tropologiya: vzlet i padenie metafor* [History and tropology. The rise and fall of metaphor], transl. by M. Kukartseva, E. Kolomoets, V. Kataeva. Progress-Traditsya, Moscow, Russia (in Russ.).

Arendt, H. (2012), *Leksii po politicheskoi filosofii I. Kanta* [Lectures on Kant's political philosophy], transl. by A. Glukhova, Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Arendt, H. (2003), *Lyudi v temnye vremena* [Men in Dark Times], transl. by G. Dashevsky, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, Moscow (in Russ.).

Arendt, H. (2000), *Vita Activa, ili O deyatel'noi zhizni* [The human Condition], transl. by V.V. Bibikhin, Aleteiya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Arendt, H. (1968), "Walter Benjamin (1892-1940)", *Illuminations: Essays and Reflections*, Schocken Books, New York, 1-59.

Arendt, H. (2013), *Zhizn' uma* [The Life of Mind], transl. by A.V. Govorunova, Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Benn, S. (2011), *Odezhdy Klio* [Clio's clothes], transl. by M. Kukarceva. Kanon+» ROI, Moscow, Russia (in Russ.).

Beiner, R. (2016) Benjamin's Concept of History as a Source of Arendt's Idea of Judgment. Part I. [Online] Available at: [crt.org/religioustheory/2016/08/08/benjamins-concept-of-history-as-a-source-of-arendts-idea-of-judgment-ronald-beiner/](http://crt.org/religioustheory/2016/08/08/benjamins-concept-of-history-as-a-source-of-arendts-idea-of-judgment-ronald-beiner/) (Accessed: 19 July 2021)

Beiner, R. (2012) "Hannah Arendt about the thinking", *Hanna Arendt. Lektsii po politicheskoi filosofii I. Kanta* [Lectures on Kant's political philosophy] transl. by A. Gluhov. Nauka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Benjamin, W. (2018), *O kollektsionerakh i kollektsionirovanii* [About collectors and collecting], transl. by S. Romashko & N. Bakshi. CEM, V-A-C press, Moscow, Russia (in Russ.).

Benjamin, W. (2004), *Maski vremeni. Esse o kul'ture i literature* [Time masks. Essays on Culture and Literature], transl. by A. Belobratova, «Simpozium», St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Benjamin, W. (2019), *Sud'ba i harakter: esse* [Fate and Character: essays], transl. by N. Bakshi, A. Glazovoj & S. Romashko, Azbuka, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Benjamin, W. (1928), *Ursprung des Deutschen Trauerspiels*, E. Rowohlt, Berlin (in Germ.).

Berlin, I. (2014), *Filosofiya svobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Herzog, A. (2000), "Illuminating inheritance: Benjamin's influence on Arendt's political storytelling", *Philosophy & Social Criticism*, 26 (5), 1–27.

Hinchman, L. P. and Hinchman, S. (ed.) (1994), *Hannah Arendt: critical essays*, State University of New York Press, NY, USA.

Honahan, I. (1990), "Arendt and Benjamin on the Promises of History: A Network of Possibilities or One Apocalyptic Moment?", *Clio*, 19 (4), 311–30.

D'Entrèves, M. P. (1994), *The political philosophy of Hannah Arendt*. Routledge. London and New York.

Kant, I. (1994), *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Criticism of judgment] in: Kant I. Sochineniya: 8 vols. [Works], v. 5, CHORO, Moscow (In Russ.).

Kieslich, I. (2013), "Walter Benjamin, Hannah Arendt: storytelling in and as theoretical writing", Abstract of Ph.D. dissertation, Nashville, Tennessee, USA.

Knott, M. L. (ed.) (2017), *The Correspondence of Hannah Arendt and Gershom Scholem*. Transl. by Anthony David. The University of Chicago Press, Chicago and London, USA & UK.

Kohler, L. (ed.) (1996), *Hannah Arendt, Heinrich Blücher, Briefe, 1936–1968*, Piper, Munchen, Zurich, Germany (in Germ.).

Scholem, G. (ed.) (1989), *The Correspondence of Walter Benjamin and Gershom Scholem 1932–1940*, translated from German by G. Smith and A. Lefevere, Schocken books: New York, USA.

Scholem, G. and Adorno, Th. W. (ed.) (1994), *The Correspondence of Walter Benjamin, 1910–1940*, University of Chicago Press, Chicago, USA.

White, H. (2002), *Metaistoriya: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory], transl. by G. Trubina & V. V. Haritonova, Ural University Publishing House, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

*Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

#### **ОБ АВТОРЕ:**

**Кучерова Анна Олеговна**, аспирант Института общественных наук и массовых коммуникаций. Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85. г. Белгород, 308015, Российская Федерация; [kucherovaa94@gmail.com](mailto:kucherovaa94@gmail.com)

#### **ABOUT THE AUTHOR:**

**Anna O. Kucherova**, PhD Student, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; [kucherovaa94@gmail.com](mailto:kucherovaa94@gmail.com)

УДК: 94

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-7

Даценко П. А. | Преемственность или разрыв? О конституционных актах  
Германского союза 1815 и 1820 гг.\*

Государственный академический университет гуманитарных наук, Мароновский пер., д. 26,  
г. Москва, 119049, Россия; [dacenko3322@mail.ru](mailto:dacenko3322@mail.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена анализу двух основных документов Конституции Германского союза – Союзного акта от 8 июня 1815 г. и Венского заключительного акта от 15 мая 1820 г. Отмечается, что многие статьи первого документа явно имели временный характер, лишь декларируя многие будущие преобразования, в то время как второй был структурно более целостным и завершенным документом. Подробно сравнивая оба текста, автор приходит к выводу, что в документе 1820 г. не прослеживается сознательного отказа от задач и намерений, провозглашенных в 1815 г. Подчеркнуто, что акт 1820 г. разрабатывался и утверждался в условиях общественного разочарования в работе союзных учреждений, а также общего антиреволюционного политического климата. Таким образом, негативное впечатление от охранительного характера Союзной конституции затрудняло объективную оценку ее реальных возможностей. Обозначая сильные и слабые стороны обоих документов, автор статьи акцентирует внимание на наиболее проблемных моментах, которые привели к расхождению в оценке роли и значения этих документов в историографии.

**Ключевые слова:** конституция; Венский конгресс; Германский союз; 1815 год; 1820 год; Меттерних; бундестаг

**Для цитирования:** Даценко П. А. Преемственность или разрыв? О конституционных актах Германского союза 1815 и 1820 гг. // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 62-70. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-7

P. A. Datsenko | Continuity or rupture? On the constitutional acts  
of the German Confederation of 1815 and 1820\*\*

State Academic University for the Humanities, 26 Maronovskiy Ln., Moscow, 119049, Russia;  
[dacenko3322@mail.ru](mailto:dacenko3322@mail.ru)

**Abstract.** The article is devoted to the analysis of two main documents of the Constitution of the German Confederation – the Federal Act of June 8, 1815 and the Vienna

\* Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

\*\*The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. FZNF-2020-0001 "Historical and cultural traditions and values in the context of global history").

Final Act of May 15, 1820. It is noted that many articles of the first document had clearly temporary nature, only declaring future transformations, while the second act was a structurally more holistic and complete document. Comparing both texts in detail, the author comes to the conclusion that there was no conscious refusal in the 1820 document from the tasks and intentions that were proclaimed in 1815. The author emphasizes that the act of 1820 was developed in the context of public disillusionment with the work of federal institutions, as well as in a general anti-revolutionary political climate. Thus, the negative impression of the protective nature of the Federal Constitution made it difficult to evaluate its real possibilities correctly. Examining the strengths and weaknesses of both documents, the author focuses on the most problematic points that led to a discrepancy in assessing the role and significance of these documents in historiography.

**Key words:** constitution; Congress of Vienna; German Confederation; 1815; 1820; Metternich; Bundestag

**For citation:** Datsenko P. A. (2021), "Continuity or rupture? On the constitutional acts of the German Confederation of 1815 and 1820", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 62-70, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-7

Конституция Германского союза, состоящая из двух основополагающих актов, принятых в 1815 и в 1820 гг., в историографии до сих пор не имеет единой оценки. Исследователями, с одной стороны, отмечается модернизационный характер отдельных положений этих документов и то важное место, которое они занимали в конституционном и государственном развитии Германии (Баев, 2005: 116-117; Stauber, 2018: 44-45), но в то же время историографическая традиция придерживается в целом сдержанной оценки ее эффективности как откровенно консервативного документа, на полвека узаконившего раздробленность Германии, не соответствовавшего ни ожиданиям, ни потребностям общества и способствовавшего «объединению не нации, а реакции» (Nipperdey, 1983: 355).

Столь различающиеся оценки значения этого документа восходят еще к эпохе его возникновения. Уже в ходе работы так называемого Германского комитета на Венском конгрессе сталкивались диаметрально противоположные взгляды политиков и дипломатов на будущее устройство Германии. В VI статье Парижского мира от 30 мая 1814 года германский вопрос

был сформулирован в довольно общих словах: «Германские государства будут независимы и объединены федеративной связью ("lien fédératif")»<sup>1</sup>. Это позволило участникам Комитета предлагать проекты, трактовавшие эту статью и как федеративную структуру с общегерманскими государственными органами (австро-прусский проект «12 статей»), и как слабую конфедеративную организацию, близкую во многих аспектах к Священной Римской империи германской нации (проект австрийского дипломата Й. фон Вессенберга).

В споре между этими моделями владела конфедеративная, как наиболее привлекательная и для европейских держав, опасавшихся создания в Европе чрезмерно сильного германского государства, и для государств бывшего Рейнского союза – прежде всего Баварии и Вюртемберга, – которые видели в ней гарантии своей внутренней и внешней самостоятельности, не без труда сохраненной ими в ходе Венского конгресса.

<sup>1</sup> В переводе Ф.Ф. Мартенса – «общим союзом» (Мартенс, 1905: 245).



Таким образом, конфедеративный вариант как наиболее компромиссный для достижения быстрого соглашения лег в основу составленного 8 июня и утвержденного 10 июня 1815 года Акта об образовании Германского союза (или «Союзного акта»), содержавшего в общей сложности 20 статей (Deutsche Bundes-Akte, 1815). Статьи этого акта были разделены на два блока: «Основные положения» (ст. 1-11) и «Особые постановления» (ст. 12-20).

Статьи первого блока были включены также и в текст Заключительного акта Венского конгресса от 9 июня 1815 года, получив таким образом европейские гарантии. Эти статьи вводили базовые принципы и формы организации создававшегося Германского союза. В его состав по преамбуле акта вошли 38 (с 1817 года - 39<sup>2</sup>) государств, причем формальными членами союза по личной унии становились также короли Великобритании (уния с Ганновером), Дании (с герцогством Гольштейн) и Нидерландов (с герцогством Люксембург).

Статья 1 провозглашала «неразрывный» союз всех германских княжеств, целью которого было «обеспечение внешней и внутренней безопасности Германии», гарантирование «самостоятельности и неприкосновенности ее земель» (ст. 2), а также защита мира и равновесия в Европе. Статья 11 запрещала членам Союза вести друг против друга войны и принимать участие в коалициях, направленных против других германских государств или против Союза в целом. Согласно статье 3, все члены Германского союза были равны в правах и допускались к обсуждению и принятию решений по общегерманским вопросам. Единственным союзным органом стал Союзный сейм (бундестаг) под председательством Австрии (ст. 5), в котором заседали уполномоченные посланники германских государств. Статьи 4 и 6 учреждали две главные формы заседаний бундестага:

1) Для регулярных заседаний и обсуждения большинства вопросов предусматривалась форма Узкого совета, в котором всем государствам предоставлялось по одному голосу, но ряд самых малых княжеств объединялись в шесть курий и имели шесть коллективных голосов. Всего в Узком совете насчитывалось 17 голосов.

2) Для решения особо важных вопросов, касающихся возможного изменения статей Союзного акта или реформирования общесоюзных органов созывался Пленум бундестага, в котором каждый член Союза присутствовал самостоятельно и в обязательном порядке, но в котором голоса распределялись неравномерно, в соответствии с размером и численностью населения государств<sup>3</sup>.

Статьи 9 и 10 регламентировали как место и время первого заседания бундестага (Франкфурт-на-Майне, 1 сентября 1815 года), так и повестку дня его первых заседаний: ему поручалось рассмотрение вопросов о формировании германских государственных органов и основных общесоюзных законов во внешнеполитической, военной и внутривнутриполитической областях.

Второй блок статей (так называемые «Особые постановления») декларировал цели и основные задачи, которые не были решены Германским комитетом и предлагались к обсуждению уже на заседаниях бундестага, и, следовательно, должны были впоследствии войти в текст конституции как полноценные статьи. Эти постановления касались правового положения имперских дворянских родов и сословий, потерявших в ходе медиатизации 1803 года свои владения и самостоятельность (ст. 14-16, статья 17 подтверждала сохранение общегерманской почтовой службы и ее функционирования в ведении

<sup>2</sup> 39-м было княжество Гессен-Гомбург, которое официально вступило в Союз в 1817 году.

<sup>3</sup> Австрия, Пруссия, Бавария, Саксония, Ганновер и Вюртемберг имели по 4 голоса, Баден, Гессен-Дармштадт, Гессен-Кассель, Гольштейн и Люксембург – по 3, Брауншвейг, Мекленбург-Шверин и Нассау – по 2 голоса, остальные государства – по 1 голосу, итого – 69 голосов.

княжеского рода Турн-и-Таксис), вопросов создания общегерманской судебной системы (статья 12), введения во всех государствах Союза сословных конституций («*landständische Verfassungen*») (статья 13), создания унифицированного правового кодекса (статья 18) и регулирования германской торговли, таможенных отношений и вопросов судоходства (статья 19).

Важным моментом были прописанные в статье 7 принципы принятия решений по различным вопросам. Для большинства вопросов было предусмотрено голосование в Узком совете абсолютным большинством, в случае вынесения решения на пленум требовалось большинство в 2/3. При этом вводились четыре категории вопросов (введение или изменение общесоюзных законов; так называемые «органические», то есть затрагивавшие структуру и принципы работы общесоюзных органов, положения; вопросы индивидуального права (*jura singulorum*), а также религиозные дела), по которым подразумевалось лишь единогласное решение. Этот пункт имплицитно предоставлял каждому, даже самому маленькому государству Союза право veto в важнейших для Германии вопросах.

Таким образом, уже в самом тексте Союзного акта говорилось о незавершенности созданной модели и подразумевалась его замена новым, более подробным документом. В этом контексте окончательная оценка этому документу на момент его принятия могла быть дана лишь в отношении установленной им формы организации Германии, но не потенциалу ее развития в целом.

Слабые стороны Союзного акта были указаны уже современниками. В своей критике они осуждали слабость федеральной власти и фактическую беспомощность государств перед амбициями крупных европейских монархов (см.: Darmstadt, 1971: 64-65). Особую критику со стороны национально-патриотических сил (например, в трудах Й. Гёрреса) вызывал многонациональный состав Союза, в границах которо-

го оказались чешские и польские территории Австрии и Пруссии, что ущемляло суверенитет германской нации (это выразилось, например, в отсутствии немецкого национального парламента) и замыкало его на фигурах князей и их правительств, а не на самой нации (см.: Müller, 1989: 52).

В то же время «Особые постановления», диктуя курс на развитие гражданского, конституционного и судебного права в Германии, вселяли во многих современников надежду на позитивное развитие Германии в федеративном и либеральном направлениях<sup>4</sup> и на превращение Германского союза в реального гаранта прав немецких граждан, который бы выступал в роли «коллективного императора», стоящего выше земельных князей и защищающего народ от их произвола (см.: Darmstadt, 1971: 67-68).

Не менее важной признавалась и европейская роль Союзного акта, сделавшего Германский союз «центральным элементом европейской системы безопасности и стабилизатором международной системы» (Gruner, 1985: 74).

Однако именно незавершенность «Основных положений» Союзного акта привела к первым затруднениям на пути к совершенствованию созданной им системы, причем эти затруднения носили организационный характер: прежде чем открыть заседания бундестага, германским кабинетам было необходимо решить целый круг практических вопросов, которые пришлось рассматривать на отдельных консультативных заседаниях, что отложило начало работы бундестага до ноября 1816 года.

Попытки реализовать потенциал «Особых постановлений» силами начавшего работу бундестага в 1816-1819 гг. также столкнулись с целым рядом трудностей, таких как: скованность и несамостоятельность заседавших в бундестаге посланников, противоречия между герман-

<sup>4</sup> Эта оценка была распространена в основном в средних и малых государствах Германии (см.: Stauber, 2018: 44-45).

скими кабинетами по торговым и военным вопросам, а также серьезное давление со стороны австро-прусского блока и лично К. фон Меттерниха. Меттерних, связывавший конституционное и либеральное развитие германских земель с нарастанием в них национальной агитации и волнений, стремился, совместно со своим прусским коллегой К.А. фон Гарденбергом, прежде всего сохранить в Германии конфедеративную основу и выполнять «Особые постановления» лишь в той степени, в которой они служили укреплению безопасности и монархического принципа на фоне нарастания в обществе революционных настроений (см.: Stauber, 2018: 48).

Начавшийся после убийства студентом К. Зандом писателя А. фон Коцебу 23 марта 1819 года консервативный поворот в политике германских кабинетов позволил Меттерниху использовать охранительные настроения в целях законсервировать и «стабилизировать» развитие союзного вопроса. В ходе Карлсбадской конференции августа 1819 года<sup>5</sup> были выработаны четыре постановления, ратифицированные бундестагом 20 сентября того же года, существенно ограничивавшие свободы прессы, университетов и усиливавшие полицейский контроль в государствах Союза (см.: Huber, 1978: 100-105)<sup>6</sup>.

Поскольку замена Союзного акта 1815 года более полным союзным договором по-прежнему оставалась объективной необходимостью, Меттерних, использовав начатый Карлсбадскими решениями поворот к реакции в германских кабинетах, инициировал новую конференцию, которая открылась в ноябре 1819 года в Вене – всего через два месяца после завершения переговоров в Карлсбаде. В ее ходе был разработан новый конституционный доку-

мент – Венский заключительный акт (см.: Wiener Schlußakte, 1820), принятый 15 мая и ратифицированный пленумом бундестага 8 июня 1820 года.

По сравнению с Союзным актом новый документ был существенно расширен – вместо 20 он содержал 65 статей. Сравнивая статьи этого документа с Союзным актом, следует отдельно рассмотреть развитие в нем статей обоих блоков первого акта.

«Основные положения» Союзного акта 1815 г. были включены в текст нового документа без существенных изменений: статья 2 Венского акта подтверждала статус Германского союза как единой во внешней политике и гармоничной во внутренней политике конфедерации, статьи 3 и 4 определили смысл Союза как следование задачам и духу Союзного акта, все будущие союзные решения и законы германских государств не должны им противоречить. Статьи 5 и 6 запрещали выход из Союза и требовали всеобщего согласия для принятия новых государств.

Серьезным расхождением с намерениями акта 1815 года был отказ от создания общегерманских учреждений. Зафиксированные в ст. 7-10 статус и принципы работы бундестага, остававшегося единственным органом, наделенным союзными полномочиями, также в целом повторяли положения 1815 года, но порядок рассмотрения им вопросов был существенно дополнен: в ст. 11-17 были более подробно определены порядок и принцип голосования в Узком совете и в пленуме бундестага. Как и в 7 статье Союзного акта, Узкому совету предоставлялось право решения многих союзных вопросов абсолютным большинством голосов (ст. 11), однако для вопросов особой важности (сюда по ст. 12 входили вопросы объявления войны и мира, а также принятия новых членов в Союз) необходимо было решение пленума большинством в 2/3 голосов.

Статьи 13 и 14 подтверждали перечень исключительных вопросов, требовавших единогласного решения, лишь

<sup>5</sup> В конференции приняли участие Австрия, Пруссия, Бавария, Саксония, Ганновер, Вюртемберг, Баден, Нассау, Мекленбург-Шверин и Мекленбург-Штрелиц.

<sup>6</sup> В них входили четыре законопроекта: «Об университетах», «О прессе», «О расследованиях» и «О наказаниях».

«вопросы индивидуального права» были заменены на «принятие новых членов в Союз».

Далее, в отличие от Союзного акта, в новом документе появились статьи, связанные с компетенцией федеральной власти и правом бундестага на политическое и военное вмешательство во внутренние дела государств Союза. Согласно статье 16, обязывающие решения не могли быть приняты по отношению к членам Союза в случаях, когда они выступали как независимые государства<sup>7</sup>. Право союзной интервенции регулировалось статьями 18-20 и 25-28: для ее осуществления требовалось разрешение бундестага, которое он мог дать лишь в случае открытых внутренних беспорядков или мятежей и только по просьбе правительства государства, если оно признает, что не способно самостоятельно восстановить порядок и подаст запрос о помощи. При этом статьей 26 было оговорено, что в случае очевидной неспособности правительства к этому интервенция может быть одобрена бундестагом и без запроса<sup>8</sup>. Статьи 29-34 регулировали право невоенного союзного вмешательства и различных санкций в случаях, если внутренняя политика члена Союза противоречит решениям бундестага и статьям Союзного акта, но эти санкции были осложнены многочисленными оговорками<sup>9</sup>.

Статьи 35-50 были посвящены вопросам внешней политики: статья 35 подтверждала исключительно оборонительный характер Союза, в соответствии с 11 статьями Союзного акта военная помощь вступала в силу в случае вовлечения германских государств во внешнюю войну, кроме случаев объявления войны с их сто-

роны (ст. 37, 46<sup>10</sup>) или случаев, когда *casus belli* не признается угрозой общегерманского масштаба (статья 42).

В статью 50 было включено решение бундестага от 12 июня 1817 года, согласно которому была предусмотрена аккредитация (причем не обязательно письменная) лишь чрезвычайных посольств в исключительных случаях, что, например, давало Австрии и Пруссии формальное право выступать на международной арене от имени всей Германии (см.: *Protokolle 1817*, 3: 194-200). Германский союз, таким образом, приобрел лишь постоянное пассивное дипломатическое право и не стал полноценным субъектом международных отношений.

Статья 51 обязывала бундестаг к скорейшему решению вопроса об организации Союзной армии, которая до сих пор являлась предметом споров о распределении и субординации воинских контингентов различных германских государств, о назначении единого верховного главнокомандующего и о финансировании союзных военных объектов (крепостей, гарнизонов и т.д.)<sup>11</sup>.

Статьи, посвященные материалам «Особых постановлений» Союзного акта, были представлены не единым блоком, а распределены по всему тексту акта (в основном статьи 53-65). В них были зафиксированы многие решения, которые удалось принять к этому моменту силами бундестага. Так, статья 12 Союзного акта (судебный вопрос), обсуждение которой в 1817 году было сведено к признанию австрегального (третейского) принципа судопроизводства вместо полноценных федеральных судебных органов, имевших приоритет перед законодательствами от-

<sup>7</sup> Эта статья, в частности, позволяла Пруссии и Австрии вести свободную европейскую политику.

<sup>8</sup> Что подразумевалось под «очевидной неспособностью правительства» («notorisch außer Stande sein») и кем должно было подтверждаться или опровергаться это состояние, оговорено не было.

<sup>9</sup> Например, статья 29 указывает, что бундестаг может требовать от земельного правительства удовлетворить жалобы его подданных лишь в случае доказанной правомочности этих жалоб.

<sup>10</sup> Под действие 46 статьи, очевидно, попадали Австрия и Пруссия, как «союзные государства, имеющие владения за пределами Союза». Распространялась ли эта статья на государства, связанные личными униями с европейскими державами - Гольштейн, Ганновер и Люксембург - из текста не ясно.

<sup>11</sup> Союзная военная конституция была принята лишь в 1821-1822 гг.



дельных государств, был описан в ст. 20-24. В этих статьях (в частности, в ст. 24) было утверждено верховенство правовых систем отдельных государств над союзным законодательством во внутренних вопросах, не затрагивавших интересы других государств и не противоречивших положениям Союзного акта. Бундестаг мог нести в этих случаях лишь функцию посредника путем создания особой комиссии (ст. 21), решения которой должны быть одобрены австрегальным судом.

Конституционный вопрос (статья 13 Союзного акта), был рассмотрен сразу в восьми статьях, с 54 по 61. Статья 54 объявляла принятие конституций в германских государствах во исполнение 13 статьи обязательным, уже принятые и будущие конституции получали союзные гарантии (ст. 60)<sup>12</sup>, но в то же время в вопросе октроирования (дарования главой государства) новых конституций решающее слово оставалось за монархом (статья 55), с оговоркой, что он не мог отменять или изменять конституцию, если это не предусмотрено самой конституцией (статья 56). Этим были созданы процессуальные трудности для введения в германских государствах либеральных представительных конституций, что впоследствии выразилось в конституционных кризисах в Ганновере (1837 г.) и Гессен-Касселе (1850 г.).

Резко реакционным моментом по сравнению с Союзным актом стало содержание статей 57-59 и 61, подтверждавшее верховенство монархического принципа. Статья 57 гласила, что монарх может быть ограничен ландтагом лишь в некоторых правах, статья 58 устанавливала приоритет воли союзных князей над земельными конституциями в вопросах союзной важности, статья 59 предусматривала ограничение

публичного характера обсуждения в ландтагах вопросов, затрагивающих союзные интересы и вопросы безопасности, а статья 61 оговаривала право бундестага вмешиваться в конституционные конфликты лишь в случаях угрозы их серьезной эскалации.

Таким образом, Венский заключительный акт подтверждал большинство положений акта 1815 года, уточнив и более четко прописав ряд спорных мест, прежде всего в «Основных положениях». Однако очевидным стал и гораздо более консервативный характер нового документа. Ряд статей носил сугубо охранительную функцию и был посвящен мерам борьбы с внутренними кризисами. Сразу пять статей (ст. 2, 15, 32, 53 и 61) в различных аспектах гарантировали внутренний суверенитет князей и существенно ограничивали возможность бундестага влиять на их внутреннюю политику. Долгая дискуссия об интерпретации 13 статьи Союзного акта также завершилась в пользу консервативной трактовки, и распространение конституционного опыта южной Германии (Баварии, Бадена и Вюртемберга) на остальные союзные земли замедлилось, в частности, ни Австрия, ни Пруссия вплоть до 1848 года не имели конституций.

Тем не менее, выполнение многих задач не только не было остановлено, но и было вновь подтверждено Венским заключительным актом при всем его охранительном характере. Решение военного вопроса было прописано в статье 51. Выполнение конституционных обязательств государств регулировалось статьей 54, причем бундестагу поручалось следить, чтобы «ни в одном из государств Союза эта статья не осталась невыполненной». Важнейшей в этом отношении стала статья 65, согласно которой союзные князья обязывались продолжить в будущем разработку вопросов, перечисленных в «Особых постановлениях» Союзного акта. Это были вопросы вероисповедания (статья 16 Союзного акта), вопросы общих гражданских прав и свобод: права собственности, права

<sup>12</sup> Предоставление союзных гарантий должно было происходить по просьбе «члена Союза», под которым, вероятно, подразумевался лишь суверенный князь. Присутствовавшее в баварском проекте этой статьи уточнение, что подобная просьба должна быть согласована с ландтагами, не вошло в итоговую редакцию (см.: Mößle, 1994: 378).

на свободу перемещения, унификации законов о гражданской и военной службе, о налогообложении (статья 18 Союзного акта), а также торговый и таможенный вопросы (статья 19 Союзного акта). Эта преемственность намерений 1815 года, наряду с фиксацией в статьях акта результатов, достигнутых за 1816-1819 годы, демонстрирует скорее сохранение им в значительной степени потенциала его предшественника, нежели его игнорирование.

Огромное значение в негативной оценке Венского заключительного акта сыграл не только консервативный курс Меттерниха, но и общий политический контекст, в котором принимался новый акт. Можно в целом согласиться с выводом Р. Штаубера о том, что в дискуссии о союзном вопросе «не существовало внутренней “логики развития”, которая целенаправленно вела от 1815 года прямо к положению 1820 года и дискредитировала бы Германский союз как инструмент репрессии и реставрации» (Stauber, 2018: 48). Выросший за предыдущие годы скепсис в обществе в отношении эффективности бундстага, накопившиеся разногласия между германскими государствами и резкий консервативный поворот в политике, прежде всего австрийского и прусского кабинетов, вызванный тревогой перед возможным революционным взрывом, – все эти факторы создали политическую атмосферу, при которой единовременное и полное выполнение «Особых постановлений» могло выглядеть едва ли не шагом навстречу революции.

Основными негативными моментами акта 1820 года можно, таким образом, считать не отход от принципов Союзного акта 1815 года, а унаследование тех слабостей, которые были изначально заложены в первом документе (прежде всего, отсутствие сильных федеральных органов) и не были исправлены под влиянием консервативного поворота 1819-1820 гг. Как следствие, реализация задач 1815 года в этих условиях становилась вопросом не одной масштабной конституционной реформы, а по-

степенной и далеко не всегда заметной современникам эволюции федеративных элементов в самых разных сферах общественной жизни.

### Источники

Мартенс, Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XIV. СПб: Бенке, 1905. 447 с.

Deutsche Bundes-Akte vom 8. Juni 1815. [Электронный ресурс] URL: <http://www.verfassungen.de/de06-66/index.htm> (дата обращения: 19.08.2021).

Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Hrsg. von Huber E.R. Bd. I. 3. Aufl. Stuttgart: Kohlhammer, 1978. 637 S.

Protokolle der deutschen Bundesversammlung. Bd. I. Fr.-a.-M.: Bundes-Präsidial-Buchdruckerei, 1817. 288 S.

Wiener Schlußakte (Schluß-Acte der über Ausbildung und Befestigung des deutschen Bundes zu Wien gehaltenen Ministerial-Conferenzen) vom 15. Mai 1820 [Электронный ресурс] URL: <http://www.verfassungen.de/de06-66/index.htm> (дата обращения: 18.08.2021).

### Литература

Баев, В.Г. Европейский конституционализм после Наполеона (на примере Германии) // Журнал российского права. 2005. № 7 (103). С. 113-130.

Darmstadt, R. Der Deutsche Bund in der zeitgenössischen Publizistik. Bern, Frankfurt am Main: Peter Lang, 1971. 242 s.

Gruner, W.-D. Die deutsche Frage. Ein Problem der europäischen Geschichte seit 1800. München: Beck, 1985. 217 s.

Mößle, W. Die Verfassungsautonomie der Mitgliedstaaten des Deutschen Bundes nach der Wiener Schlussakte. Zur Entstehungsgeschichte der Artikel 54 bis 61 der WSA // Der Staat. 1994. Bd. 33, № 3. S. 373-394.

Müller, H. Der Deutsche Bund und deutsche Nationalbewegung // Historische Zeitschrift. 1989. Bd. 248. H. 1. S. 51-78.

Nipperdey, T. Deutsche Geschichte 1800-1866: Bürgerwelt und starker Staat. München: Beck, 1983. 838 s.

Stauber, R. Der Deutsche Bund als föderative Ordnung in der Mitte Europas: Möglichkeiten und Chancen aus der Perspektive von 1814/15 // Deutscher Bund und innere Nationsbildung im

Vormärz (1815-1848). Hrsg. von Müller J. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2018. S. 31-57.

### Sources

*Deutsche Bundes-Akte vom 8. Juni 1815* [German Federal Act of 8 June 1815] [Online], available at: <http://www.verfassungen.de/de06-66/index.htm> (Accessed 19 August 2021) (in Germ.).

Huber, E.R. (ed.) (1978), *Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte* [Documents of German constitutional history], 1, Kohlhammer, Stuttgart, Germany (in Germ.).

Martens, F.F. (ed.) (1905), *Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossiej s inostrannymi derzhavami* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers], 14, Benke, Saint-Petersburg, Russia (in Russ.).

*Protokolle der deutschen Bundesversammlung* [Minutes of the German Federal Assembly] (1817), 3, Federal Publishing House, Frankfurt am Main, Germany (in Germ.).

*Wiener Schlußakte (Schluß-Acte der über Ausbildung und Befestigung des deutschen Bundes zu Wien gehaltenen Ministerial-Conferenzen) vom 15. Mai 1820* [Vienna Final Act (Final Act of the Ministerial Conferences held on Training and Fortification of the German Confederation in Vienna) of 15 May 1820] [Online], available at: <http://www.verfassungen.de/de06-66/index.htm> (Accessed 19 August 2021) (in Germ.).

### References

Baev, V.G., (2005) "European constitutionalism after Napoleon (the German example)", *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 7, 113-130 (in Russ.).

Darmstadt, R (1971), *Der Deutsche Bund in der zeitgenössischen Publizistik* [The German confederation in contemporary journalism], Peter Lang's Publishing House, Frankfurt am Main, Germany (in Germ.).

Gruner, W.-D. (1985), *Die deutsche Frage. Ein Problem der europäischen Geschichte seit 1800* [The German question. A problem of the

European history since 1800], Beck, Munich, Germany (in Germ.).

Möble, W. (1994), "The constitutional autonomy of members of the German confederation after the Final act of Vienna. On the genesis of Articles 54 to 61 of the FAV", *Der Staat* [The State], 33(3), 373-394 (in Germ.).

Müller, H. (1989), "The German confederation and German national movement", *Historische Zeitschrift* [Journal of History], 248 (1), 51-78 (in Germ.).

Nipperdey, T. (1983), *Deutsche Geschichte 1800-1866: Bürgerwelt und starker Staat* [German history 1800-1866: world of citizenship and strong state], Beck, Munich, Germany (in Germ.).

Stauber, R. (2018), "Der Deutsche Bund als föderative Ordnung in der Mitte Europas: Möglichkeiten und Chancen aus der Perspektive von 1814/15" [The German confederation as federative order in the centre of Europe: possibilities and chances from the perspective of 1814/15], in Müller, J. (ed.), *Deutscher Bund und innere Nationsbildung im Vormärz (1815-1848)* [German confederation and internal nation-building in Vormärz (1815-1848)], Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany, 31-57 (in Germ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

### ОБ АВТОРЕ:

**Даценко Павел Александрович**, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук, Мароновский пер., д. 26, г. Москва, 119049, Россия; [dacenko3322@mail.ru](mailto:dacenko3322@mail.ru)

### ABOUT THE AUTHOR:

**Pavel A. Datsenko**, PhD in History, Associate Professor at the Faculty of History, State Academic University for the Humanities, 26 Maronovskiy Ln., Moscow, 119049, Russia; [dacenko3322@mail.ru](mailto:dacenko3322@mail.ru)

УДК 82-94

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-8

---

Кавацца А. | Писатель из Оменья: заметки и размышления о Джанни Родари

---

Урбинский университет имени Карло Бо, Via Aurelio Saffi, 2, 61029 Urbino, PU, Италия;  
*antonella.cavazza@uniurb.it*

**Аннотация.** В статье анализируется история знакомства с творчеством Дж. Родари в СССР. Сопоставляются оригинальные тексты и переводы на русский язык произведений итальянского писателя и поэта, в частности, выполненные С.Я. Маршаком. Приведены фрагменты интервью Дж. Родари и рассмотрены впечатления итальянского писателя от пребывания в СССР, его рассуждения об особенностях детства в России того времени.

**Ключевые слова:** Джанни Родари; С.Я. Маршак; детская литература; перевод; поэзия

**Для цитирования:** Кавацца А. Писатель из Оменья: заметки и размышления о Джанни Родари // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 71-80. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-8

---

A. Cavazza | A Writer from Omegna: Notes and Reflections on Gianni Rodari

---

Carlo Bo University of Urbino, Via Aurelio Saffi, 2, 61029 Urbino, PU, Italy;  
*antonella.cavazza@uniurb.it*

**Abstract.** The author analyzes the fate of the work of G. Rodari in the USSR. The original texts and translations into Russian of the works of the Italian writer, in particular, made by S. Marshak, are compared. Fragments of an interview with Gianni Rodari are given and the impressions of the Italian writer from his stay in the USSR, his arguments about the peculiarities of childhood in Russia at that time are considered.

**Keywords:** Gianni Rodari; S. Marshak; children's literature; translation; poetry

**For citation:** Cavazza, A. (2021), "A Writer from Omegna: Notes and Reflections on Gianni Rodari", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 71-80, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-8

Джанни Родари – один из самых переводимых в мире итальянских писателей. Его очень любили во всех республиках бывшего СССР, но и он, в свою очередь, был очень привязан к этой стране. Книга Анны Роберти «Cipollino nel paese dei Soviet. La fortuna di Gianni Rodari in URSS

(e in Russia)» (Roberty, 2020: 228)<sup>1</sup> вносит значительный вклад в знакомство с автором «Приключений Чиполлино» с точки зрения его особенного отношения к стране Советов, где он был известен как «ита-

---

<sup>1</sup> «Чиполлино в стране Советов. Успех Джанни Родари в СССР (и в России)».



льянский Андерсен»<sup>2</sup>. Русист Роберти, руководившая в течение двадцати лет культурной ассоциацией «Русский мир» в Турине, путем глубокого и документированного биографического и библиографического анализа помогает прояснить некоторые моменты из жизни писателя. Например, она показывает, что Родари не был совсем неизвестным в Италии до того, как поехать в Россию, как это утверждает Марчелло Арджилли в написанной им биографии писателя (Argilli, 1990: 84-85).

Писатель, родом из пьемонтского городка Оменья (Omegna), где сейчас строится посвященный ему мультимедийный музей<sup>3</sup>, в первый раз отправился в СССР в 1951 году в качестве журналиста, сопровождающего официальную делегацию Коммунистической партии Италии. В то время его произведения уже были известны читателям газеты «Унита» (l'Unità) и еженедельника левого направления для ребят «Пионьере» (Pioniere). Однако настоящая известность в Италии пришла к нему позже, как заявил сам Родари в 1979 году в интервью Дино Бернардини (см.: Bernardini, 1979a: 79-84)<sup>4</sup> по случаю выхода в СССР «Грамматики фантазии»

(Grammatica della fantasia), переведенной итальянистом Ю.А. Добровольской. Анализируя причины такой задержки, беседуя с Бернардини о детской литературе, Родари делился наблюдениями:

«Прежде всего, хочу заметить, что и в Италии в настоящий момент трудно найти ребенка, посещающего школу, который не знал бы моего имени, потому что в итальянской школе, любого типа и любого уровня, нет ни одной книги для чтения, в которой не было бы хотя бы одного или двух моих стихов. Хочу сказать, что в Италии известность ко мне хотя и позже, но все-таки пришла, и теперь меня постоянно приглашают в школы, библиотеки и культурные центры. Естественно, нужно отметить, что итальянские тиражи, конечно, невозможно сравнить с советскими.

В отношении рассуждений о детской литературе я думаю, что твои замечания правильны, особенно потому, что здесь у нас в основе этой недооценки лежит известное суждение Кроче, который семьдесят лет назад написал, что не существует детской литературы, а есть лишь книги, которые дети выбирают для чтения по своему вкусу, и в таком случае они могут выбрать Дон Кихота, Робинзона Крузо или Ариосто, не зная других книг для детей. Что ж, это было его, нужно сказать, немного апостериорное суждение. Большинство детей, когда Кроче говорил это, было неграмотным, школа была не очень распространена; он мог сформулировать теорию о не существовании детских книг, так как не было детей, ходивших в школу. Поэтому это был именно один из тех характерных случаев, когда философия возводит в теорию совершившийся факт» (Bernardini, 1979a: 80-81). Итальянский писатель добавил, что в странах, где к детству относились соответствующим образом, появилась и литература для детей. Это произошло в Германии и Англии, где эксплуатация детского труда на фабриках и в сельском хозяйстве прекратилась раньше, чем в Италии. Тем не менее, Родари предвещал будущее не столько детским писателям как

<sup>2</sup> В 1970 году Родари вручили главную в мире детской литературы премию Ганса Христиана Андерсена.

<sup>3</sup> «La Stampa» («Ла Стампа»), № 5, январь 2020 [Электронный ресурс] URL: <https://www.lastampa.it/verbano-cusio-ossola/2020/01/05/news/prende-forma-a-omegna-il-prim-museo-dove-riscoprire-gianni-rodari-1.38286759> (дата обращения: 19.05.2021). Открытие мультимедийного музея Джанни Родари, отложенное по причине пандемии, предполагается в октябре 2021 года.

<sup>4</sup> Это интервью было взято Д. Бернардини для журнала «Иностранная литература» (1979. № 6. С. 273-275). В этом же году оно появляется и в журнале «Rassegna sovietica» (Рассенья Советика): Д. Бернардини, «Intervista con Gianni Rodari» (Интервью с Джанни Родари). Дино Бернардини был основателем журнала «Славия» (Slavia), заместителем редактора и ответственным редактором «Rassegna sovietica» и «Nuova Rivista Internazionale» (Нового международного журнала). Он долго жил в Москве, где закончил факультет русского языка и литературы МГУ имени Ломоносова.

таковым, сколько специалистам по детской коммуникации, приписывая книге роль посредника между мирами маленьких и взрослых.

По случаю своей первой поездки в Россию Родари подарил несколько копий «Книжки веселых стихов» (*Il libro delle filastrocche*, 1950) и «Романа о Чиполлино» (*Il romanzo di Cipollino*, 1951) своим советским сопровождающим. Эти книги очень скоро начали переводить на русский и другие языки советских республик. На его счастье, и это совсем не второстепенный факт, в СССР первыми ценителями и переводчиками этих книг стали поэт С.Я. Маршак и итальянист З.М. Потапова. Потапова умело предварила издание «Приключений Чиполлино» статьей «Первые победы Чиполлино» в популярном советском еженедельнике «Литературная газета» (№ 143 от 27.11.1952; далее ЛГ), где впервые представила читателям известного героя, считающегося шедевром Родари.

Причинами мгновенного успеха первого сборника стихов, опубликованного издательством «Детгиз» под названием «Здравствуйте, дети!» в 1953 году, являются не только реклама и советская система распространения прессы. В основе успеха произведений Родари в России, несомненно, лежит удачный перевод на русский язык, учитывая, что процесс перевода на иностранный язык рифмованных текстов не всегда успешен (вспомните, например, детские книги К.И. Чуковского, только малая часть которых была переведена на итальянский язык, и которые не принесли ему заслуженного успеха в Италии). Принимая во внимание, что «Приключения Чиполлино», переведенные Потаповой, были отредактированы Маршаком, можно понять, что именно первые переводы, сделанные этим выдающимся советским поэтом или под его руководством, лежат в основе «головокружительного успеха» Родари в СССР. Этому способствовали, среди прочего, и такие поэты и переводчики, как Я.Л. Аким и И.Г. Константинова, которые тоже прило-

жили силы к переводу произведений писателя из Оменьи. В опубликованной в ЛГ (22.11.1952) статье «Стихи Джанни Родари» Маршак объяснял свое решение переводить сочинения автора «Книжки веселых стихов» тем, что слышал в них «звонкие голоса ребят, играющих на улицах Рима, Болоньи, Неаполя» (Маршак, 1952). Но в заключении этой статьи он сам предупреждал советского читателя о своей иногда свободной трактовке итальянского оригинала: «В некоторых из своих переводов я отошел от буквальной точности, стремясь передать самую сущность свежих и непосредственных стихов итальянского поэта» (Маршак, 1952).

Необходимость сохранить рифму и адаптировать «типичную итальянскую реальность» для понимания русскими объясняет, по сути, немало отступлений от первоначального текста. В заключении стихотворения *Un lungo viaggio «i bimbi di Roma e di Santa Fé / color di latte o del caffè / bimbi ridenti di Mosca e Pechino»* (Rodari, 1885: 31)<sup>5</sup> в переводе «Далекое путешествие» эти дети уступают место частично детям другого происхождения: «Дети Турина, ребята Берлина, / Веселые дети Москвы и Пекина» (Родари, 1969а: 370), но с тем же самым радостным настроением. Упоминание Рождества, которым открывается стихотворение *L'albero dei poveri*, где мы читаем: «*Filastrocca di Natale, la neve è bianca come il sale*» (Rodari, 1990с: 19), исчезает в переводе Маршака. Известно, что в атеистическом СССР любая ссылка на религиозные праздники была запрещена, и это объясняет и оправдывает решение советского поэта заменить выражение «*Filastrocca di Natale*»<sup>6</sup> обобщенным выражением «праздничный стишок», открывающим русский перевод «Елка на стекле», который начинается так: «Это праздни-

<sup>5</sup> Дословный перевод этих стихов звучит так: «Дети Рима и Санта Фе цвета молока или кофе, / улыбающиеся дети Москвы и Пекина».

<sup>6</sup> Дословный перевод этих слов звучит так: «Стихи о Рождестве».

ный стишок. Точно соль, блестит снежок» (Родари, 1969b: 409).

Необходимость адаптировать стихи Родари *Alla Befana* (Rodari, 1990a: 20)<sup>7</sup> к советскому литературно-философскому пространству наверняка заставила Маршака заменить его главного героя. Старуха-ведьма, как знают все итальянские дети, появляется в ночь перед шестым января (праздник Поклонения Волхов), чтобы раздать дары хорошим детям. А в переименованном стихотворении «Письмо фее» (Родари, 1969c: 408) главным героем является не старуха-ведьма, а фея. Таким образом, теряется связь с христианским праздником, являющимся контекстом и поводом для даров всем детям, особенно бедным, в стихах Родари. В русском переводе появляется другой праздник: новогодний.

Однако иногда изменения Маршака совсем не оправданы. Например, в итальянском подлиннике стихотворения «Воскресная прогулка» упоминаются площади Навона и Эзедра. А в переводе, непонятно почему, исчезает площадь Эзедра. Вот первые десять стихов стихотворения «*Passeggiata domenicale*»:

Io vado a spasso per la città,  
senza una mèta vago qua e là.  
In piazza Navona mi fermo a guardare  
quelli che stanno il gelato a leccare.  
In Piazza Esedra resto incerto:  
sentire gratis il concerto,  
o sedermi, alla romana,  
sull'orlo fresco della fontana?  
Ma è zeppo, l'orlo di cemento:  
ci siedono già persone duecento  
(Rodari, 1952a)<sup>8</sup>.

...

Они в русском переводе Маршака звучат так:

<sup>7</sup> Перевод названия этих стихов следующий: «Старухе-ведьме».

<sup>8</sup> В книжке нет пронумерованных страниц.

Иду по городской панели,  
Бреду без дела и без цели.

На площадь Навона с толпой выхожу -  
На место, веками исхоженное, -  
И здесь, задержавшись немного, гляжу,  
Как римляне лижут мороженое.

Приятно по-римски часок провести,  
Присев на ограду фонтана,  
Но трудно свободное место найти:  
Места заполняются рано (Родари, 1969d: 346).

...

Сравнивая стихи «*Passeggiata domenicale*» Родари со стихотворением «Воскресная прогулка» Маршака, можно заметить, что советский поэт распределяет подлинный текст из шестнадцати стихов в семи строфах. В третьей строфе его перевода исчезает упоминание фонтана на площади Эзедра и с ним также конкретный вопрос: «In Piazza Esedra resto incerto: sentire gratis il concerto, o sedermi, alla romana, sull'orlo fresco della fontana?»<sup>9</sup>. А вместо него Маршак предлагает общую картину людей, гуляющих в воскресенье по Риму, не называя конкретного места: «Приятно по-римски часок провести, / Присев на ограду фонтана»<sup>10</sup>. В целом русский перевод сохраняет рифму, но он является многословным, потеряв точность и лапидарность подлинника.

Родари сам признавал сложность, а иногда и невозможность перевода поэти-

<sup>9</sup> Дословный перевод этих стихов звучит так: «На площади Эзедра не знаю точно, что мне делать: / послушать ли бесплатно концерт / или сесть по-римски / на прохладный бортик фонтана?».

<sup>10</sup> В черновике С. Маршак перевел эти стихи, но впоследствии от них отказался, что подтверждается в собрании сочинений С. Маршака, в примечании к стихотворению «Воскресная прогулка»: «В черновых автографах сохранился перевод строфы (после 6-ой строки), опущенной в окончательной редакции: А дальше выходит дорога моя / На площадь другую - Эзедра. / Бесплатную музыку слушаю я, / Которой нас потчуют щедро» (Маршак, 1969: 646). Площадь Эзедра, которая сегодня называется площадью Республики, находится недалеко от вокзала Термини напротив Терм Диоклетиана.

ческих текстов. На вопрос, возможно ли пересоздать в переводе совершенно эквивалентное подлиннику художественное произведение, Родари отвечал: «Я бы четко отделил прозу, тоже являющуюся искусством, от поэзии. Действительно, перевод произведения в прозе возможен и сохраняет свою ценность даже после последующего перевода, так как ощущение языка рано или поздно меняется. Этим я хочу сказать, что некоторые переводы сохраняют свою, так сказать, второстепенную ценность итальянских текстов. Перевод Гомера Винченцо Монти, например, не воспринимается больше, как перевод Гомера, но продолжает цениться как итальянский текст. То же самое можно сказать и о переводе Энеиды Аннибале Каро. В итоге, есть переводы, которые становятся классическими текстами. Можно еще вспомнить Кальвино, который перевел прекрасный роман Раймона Кено «Голубые цветочки». Это исключительный перевод, который, я думаю, сохранит свою ценность даже в далеком будущем. И еще вспомним Павезе, который перевел Мелвилля. В отношении же поэзии не существует такого перевода, который передал бы смысл оригинала. Я сравниваю переводы с языков, которые я знаю, и, проводя лингвистическую проверку (что иногда у меня получается даже с некоторыми русскими стихами, хотя и не всегда), я понимаю, что в этом смысле поэтический перевод – это нечто совсем иное, потому что поэзия – это такой тип творчества, который рождается из духа языка, из звуков, из слов. В итоге, в поэзии творение является частью механизмов вербальных процессов, творением руководит не мысль, а язык, и звук неотделим от процесса творения. Тогда как в прозе он может быть отделен, и в этом случае возможен перевод, который, может быть, не передаст всю ценность оригинала, но будет по-своему красив». По отношению к поэзии, в частности, Родари настаивал на том, что «невозможно перевести стихи, можно передать лишь их содержание, которое, тем не менее, не имеет

никакого отношения к поэтическому наполнению оригинала». Говоря о своих сочинениях, он очень скромно заключал: «Когда же речь идет о народных или детских стихах, как мои, возможен любой перевод...» (Bernardini, 1979a: 82-83).

Возвращаясь к переводам Маршака, можно сказать, что отступления перевода не всегда обоснованы поиском рифмы. Иногда преобладает его лирическое настроение, как это можно заметить, сравнивая оригинальный текст стихотворения «Чем пахнут ремесла?» с переводом Маршака, который следует ниже:

«Gli odori dei mestieri»  
Io so gli odori dei mestieri:  
di noce moscata sanno i droghieri,  
sa d'olio la tuta dell'operaio,  
di farina sa il fornaio,  
sanno di terra i contadini,  
di vernice gli imbianchini,  
sul camice bianco del dottore  
di medicine c'è buon odore.  
I ricchi non sanno di niente, però  
puzzano un po'  
(Rodari, 1952b)<sup>11</sup>.

«Чем пахнут ремесла?»  
У каждого дела  
Запах особый:  
В булочной пахнет  
Тестом и сдобой.  
Мимо столярной  
Идешь мастерской, –  
Стружкой пахнет  
И свежей доской.  
Пахнет маляр  
Скипидаром и краской.  
Пахнет стекольщик  
Оконной замазкой.  
Куртка шофера  
Пахнет бензином.  
Блуза рабочего –  
Маслом машинным.

<sup>11</sup> Страницы этой книги не пронумерованы. Благодаря исследовательский центр Родари (Centro studi Rodari) за предоставленные копии некоторых редких итальянских и русских изданий стихов итальянского поэта, в том числе и за эту.



Пахнет кондитер  
Орехом мускатным.  
Доктор в халате –  
Лекарством приятным.  
Рыхлой землею,  
Поле и лугом  
Пахнет крестьянин,  
Идущий за плугом.  
Рыбой и морем  
Пахнет рыбац.  
Только безделье  
Не пахнет никак.  
Сколько ни душится  
Лодырь богатый,  
Очень неважно  
Он пахнет, ребята! (Родари, 1969f: 371)<sup>12</sup>.

Маршак в переводе стихотворения «Чем пахнут ремесла?» удлиняет список ремесел, обогащая его таким образом четырьмя фигурами: плотником, стекольщиком, шофером и рыбаком; кроме того, заменяет бакалейщика кондитером. Даже если по сути это не искажает смысла исходного текста, который восхваляет ремесла, тем не менее, это произвольное и необоснованное толкование текста. Другие изменения можно встретить в русском переводе стихотворения «Старый каменщик». Поочередно приведу текст Родари «Il vecchio muratore», а далее перевод Маршака:

«Il vecchio muratore»

No girato mezzo mondo  
con la cazzuola e il filo di piombo,  
ho fabbricato con le mie mani  
cento palazzi di dieci piani:  
tutti in fila li vedo qua  
e mi fanno una grande città.

Ma per me e per la mia vecchia  
non ho che questa catapecchia.

<sup>12</sup> Необходимо отметить, что впоследствии Родари изменил концовку этого стихотворения, удалив ссылку на «богатых», а вместе с тем и контраст между социальными классами, следующим образом: «Но странно, что бездельники совсем невкусные и немного пахнут» (Rodari, 2020: 57).

Sono di legno le pareti,  
le finestre non hanno vetri  
e dal tetto di paglia e di latta  
piove in tutta la baracca.

Dalla città che ho costruito,  
non so perché sono stato bandito.  
Ho lavorato per tutti: perché  
nessuno ha lavorato per me? (Rodari,  
1990b: 13).

«Старый каменщик»  
Этой лопаткой  
И этим отвесом  
Замки я строю  
Принцам, принцессам.  
Строю для всяких  
Бездельников важных  
Множество зданий  
Многоэтажных.

А у меня  
И у старой подруги  
Нет ничего,  
Кроме старой лачуги,  
Окна без стекол,  
Крыша без жести.  
Так и живем  
Со старухой вместе.

Знаю я толк  
И в граните и в мраморе.  
Строю я дачи  
С окнами на море.

Так для других  
До последнего дня  
Буду работать.  
А кто для меня? (Родари, 1969e: 386).

В первой строфе упоминаются без всякой причины «Замки, принцы и принцессы». Кроме этого, в русском переводе появилась совсем новая строфа: «Знаю я толк / И в граните и в мраморе. / Строю я дачи / С окнами на море». Здесь упоминаются такие роскошные материалы, как гранит и мрамор, и еще «дачи с окнами на море» - детали, которых нет в подлиннике.

Все эти добавления придают тексту фантастический и идиллический оттенок, который полностью отсутствует в данном стихотворении, где, наоборот, в итальянском языке преобладает нотка горького реализма. Несмотря на эти отступления от стихов Родари, авторский перевод Маршака без сомнения сохранит свою ценность и в далеком будущем.

Родари горячо любил Россию, которую узнал и научился ценить благодаря своим поездкам в страну Советов, как это следует из детального описания Роберти передвижений итальянского писателя по СССР: он ездил в Москву, Ленинград и Алма-Ату в 1951 году; в период с декабря 1963 по январь 1964 гг. он снова посетил Москву, а потом Симферополь, пионерский лагерь Артек, Ялту и Севастополь в Крыму, Краснодар и Нальчик на Кавказе и, наконец, Ригу в Латвии. О своем втором путешествии в СССР он написал репортаж «Поездка к советским детям», напечатанный в газете «Паэзе Сера» (Paese sera, №№ 63, 65, 68, 70, 72, 76, 77, 79, 84, 87 за 1964 г.), описывающий высокий уровень многочисленных учебных заведений и факультативных кружков для детей, а также развития, большого интереса и востребованности детской литературы в СССР. В то время к нему уже пришла слава в Италии - благодаря сотрудничеству с издательством Эйнауди и с журналом «Коррьере дей пикколи» («Corriere dei piccoli»), где он публикуется с 1961 года.

Последняя поездка Родари в страну Советов - с целью собрать материал о советской системе воспитания и школьного образования - состоялась в 1979 году (29 августа – 28 октября). Итальянский писатель намеревался написать книгу о сходстве и различии детей Востока и Запада для издательства «Прогресс». К сожалению, настигшая его 14 апреля 1980 года смерть не позволила ему завершить эту работу, от которой остались опубликованные посмертно записки под названием «Giochi nell'URSS: appunti di viaggio»

(Torino: Einaudi, 1984)<sup>13</sup>. В этом дневнике последней поездки Родари в Россию, который еще ожидает перевода на русский язык (см.: Roberti, 2020: 186), прослеживаются затруднение и смущение писателя от более близкого знакомства с советским бытом. Кроме восхищения разными услугами и многочисленными бесплатными факультативными занятиями для советских школьников, учитель из Оменьи не преминул отметить и некоторые отнюдь не похвальные стороны советского общества.

В этих записях детский писатель часто уступал место журналисту, который отмечал: «Это трудная книга. Я должен 'спрятаться за березой' лишь для того, чтобы рассказать о детях и подростках, об обществе, которое их не только воспитывает, но и влияет на них психологически, лишает их воображения и критического духа, приучает их к показухе, к напыщенности, к постоянной жизни в своего рода 'потемкинском мире' (актуальная метафора, напоминающая, как князь Потемкин устроил образцовый поселок для встречи императрицы Екатерины). Народ без протеста терпит все в ожидании реакции сверху, верит в великую основополагающую идею и во все начинания для ее претворения в жизнь, и с безграничным терпением выносит разрыв между этими проектами и реальностью, сто маленьких и больших проблем в жизни каждого в отдельности. Уверенность в работе, в каком ни на есть жилье, в какой ни на есть еде оплачивается терпением ко всему, что идет не так, как надо, и что считают и принуждают считать совсем неважными мелочами» (Rodari, 1984: 151-152.). Особенное отношение к России и дружба с детьми из СССР, таким образом, не помешали Родари отметить противоречия и неполадки в родной для этих детей стране.

Книга «Giochi nell'URSS: appunti di viaggio» заслуживает переиздания в Италии, где ее больше невозможно найти в книжных магазинах. Это драгоценное сви-

<sup>13</sup> «Игры в СССР: записки из путешествия».

детельство о целой эпохе, политической и социальной реальности СССР, которых больше нет. Очень интересно посмотреть на советскую Россию глазами Джанни Родари. Например, вот как он описывает город, в котором погиб на дуэли поэт Лермонтов: «27 сентября. Первый день в Пятигорске с римским солнцем, итальянским небом, похожими на наши деревьями. Гуляю, одевшись легко, без пиджака.

В 11 встреча по программе с товарищем из Горькома.

В 15 экскурсия. Пятигорск – это состарившийся Монтекатини<sup>14</sup>, без торговли и развлечений. Вечером пустынно. Очень зеленый, очень тихий. Однако, с населением 140 000 жителей и занимающий обширную площадь. Иногда проходит поющая компания. Таких, как у нас, кафе и баров нет. Много скамеек и много людей в соперничестве за них <...>.

В горах летние пионерские лагеря. Памятник Лермонтову на месте его гибели. Смотрим на гору Бештау, на которую он смотрел четыре часа в агонии без всякой помощи. Похожа на гору Нудо<sup>15</sup> около Лавено<sup>16</sup>. Пока я вспоминаю гору Нудо, мне показывают на более низкую гору справа и говорят, что она называется «гора Железная»: а за Лавено, рядом с горой Нудо есть «скала Железная» (*Casso dель Ферро*). Странные совпадения!» (Rodari, 1984: 100-101)<sup>17</sup>. В записках Родари, таким образом, не только указывается на сходство между детьми Востока и Запада, но есть и много рассуждений, в том числе и

поэтических, о его путешествии сорокадвухлетней давности в несуществующий больше СССР. Сегодня их чтение может стать источником удовольствия и обогащения не только для тех, кто любит этого детского писателя и интересуется его педагогическими исследованиями, но и для тех, кого интересует знакомство с Россией до распада СССР.

*Перевод с итальянского языка  
Джейран Садыховой и  
Антонеллы Кавацца*

### Источники

Родари, Дж., Воскресная прогулка / пер. С.Я. Маршака // Собр. Соч. в 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1969. С. 346.

Родари, Дж. Далекое путешествие / пер. С.Я. Маршака // Собр. Соч. в 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1969. С. 370.

Родари, Дж. Елка на стекле / пер. С.Я. Маршака // Собр. Соч. в 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1969. С. 409.

Родари, Дж. Письмо фее / пер. С.Я. Маршака // Собр. Соч. в 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1969. С. 408.

Родари, Дж. Старый каменщик / пер. С.Я. Маршака // Собр. Соч. в 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1969. С. 386.

Родари, Дж. Чем пахнут ремесла? / пер. С.Я. Маршака // Собр. Соч. в 8 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1969. С. 371.

Rodari, G. Alla Befana // Rodari G. Prime fiabe e filastrocche (1949-1951). Torino: Emme Edizioni, 1990, P. 20.

Rodari, G. Giochi nell'URSS: appunti di viaggio, Torino: Einaudi, 1984. 187 p.

Rodari, G. Gli odori dei mestieri // Rodari G. Il Libro delle filastrocche, a cura di L. Paciscopi, illustrazioni di V. Berti, Firenze: Toscana Nuova, 1952.

Rodari, G. Il vecchio muratore // Rodari G. Prime fiabe e filastrocche (1949-1951), Torino: Emme Edizioni, 1990, C. 13.

Rodari, G. L'albero dei poveri // Rodari G. Prime fiabe e filastrocche (1949-1951). Torino: Emme Edizioni, 1990, P. 19.

Rodari, G. Opere / a cura di Daniela Marcheschi. Milano: Mondadori, 2020. 2032 pp.

Rodari, G. Passeggiata domenicale // Rodari G. Il treno delle filastrocche, illustrazioni

<sup>14</sup> Монтекатини Терме (19 900 жителей), город в провинции Пистойя в Тоскане, где находится известный СПА-центр.

<sup>15</sup> Гора Нудо, высотой 1237 метров, входящая в состав Преальп Лугано. Полностью находится на территории провинции Варезе в Ломбардии.

<sup>16</sup> Лавено-Момбелло, итальянский город с населением 8 623 жителя в провинции Варезе в Ломбардии. Город, расположенный на берегу Лаго-Маджоре, появился в 1927 году вследствие объединения городов Лавено, Момбелло и Черро.

<sup>17</sup> Сассо дель Ферро (Sasso del Ferro), гора высотой 1062 метра над уровнем моря, возвышающаяся над озером Лаго-Маджоре сразу после Лавено.

di F. Capponi, Edizioni di Cultura sociale, Roma, 1952.

Rodari, G. Un lungo viaggio // Rodari G. Il secondo libro delle filastrocche, Torino: Einaudi, 1985. P. 31.

### Литература

Бернардини, Д. Говорит Джанни Родари (интервью с Дж. Родари, в связи с выходом его книги «Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй», М, "Прогресс", 1978) // Иностранная литература. № 6. 1979. С. 273-275.

Маршак, С.Я. Собрание сочинений в 8 томах». Т. 4. М.: Художественная литература, 1969. 646 с.

Маршак, С.Я. Стихи Джанни Родари // Литературная газета. 1952. № 141. 22 ноября.

Argilli, M. Gianni Rodari. Una biografia. Torino: Einaudi, 1990. 161 p.

Bernardini, D. Intervista con Gianni Rodari // Rassegna sovietica. № 5. 1979. Pp. 79-84.

Roberti, A. Cipollino nel paese dei Soviet. La fortuna di Gianni Rodari in URSS (e in Russia). Torino: Lindau, 2020. 244 p.

### Sources

Rodari, G. (1969a), "A long journey" (transl. by Marshak, S.Ya.), *Sobranie sichineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols.], 4, Fiction, Moscow, USSR, 370 (in Russ.).

Rodari, G. (1985), "A long journey", *Il secondo libro delle filastrocche* [The second book of nursery rhymes], Einaudi, Torino, Italy, 31 (in Ital.).

Rodari, G. (1990a), "Alla Befana", *Prime fiabe e filastrocche (1949-1951)* [Early fairy tales and nursery rhymes (1949-1951)], Emme Edizioni, Torino, Torino, Italy, 20 (in Ital.).

Rodari, G. (1969b), "Christmas tree on the glass" (transl. by Marshak, S.Ya.), *Sobranie sichineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols.], 4, Fiction, Moscow, USSR, 409 (in Russ.).

Rodari, G. (1984), *Giochi nell'URSS: appunti di viaggio* [Games in the USSR: travel notes], Einaudi, Torino (in Ital.).

Rodari, G. (1969c), "Letter to the Fairy" (transl. by Marshak, S.Ya.) *Sobranie sichineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols.], 4, Fiction, Moscow, USSR, 408 (in Russ.).

Rodari, G. (1969d), "Sunday walk" (transl. by Marshak, S.Ya.), *Sobranie sichineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols.], 4, Fiction, Moscow, USSR, 346 (in Russ.).

Rodari, G. (1952a), "Sunday walk", *Il treno delle filastrocche* [The nursery rhyme train], Social culture editions, Rome, Italy (in Ital.).

Rodari, G. (1969e), "The old bricklayer" (transl. by Marshak, S.Ya.), *Sobranie sichineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols.], 4, Fiction, Moscow, USSR, 386 (in Russ.).

Rodari, G. (1990b), "The old bricklayer", *Prime fiabe e filastrocche (1949-1951)* [Early fairy tales and nursery rhymes (1949-1951)], Emme Edizioni, Torino, Torino, Italy, 13 (in Ital.).

Rodari, G. (1952b), "The smells of trades", *Il Libro delle filastrocche* [The Book of nursery rhymes], in Paciscopi, L (ed.), Toscana Nuova, Florence (in Ital.).

Rodari, G. (1990c), "The tree of the poor", *Prime fiabe e filastrocche (1949-1951)* [Early fairy tales and nursery rhymes (1949-1951)], Emme Edizioni, Torino, Torino, Italy, 19 (in Ital.).

Rodari, G. (1969f), "What do crafts smell like?" (transl. by Marshak, S.Ya.), *Sobranie sichineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols.], 4, Fiction, Moscow, USSR, 371 (in Russ.).

Rodari, G. (2020), *Works* / edited by Daniela Marcheschi. Milan: Mondadori, 2020. 2032 pp. (in Ital.).

### References

Argilli, M. (1990), *Gianni Rodari. Una biografia*, Einaudi, Torino, Italy (in Ital.).

Bernardini, D. (1979a), "Intervista con Gianni Rodari" [Interview with Gianni Rodari], *Rassegna sovietica* [Soviet review], 5, 79-84 (in Ital.).

Bernardini, D. (1979b), "Says Gianni Rodari (interview with J. Rodari, in connection with the release of his book "Grammatika fantazii. Vvedenie v iskusstvo pridumyvaniya istoriy" [The Grammar of Fantasy. Introduction to the art of inventing stories]), Moscow, "Progress", 1978), *Inostrannaya literatura* [Foreign literature], 6, 273-275 (in Russ.).

Marshak, S.Ya. (1969), *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh*. Tom. 4 [Collected works in 8 volumes], vol. 4, Fiction, Moscow, USSR, 646 (in Russ.).

Marshak, S.Ya. (1952), "The poems of Gianni Rodari", *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 141, November 22 (in Russ.).

Roberti, A. (2020), *Cipollino nel paese dei Soviet. La fortuna di Gianni Rodari in URSS (e in Russia)*, Lindau, Torino, Italy (in Ital.).



*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

*Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

**ОБ АВТОРЕ:**

**Кавацца Антонелла**, доцент славистики, Урбинский университет имени Карло Бо;

Via Aurelio Saffi, 2, 61029 Urbino, PU, Италия (Урбино, Италия); [antonella.cavazza@uniurb.it](mailto:antonella.cavazza@uniurb.it)

**ABOUT THE AUTHOR:**

**Antonella Cavazza**, Department of Communication Sciences, Humanities and International Studies. Cultures, Languages, Literatures, Arts, Media (DISCUI), Carlo Bo University of Urbino; Via Aurelio Saffi, 2, 61029 Urbino, PU, Italy; [antonella.cavazza@uniurb.it](mailto:antonella.cavazza@uniurb.it)

УДК 81'276.3

ОИ: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-9

---

Голева Н. М. | Комплексная тропеическая природа детских умозаключений

---

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,  
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; [goleva@bsu.edu.ru](mailto:goleva@bsu.edu.ru)

**Аннотация.** В статье рассматриваются случаи совмещения тропеических средств в детской речи. Детские высказывания не только интересны с точки зрения фонетических, грамматических особенностей, но и представляют необычайную ценность в системе лексических средств, в плане употребления средств выразительности. Оригинальность детских высказываний в том, что в разговорной речи употребляются неординарные поэтические образы, тропеический симбиоз, цель которого в онтогенезе речи – донести до взрослого, до собеседника-ребенка мысль, объяснить при помощи металогической речи предмет, явление, процесс и пр. Выразительность в детской речи достигается и при помощи стилистических фигур. В качестве гипотезы настоящей работы выдвигается предположение о том, что детская речь выступает как средство лингвокреативного мышления: речь поэтична, имеет выразительный потенциал; в ней переплетаются, контаминируются тропеические средства. Превалирующая тенденция современности – антропоцентрический подход к процессу получения, функционирования знаний о мире – позволяет рассматривать формирование языковой личности в рамках парадигмы изобразительно-выразительных средств языка, позволяет более точно и эффективно анализировать процесс овладения когнитивными представлениями о мире, коммуникативной компетенцией.

**Ключевые слова:** онтогенез речи; тропеические выразительные средства; стилистические фигуры; контаминация; металогическая речь

**Для цитирования:** Голева Н. М. Комплексная тропеическая природа детских умозаключений // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 81-90. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-9

---

N. M. Goleva | Integrated trope nature of children's considerations

---

Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;  
[goleva@bsu.edu.ru](mailto:goleva@bsu.edu.ru)

**Abstract.** The article deals with the cases of combining trope means in children's speech. Children's utterances are interesting not only from the point of view of phonetic, grammatical features, but also are of extraordinary value in the system of lexical means, in terms of the use of means of expression. The originality of children's statements is that extraordinary poetic images are used in colloquial speech, a trope symbiosis, the purpose of which in the ontogenesis of speech is to convey a thought to an adult, to a child's interlocutor, to explain an object, phenomenon, etc. with the

help of metalogical speech. Expressiveness in children's speech is also achieved with the help of stylistic figures. As a hypothesis of the present work is the assumption that children's speech acts as a means of linguocreative thinking: speech is poetic, it has an expressive potential; trope means are intertwined and contaminated in it. The prevailing trend of our time – the anthropocentric approach to the process of obtaining and functioning knowledge about the world – allows us to consider the formation of a language personality within the framework of the paradigm of visual and expressive means of language, allows us to analyze the process of mastering cognitive representations of the world, communicative competence more accurately and effectively.

**Keywords:** ontogeny of speech; trope expressive means; stylistic figures; contamination; metalogical speech

**For citation:** Goleva N. M. (2021), "Integrated trope nature of children's considerations", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 81-90, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-9

Проблема понимания детской речи является вопросом со стажем, поскольку с древних времен взрослый Homo sapiens, как ребенок, не зная языковых законов, не зная мира, в течение первых лет жизни становился полноправным членом социума с достаточно организованными языковыми способностями, которые, по словам А.А. Леонтьева, представляют собой «специфический психофизиологический механизм» (Леонтьев, 1970: 315). В трактовке А.М. Шахнаровича, это «социальное по природе образование, формирующееся под влиянием социальных факторов, главным образом, потребности в общении и реализации коммуникативных интенций в различных ситуациях совместной деятельности людей» (Шахнарович, 1991: 186). Под пристальным вниманием ученых разных специальностей находятся процессы онтогенетического и социогенетического развития речевой деятельности; по словам В.К. Харченко, здесь проявляется «плодотворность теоретического диалога наук» (Харченко, 1987: 23). Психологические исследования детской речи тесно связаны с лингвистическими: психологи выясняют, как речевое развитие влияет на когнитивные процессы в формировании личности ребенка.

Первые работы, характеризующие детскую речь, появились в конце XVIII в. Немецкий ученый Д. Тидеман записывал речь своего сына и опубликовал собственные наблюдения. В конце XIX века во Франции Ипполит Тэн в журнале *Mind* опубликовал статью, в которой представил наблюдения над речью (сначала на уровне крика, гуления, лепета, на уровне отдельных звуков, как правило, вокалических особенностей) своей дочери (Taine, 1876). Изучать развитие детской речи призывали классики российской лингвистики В.А. Богородицкий, И.А. Бодуэн де Куртене, Л.В. Щерба, А.А. Реформатский. Неоценимый вклад в осмысление и изучение этого аспекта языка внесли труды К.И. Чуковского и А.Н. Гвоздева.

Первые исследования, как правило, основывались на собирании фактического материала – велась запись детской речи, но не было теоретических наработок, выводов. Своеобразный «прорыв» был сделан К.И. Чуковским в книге «От двух до пяти», где отражались речевые лексические окказионализмы детей разного возраста. Автор книги не только фиксировал детские речения, но и анализировал языковые модели и правила их построения, поэтический дар ребенка. К.И. Чуковский писал: «Если бы потребовалось наиболее наглядное, внят-

ное для всех доказательство, что каждый малолетний ребенок есть величайший умственный труженик нашей планеты, достаточно было бы приглядеться ... внимательнее к сложной системе тех методов, при помощи которых ему удастся в такое изумительно короткое время овладеть своим родным языком, всеми оттенками его причудливых форм, всеми тонкостями его суффиксов, приставок и флексий» (Чуковский, 1963: 5).

Новая перспективная научная дисциплина – онтолингвистика – сравнительно молодая отрасль знания, которая в России начинает становление во второй половине XX века. В 90-е годы прошлого столетия свою деятельность по изучению феномена детской речи начала Санкт-Петербургская научная школа. В конце XX – начале XXI века учеными Белгородской школы детской речи под руководством В.К. Харченко предприняты успешные попытки систематизации собранного фактического материала. В свет вышли солидные лексикографические издания, какими являются «Парадоксы детской речи» (1995), «Словарь детской речи» (1994), «Словарь современного детского языка» в двух томах (2002, 2003), «Корпус детских высказываний» (2012).

В последние десятилетия всесторонне изучаются детские новообразования, которые представляют интерес как на лексическом уровне, так и на других языковых уровнях; объясняются причины таких инноваций. Исследователь детской речи С.Н. Цейтлин подчеркивает, что «анализ детских инноваций помогает пролить свет на разного рода сложные отношения между системой и нормой в современном языке и имеет большое значение для теоретической лингвистики» (Цейтлин, 2000: 13).

Специфика детской речи заключается в том, что языковая система ребенка еще не сложилась полностью, словарный запас недостаточно богат, ребенок не видит сложной связи всех элементов и сторон языковой системы, значения многих языковых единиц ему непонятны. Вместе с

постепенным осознанием мира дети творчески изучают язык, его компоненты, закономерности, дети активны в своем освоении языка. «Ребенок нащупывает отдельные языковые закономерности, но в его собственной речи они не всегда действуют правильно, то есть в соответствии с нормами литературного языка» (Радзиховская, 1969: 74). Эти неровности в детской речи чрезвычайно важны для исследователя: они выявляют закономерности языка, при которых возможна та или иная речевая ошибка (см.: Голева, 1997: 5). «Речь окружающих для ребенка – это лишь “беспорядочный, случайный образец” “a completely random haphazard sample”, который представляет собой не более как сырье для проверки и испытывания на нем заложенной в ребенке “лингвистической компетенции”» (Тер-Минасова, 1969: 109-110). «Ребенок сам творчески создает свой язык в соответствии с внутренними и врожденными способностями, сам создает все новые теории структуры языка, модифицируя и отбрасывая старые теории по мере своего движения вперед» (Слобин, Грин, 1976: 85).

В речи взрослых встречаются сложные структуры, которые ребенок не может запомнить и повторить. Поэтому утверждение, что многие детские образы заимствованы из речи взрослых, является, по нашему мнению, несостоятельным: если ребенок сам не может построить такую сложную конструкцию, значит, он не может ее и воспроизвести. «Дети интуитивно улавливают закономерности языковой системы и используют их более последовательно, чем это имеет место в узаконенной норме языковой практики взрослых» (Лепская, 1997: 88).

Онтолингвистические исследования последних лет посвящены также изучению такого феномена, как средства выразительности в детских высказываниях. Так, в конце XX столетия рассматривались особенности олицетворения (Чеботарёва, 1996), сравнение, его формы и функции (Голева, 1997), сложные слова как оккази-



ональное средство изобразительности (Озерова, 1998).

Актуальность настоящего исследования несомненна: детская речь – это важный аспект языка, анализирующий детскую речевую продукцию; изучение конструкций с несколькими выразительными средствами позволяет охарактеризовать у детей уровень языкового развития, уровень эстетического отношения к слову. Именно поэтому детское выразительное, неповторимое слово привлекает внимание лингвистов, психологов, педагогов, так как такое слово позволяет выявить закономерности в развитии языка и закладывает своеобразный фундамент в процесс постижения языка.

Как отмечал А.М. Шахнарович, «исследования детской речи могут <...> расширить наши представления не только об овладении языком, но и о самом языке, расширить наши знания о человеке вообще» (Шахнарович, 1979: 5-6).

Коммуникативный опыт юного носителя языка дает возможность понять лингвистические законы, особенности знакомства с реалиями окружающего мира, характеристику бытовой речи, процессы становления и развития когний. Поэтому современная лингвистика должна всестороннее исследовать детскую речь.

Обозначим условные границы детского возраста: начало активной речевой деятельности (3 года) – пубертатный период (12 лет).

Высказывания в онтогенезе речи сопровождаются обилием образных средств, часто наслаивающихся одно на другое. Контаминация изобразительно-выразительных средств в детской речи является, можно сказать, обязательным условием: ребенок, формулируя свои мысли, делает описание более пространным, объемным, развернутым, для того чтобы понятнее и доступнее донести эти мысли.

Поэтичность, образность детских предложений безусловна. Яркие, экспрессивные, разнообразные семантически и струк-

турно, неповторимые образы встречаются практически в каждом высказывании.

В картотеке, насчитывающей более тысячи контекстов детских высказываний (из них половина приходится на конец XX века, столько же – на начало XXI века и по настоящее время), обнаружены случаи совпадения детских образов с образами из литературных произведений. В 1997 году такое сходство нами выявлено с образами в творчестве А.А. Вознесенского: «*Сирень прощается, сирень – как лыжница, сирень как пудель, мне в щёки лижется!*» (Сирень «Москва – Варшава»).

Ср. в детской речи: «– *Ромашки и другая травка лижут меня, как наш Джоня (пудель)*» (7 лет 5 мес.). Проиллюстрируем нашу гипотезу о поэтичности образов в детской речи другими примерами:

«*Воробышки игривые, как детки сиротливые, Прижались у окна*» (Есенин С.А.).

Ср. в детской речи: «– *Вот он, маленький, замёрз. Как сиротинушка прижался к дереву. Маму ищет. Надо покормить его*» (11 лет) – девочка объясняет младшему брату, что зимой птицы нуждаются в помощи.

Можно предположить, что образ сравнения в речи ребенка объясняется реминисценцией из поэтического текста, так как в одиннадцатилетнем возрасте этот образ – как *детки сиротливые* – ребятам знаком. Надо заметить, что ребенок трансформирует этот образ в своей речи, употребляя диминутивную форму (помета «уменьшительно-ласкательное»). Кроме того, «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой, Викисловарь фиксируют эту лексему с пометой «народно-поэтическое», указывающей также на стилистическую окраску слова.

Фольклорные реминисценции-эпитеты достаточно частотны в речевом онтогенезе. Употребляются образные определения, которые способны акценти-

ровать внимание на каком-то характерном для предмета качестве. Чаще всего эпитеты располагаются рядом с существительными, обозначающими природные явления, внешность человека, зооморфные номинации: *конь ретивый, дремучий лес, зелёный шум, мальчик с пальчик, ясные небеса, белы рученьки, красны девицы*. Подростки употребляют традиционные эпитеты в юмористической, комической или сатирической ситуации: например, за плохое поведение девочек вызвали к директору в кабинет: «— *И повели наших красных девиц под белы рученьки к отцу мудрейшему, к батюшке нашему славному*» (12 лет — девочка).

Цветовая палитра эпитетов разнообразна. У девочек превалирует, как правило, розовый и красный цвет, а у мальчиков — синий, зеленый и даже черный. Вне гендерной принадлежности актуальным является желтый цвет и его оттенки, а также белый, символизирующий чистоту, первозданность, свежесть.

«— *Вот и явился любимый сыночек ваш — красное солнышко*» (8 лет 7 мес. — девочка); «— *Какой розовый рассвет (ср.: розовый закат!) сегодня был!*» (11 лет — девочка). Мальчик увлекается динозаврами: «— *Вот диплодок, а вокруг него другие динозавры. Как чёрные змеи. Значит, они хищники*» (4 года 11 мес.).

Наряду с фольклорными эпитетами дети употребляют узуальные образные определения: «— *У моей розовой доченьки розовые глазоньки, потому радостная она, вся светится*» (о кукле, вокруг которой разложила розы; 7 лет — девочка).

Желтый цвет представлен лексемами-эпитетами *золотой, золотистый, жёлтенький, желточный*, а также окказиональной лексемой *золотоватый*: «— *Золотистые волосы, как будто золотом посыпаны, только мелким, пылью золотой*» (10 лет 3 мес. — девочка). «— *Золотые руки — это дорогие руки, как золото*» (около 7 лет — мальчик). Вспоминает «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях» А.С. Пушкина: «— *Старуха, чер-*

*навка, по-моему, дала царевне яблоко, золотоватое оно было, что ли*» (7 лет 7 мес. — девочка).

Встречаются и образы, которые не назовешь реминисцентными. Например:  
*Без конца поля  
Развернулись,  
Небеса в воде  
Опрокинулись*  
(И.С. Никитин).

Ср. в детской речи: после дождя мальчик бегает по лужам: «— *Смотри, все деревья в луже прячутся! А вот и облака, перевёрнутые над деревьями! И крыши домов тут утонули! Вот это лужа! Сколько всех вместила! А сама маленькая*» (5 лет 1 мес.).

Параллели выразительных образов нами зафиксированы не только в поэтической, но и в прозаической речи. У М. Пришвина читаем: «*Рожь наливает. Жара. По вечерам солнце косыми лучами ложится на рожь. Тогда каждая полоска ржи, как перина.... В лучах заходящего солнца теперь каждая полоска-перина так пышна, так привлекательна, что самому на каждую хочется лечь и поспать*» (М.М. Пришвин. Рожь наливает).

Ср. в детской речи: «— *Почему говорят: яблоки наливаются. А почему нельзя сказать, что морковка наливается. Она же тоже становится спелой*» (11 лет 5 мес.).

«— *А зачем дедушка под яблоней положил солому? Это что? Как будто перина для яблок такая. Кровать, в общем. Чтобы мягко падать было?*» (11 лет 5 мес.).

Представлены эти два образа в разных высказываниях в течение одного дня у одного респондента. Несмотря на то что современные дети практически не знают лексему *перина*, она является уже устаревшей, образ сравнения *как будто перина* встречается у детей достаточно часто, но при разных признаках (модулях) сравнения. Признак находится между предметом и образом сравнения и выполняет как бы роль посредника между ними, указывая на

обнаруженную общность этих составляющих компаративного оборота. Сравнение с периной может проявляться:

- на основе мягкости («У бабушки руки мягкие, как перина»);
- на основе пышности («Снег пышный, на перину похож»);
- на основе высоты («Какой сугроб высокий, как будто перина торчит»);
- на основе эстетического наслаждения («Облака плывут красивые, периной распластались»);
- на основе богатства, роскоши («Сидит на стуле, а представляет себя как на перине... под которой горошина лежит»).

В конце XX века (1994 год) мы отметили конструкции, в которых признак сравнения не выражался лексически, но при этом просвечивалось «сходство по осязательным ощущениям, то есть формальным показателем должна быть лексема *мягкий*: *О пирогах. – Они как перина* (5 л. 4 мес.); *– У него (собаки) нос как пушок у одуванчика* (5 л.)» (Голева, 1997: 137). В первом десятилетии XXI века (2009 год) нами зафиксированы высказывания, в которых также не выражен признак сравнения, но он подразумевается, и в данном случае в основу сопоставления положена лексема *лёгкий* (*невесомый, воздушный*): «– *Облака как перина*» (4 года 2 мес.); «– *Ветер чуть-чуть дотронулся до меня. Как перина!*» (4 года 2 мес.).

Изобразительно-выразительные средства в детских умозаключениях отличаются семантическим и структурным разнообразием, особой экспрессией, новизной, неповторимостью. Совмещение таких средств порождает оригинальные, «свежие» образы. Например, сравним образы с девятнадцатилетним интервалом: 1995 год: «– *Что ты глаза вытаращил* (хорошо видны белки глаз), *как манная каша они у тебя. Размазанные* (5 лет 9 мес.)» (Голева 1997: 116). И 2014 год (на прогулке обращается к удивленному мальчику): «– *Ого! Глаза распахнул. Один белый цвет остался, как будто ящ обьелся: весь белок в глаза поместил!*» (7 лет 7 мес.).

Рассмотрим комплексную тропеическую природу детских умозаключений, то есть такие конструкции, в которых встречаются два и более средства выразительности. Превалирующим средством выразительности в детской речи, по нашим наблюдениям, являются конструкции с семантикой сравнения. «Познание окружающего мира – процесс сложный и многогранный. В основе его лежит сопоставление, которое заключается в нахождении не только общих черт, но и в соотношении отличительных признаков. Важную роль в этом играет ментальная категория – сравнение» (Голева, Воронкова, 2016: 137). Поэтому комплексную природу образных средств мы будем рассматривать в соответствии со схемой «сравнение + другое средство». Мы выделили девять групп таких совмещений, к ним причислим четыре группы, соответствующие другим схемам. Итак, одни из них бинарные:

1. Сравнение + олицетворение. Компаративы в речи детей инновационные, индивидуальные; паттерны (шаблоны, выражения-штампы) в ней отсутствуют, так как пытливый детский ум, острая наблюдательность способствуют появлению оригинальных разноструктурных и разноплановых в семантическом отношении сравнительных конструкций, которые могут совмещаться с не менее частотным тропеическим средством, каким является олицетворение. Постигание мира сопровождается персонификацией, наделением животных человеческими качествами. Например, на море, восхищенно: «– *Вот! Ура! Дельфин вынырнул, смотрит на нас, как будто познакомиться хочет*» (6 лет 7 мес.).

2. Сравнение + метафора. Эти тропы мы рассматриваем как самостоятельные единицы выразительности: они имеют разную структуру, не всегда возможна обоюдная трансформация (сравнения в метафору и наоборот): «– *Зима буранная, холодная, как будто воеет всё вокруг от ветра*» (8 лет 3 мес.).

3. Сравнение + эпитет: «– *Хочу пышное платье, как весёлые усы у кучера*» (5 лет 10 мес.). В представленном предложении можно усмотреть еще одно средство выразительности – олицетворение: *весёлые усы*, то есть тропы – эпитет и олицетворение – совмещаются в одном слове.

4. Сравнение + метонимия. «– *Наш садик паровозиком в кукольный театр ходил: сначала маленькие, а потом старшие шли. Старшие – это мы, 7 группа*» (5 лет 2 мес.). Комплексная конструкция представлена выразительной формой творительного сравнения и метонимическим переносом на основе связи между учреждением и воспитанниками учреждения.

5. Сравнение + мейозис/гипербола. Мейозис (литота) и гипербола «отклоняются» от реального количества, размера, качества, поэтому в детской речи совмещаются с самодостаточными тропами. Контаминированные конструкции оригинальны, выразительны, подчеркивают индивидуальность героя: пела на занятии тихо, получила замечание: «– *И ладно. В следующий раз вообще шептать буду, как комарик без голоса пищать шёпотом буду или Дюймовочкой стану, чтоб меня не заметила А.И.*» (7 лет). «– *Первоклашки, как мамонты, носились, всё рушили на пути*» (8 лет 2 мес.).

6. Сравнение + сравнение, так называемое сравнение в сравнении. В таких конструкциях встречаются разные формы выражения идеи сопоставления: «– *Что ж ты такой агрессивный, будто ёжиком стал, точно такой же колючий*» (11 лет 7 мес.). Мотивируя значение лексемы *агрессивный*, ребенок употребляет в предложении две союзные компаративные конструкции, в одной из них присутствует и форма творительного сравнения. Для детализации, конкретизации своих умозаключений дети используют такие конструкции, в которых отмечается «нанизывание» сравнений: доминантная компаративная единица объединяет вокруг себя частные, объясняющие единицы. Например: «– *Наш учитель по истории про Тамерлана рас-*

*сказывал, а сам он и есть как Тамерлан: на Чингисхана внешне смахивает, у всех отобрал шпиргалки, как завоеватель по классу ходил. Да и вообще, его зовут-то Тимур, а имя это означает то железо, то счастливый. Вот я думаю, что он как будто счастливое железо...* (смеется). *Твёрдый, крепкий, всё у него получается*» (12 лет 5 мес.).

Нами зафиксированы и более сложные объединения:

7. Сравнение + олицетворение + олицетворение + гиперболический эпитет: «– *Маковая* (потому что в черную точку = как мак) *божья коровка глаза расширила и спрашивает нас: “Бессердечные люди человеческие, вы мои котлетки съели?”*» (аллюзия из детского фольклора: «Божья коровка, полети на небо, Там твои детки кушают котлетки...») (11 лет 8 мес.). В данной конструкции сравнение выражено прилагательным, которое трансформируется в сравнительный оборот.

8. Литота + сравнение + гипербола + сравнение: «– *Пришёл Назарушка сегодня с таким малюхоньким зонтиком, как кнопка над головой торчит, а дождь льёт вокруг, как будто лужи с неба падают. Весь мокрый он был*» (9 лет 2 мес.). Конструкция интересна тем, что литота и гипербола проявляются, материализуются в составе сравнительных оборотов.

9. Серии средств выразительности концентрируются в конструкциях с параболическими, или спадающими сравнениями (вторая часть высказывания начинается словом ТАК): «– *Работы у людей всякие бывают: кто-то доволен работой, у кого-то она трудная – быком на ней пахать надо; у кого-то и пальцем шевелить не надо. Так и в школе бывает: сидишь на матёше (на математике) – мозг кипит, а на физре бесшабашные носимся, а на литературе сидим лиричные такие, с писателями беседуем*» (11 лет 9 мес.). В детском высказывании сосредоточены сравнения, метафоры, эпитеты, полисиндетон, гипербола.



Встречаются неординарные комплексы тропических средств и стилистических фигур.

10. Полисиндетон + эпитеты, например, девочка любит порхающей бабочкой: «— *Ах, какая же она и цветочная, и красивая, и ласковая*» (5 лет). Повторяющийся сочинительный союз усиливает образ, эпитеты характеризуют предмет с разных сторон.

11. Парцелляция + метафора + сравнение: «— *Кот. Ползёт. Ме-е-едленно. Из глаз искры фейерверят. Как червяк изгибается*» (6 лет 8 мес.). В высказывании к металогической речи примыкает словотворчество.

12. Оксюморон + олицетворение: «— *Говори громче, а то ор у тебя такой тихий, даже уши устали прислушиваться*» (10 лет 1 мес.).

13. Несомненный интерес вызывают окказиональные лексемы в функции тропического средства. В детской речи частотны креативные сложные слова: «Окказиональные детские композиты, выполняя эстетическую функцию в составе обычного высказывания, употребляются в качестве какого-либо тропа, преимущественно эпитета. Обращает на себя внимание соединение в эпитете различных “сенсорных предикатов” (термин Дж. Миллс и Р. Кроули): ласково-черный бархат (4,11)» (Озерова, 1997: 23). Ср. высказывание 2021 года: «— *Наконец-то наступила ласково-майская погода!*» (около 7 лет).

Мы выделили конструкции, в которых часто главным семантическим звеном является сравнение. Такие конструкции превалируют над другими комплексными структурами, поэтичными, выразительными: метафора + метафора (*танец комаров трепещет в облаках*), эпитет + метафора (*счастливая улыбка солнца*), эпитет + синекдоха (*лукавый глаз учителя*), метонимия + олицетворение (*по улице шагает бабушкин берет*): мальчики скептически относятся к беретам, связанным бабушкой для внучки, поэтому с сарказмом комментируют каждое появление однокласс-

ницы на улице; олицетворяющий эпитет + олицетворение (*развесёлый одуванчик улыбнулся и отряхнулся*): прилагательное *развесёлый* совмещает два тропа: эпитет и олицетворение; гипербола + эпитет (*океан волшебных мыслей*) и др.

Детская наблюдательность порождает сентенции, богатые средствами позитивной образности, эмоционально-экспрессивные, живописующие, отличные от простых, безобразных высказываний взрослых. Проследим, как ярко, «сочно» описывают юные носители языка ситуацию и как интериоризация речи взрослых «обезличивает», «обесцвечивает» описание этой же ситуации: «— *О! Распустились нарциссы!*» (44 года). Ср.: «— *Смотрю, нарциссы расцвели, вытаращились, стоят такие лупатенькие! Все друг к дружке подбоченились — от холода греются*» (11 лет 7 мес.). В детской речи пространное описание, в котором контаминируются три метафоры, эпитет, три олицетворения.

Таким образом, даже обычная бытовая детская речь поэтична, в ней совмещаются различные средства изобразительности и выразительности. Как правило, образы в онтогенезе речи имеют окказиональный характер, поэтому нельзя оставлять без внимания эти лексические шедевры: поэтическое, высокое слово в настоящее время встречается редко в речи взрослых носителей языка. Изучать феномен поэтического слова — значит изучать мышление и воображение ребенка.

### Литература

Голева, Н.М. Сравнение в детской речи (конец XX века): Дис. ... канд. филол. наук. Белгород: БелГУ, 1997. 184 с.

Голева, Н.М., Воронкова, Л.С. Формы компаративных конструкций в русском и английском языках // Professional science. Los Gatos, CA, USA. 2016. № 1. С. 137-141.

Леонтьев, А.А. Психофизиологические механизмы речи // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. 597 с.

Лепская, Н.И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М., 1997. 152 с.

Озерова, Е.Г. Сложные слова в детской речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород: БелГУ, 1998. 26 с.

Радзиховская, В.К. Об изучении детской речи // Дошкольное воспитание. 1969. № 8. С. 73-77.

Слобин, Д., Грин, Дж. Психолингвистика / под общ. ред. и с предисловием д.ф.н. А.А. Леонтьева. Москва: Просвещение, 1976. 350 с.

Тер-Минасова, С.Г. К проблеме детской речи // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 107-112.

Харченко, В.К. Семантика слова в детской речи: проблемы и наблюдения // Детская речь как предмет лингвистического изучения. Л.: ЛГПИ, 1987. С. 23-34.

Харченко, В.К., Голева, Н.М., Чеботарёва, И.М. Парадоксы детской речи. Опыт словаря. Белгород: Белгор. гос. пед. ун-т, 1995. 148 с.

Цейтлин, С.Н. Язык и ребёнок: Лингвистика детской речи. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 240 с.

Чеботарёва, И.М. Олицетворение в детской речи: Дис. ... канд. филол. наук. Белгород: БелГУ, 1996. 199 с.

Чуковский, К.И. От двух до пяти. Москва: Детгиз, 1963. 199 с.

Шахнарович, А.М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 185-220.

Шахнарович, А.М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин, Ю.А., Тарасов, Е.Ф., Шахнарович, А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М.: Наука, 1979. С. 5-6.

Taine, H. On the acquisition of language by children // *Mind*. 1876. No 2. P. 285-294.

## References

Chebotaryova, I. M. (1996), "Impersonation in children's speech", Ph.D. Thesis, Belgorod State University, Belgorod, Russia (in Russ.).

Chukovskiy, K. I. (1963), *Ot dvukh do pyati* [From two to five], Detgiz, Moscow, Russia (in Russ.).

Goleva, N. M. (1997), "Comparisons in children's speech (late 20<sup>th</sup> century)" Ph.D. Thesis, Belgorod State University, Belgorod, Russia (in Russ.).

Goleva, N. M. and Voronkova, L. S. (2016), "Forms of comparative constructions in Russian and English", *Professional science*. Los Gatos, CA, USA, no 1, 137-141 (in Russ.).

Harchenko, V. K. (1987), "Semantics of words in children's speech: problems and observations", *Detskaya rech' kak predmet lingvisticheskogo izucheniya* [Children's speech as a subject of linguistic study], Leningradsky State Pedagogical Institute, Leningrad, Russia, 23-34 (in Russ.).

Harchenko, V. K., Goleva, N. M. and Chebotareva, I. M. (1995), *Paradoksy detskoj rechi. Opyt slovarya* [Paradoxes of children's speech. Experience of the dictionary], Belgorod State Pedagogical University, Belgorod, Russia (in Russ.).

Leont'ev, A. A. (1970), "Psychophysiological mechanisms of speech", *Obshchee yazykoznanie: formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka* [General linguistics: forms of existence, functions, history of language], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Lepskaya, N. I. (1997), *Yazyk rebenka (Ontogenez rechevoy kommunikatsii)* [Child's language (Ontogenesis of speech communication)], Moscow, Russia (in Russ.).

Ozerova, E. G. (1998), "Compound words in children's speech", Abstract of PhD thesis in Philology, Belgorod State University, Belgorod, Russia (in Russ.).

Radzihovskaya, V. K. (1969), "About the study of children's speech", *Doshkol'noe vospitanie* [Preschool education], 8, 73-77 (in Russ.).

Shakhnarovich, A. M. (1979), *Psikholingvisticheskie problemy ovladeniya obshcheniem v ontogeneze* [Psycholinguistic problems of mastering communication in ontogenesis], in Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F., Shakhnarovich, A. M. *Teoreticheskie i prikladnye problemy rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied problems of speech communication], Nauka, Moscow, Russia, 5-6 (in Russ.).

Shakhnarovich, A. M. (1991), "To the problem of language ability (mechanism)", *Chelovecheskiy faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi* [The human factor in language: language and the generation of speech], Nauka, Moscow, Russia, 185-220 (in Russ.).

Slobin, D. and Green, J. (1976), *Psikholingvistika* [Psycholinguistics], in doctor of Philology Leont'ev, A. A. (ed.), Prosveshchenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Taine, H. (1876), "On the acquisition of language by children", *Mind*, 2, 285-294.

Ter-Minasova, S. G. (1969), "To the problem of children's speech", *Voprosy yazykoznaviya* [Questions of linguistics], 4, 107-112 (in Russ.).

Tseytlin, S. N. (2000), *Yazyk i rebyonok: Lingvistika detskoy rechi* [Linguistics of children's speech: Textbook for students. higher. schools, institutions], Humanitarian Publishing Center VLADOS, Moscow, Russia (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.*

*Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

#### **ОБ АВТОРЕ:**

**Голева Наталья Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; [goleva@bsu.edu.ru](mailto:goleva@bsu.edu.ru)

#### **ABOUT THE AUTHOR:**

**Natalya M. Goleva**, Candidate of Philological Science, Associate Professor, Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; [goleva@bsu.edu.ru](mailto:goleva@bsu.edu.ru)

УДК 008

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-10

Беляева У. П.

**Видеоигры как технокультурный феномен: история становления и социокультурная значимость\***<sup>1</sup>

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; [Ulyana-sin@yandex.ru](mailto:Ulyana-sin@yandex.ru)

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме становления видеоигр как культурного феномена. Возникнув первоначально как побочный технологический, во многом экспериментальный продукт, видеоигры сегодня являются значимой частью массовой культуры. На протяжении истории своего развития видеоигры демонстрируют заметную динамику обживания различных культурных сфер. Тем не менее, в массовом сознании, а зачастую и в научно-исследовательском сообществе, сохраняется стереотипное и во многом дилетантское отношение к видеоиграм, что выводит их из дискурса профессиональной аналитики.

Сложный технокультурный характер исследуемого в статье объекта требует использования широкого спектра методологических приемов. Теоретический каркас работы построен с использованием культурно-исторического и диалектического методов, а также элементов системного и структурно-функционального подходов.

В статье производится аналитика истории видеоигр как генезиса оригинального культурно-когерентного явления, находящегося в активном диалоге со сферами технокультуры, экономики, права, искусства, социогуманитарной науки и массовой культуры. Делается вывод о значимости видеоигр как социокультурного феномена, ставшего к настоящему времени видом цифрового искусства и спорта, способствовавшего появлению новых форм социальной организации и коммуникации, множеству форм околоигровых субкультурных явлений, практик геймификации и специализированных научно-исследовательских программ.

**Ключевые слова:** видеоигры; технокультура; геймплей; история видеоигр; культурная экспликация видеоигр; экранная культура; массовая культура

**Для цитирования:** Беляева У. П. Видеоигры как технокультурный феномен: история становления и социокультурная значимость // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 91-104. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-10

\* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31602.

\*Funding: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31602.



U. P. Belyaeva

**Video games as a technical and cultural phenomenon:  
the history of formation and sociocultural importance\***

Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St., Lipetsk,  
398020, Russia; *Ulyana-sin@yandex.ru*

**Abstract.** The article is devoted to the problem of the formation of video games as a cultural phenomenon. Originally emerging as a technological by-product, largely experimental, video games are now a significant part of popular culture. Throughout the history of its development, video games have shown a noticeable dynamics of settling in various cultural spheres. Nevertheless, in the mass consciousness, and often in the research community, a stereotypical and largely amateurish attitude towards video games persists, which removes them from the discourse of professional analytics.

The complex technocultural nature of the object investigated in the article requires the use of a wide range of methodological techniques. The theoretical framework of the work is built using cultural-historical and dialectical methods, as well as elements of the systemic and structural-functional approaches.

The article analyzes the history of video games as the genesis of the original culturally coherent phenomenon, which is in active dialogue with the spheres of technoculture, economics, law, art, socio-humanitarian science and mass culture. The conclusion is drawn about the importance of video games as a socio-cultural phenomenon, which by now has become a form of digital art and sports, which have contributed to the emergence of new forms of social organization and communication, many forms of near-game subcultural phenomena, gamification practices and specialized research programs.

**Keywords:** video games; technoculture; gameplay; video game history; cultural explication of video games; screen culture; popular culture

**For citation:** Belyaeva U. P. (2021), "Video games as a technical and cultural phenomenon: the history of formation and sociocultural importance", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 91-104, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-10.

С конца XX века начинается активное проникновение в культуру и повседневную жизнь человека компьютерно-цифровых технологий, которые существенно меняют внешний вид многих традиционных культурных форм и практик. Именно в это время возникает феномен видеоигр как разновидности виртуально-цифровой экранной культуры. На заре своего становления игры носили развлекательный характер, однако со временем им было суждено перерасти этот формат и заявить о себе как о более многогранном яв-

лении. Можно смело говорить, что в современном мире они способствуют генерации новых социокультурных практик и расширению границ антропологической идентичности, становятся пространством экспликации нового понимания творчества, жизни, свободы, художественно-эстетических ценностей, политических и этических смыслов.

Само развитие видеоигр стоит рассматривать не как сухую хронологическую выжимку основных вех в их истории, а как процесс, имеющий глубокие культурные

корни и являющийся важным социокультурным явлением.

Историю видеоигр можно условно поделить на три периода, охватывающих временной промежуток со второй половины XX века и по настоящий момент. Каждый этап становления видеоигр соотносится с социокультурным контекстом времени.

В период с 1958 по 1983 гг. появились первые видеоигры и начали складываться контуры видеоигровой культуры. Одними из первых видеоигр стали *Tennis for Two*, созданная физиком-атомщиком У. Хигинботамом в 1958 году и *Spacewar!*, созданная в Массачусетском технологическом институте в 1961 г. группой программистов во главе со С. Расселлом. Обе игры возникли во многом как побочные технологические продукты, так и не выйдя за границы узкоспециализированной социальной среды. Примечательно, что в обе эти первые игры можно было играть исключительно вдвоем с другим человеком, то есть условный компьютер не обладал игровой субъектностью.

Собственно, история видеоигр как уже заметного культурного феномена начинается в 1972 г., когда американский инженер и предприниматель Н. Бушнелл основал компанию Atari, специализирующуюся на производстве и издании видеоигр. Первой коммерческой видеоигрой, получившей широкую известность, стал *Pong*, созданный инженером Atari А. Алькорном по изначальной идее Бушнелла.

Геймплейным прародителем *Pong* можно отчасти считать *Tennis for Two*. *Pong* – это условный теннис, в котором игроки управляют двумя ракетками, изображаемыми в виде белых прямоугольников, вертикально перемещающихся по левой и правой сторонам экрана. Их цель – отбить условный мяч, представленный светящейся точкой и перемещающийся по игровому экранному пространству.

Видеоигра *Pong* изначально распространялась как автономный игровой автомат, который размещался в местах массо-

вого досуга людей, чаще всего в торговых центрах, кинотеатрах, кафе и барах. В историю они вошли под названием «аркадный игровой автомат». Термин «аркада» (“arcade”) обозначает крытую галерею в торговых центрах, где, собственно, и размещали игровые автоматы. Каждая игровая сессия оплачивалась монетами. Эти игровые автоматы стремительно обрели популярность, что продемонстрировало коммерческие перспективы развития рынка видеоигр.

Примечательно, что в 1974-1975 гг. в Atari работали будущие сооснователи Apple С. Джобс и С. Возняк, занимаясь оптимизацией схемотехники для аркадных автоматов и разработкой гейм-дизайна видеоигр *Breakout*, базирующейся на принципах *Pong*, но уже позволяющей играть в нее одному человеку. Более того, программный дизайн компьютера Apple II, вышедшего в 1977 г., разрабатывался исходя из возможности запуска на нем игры *Breakout*. Соответственно, уже на начальном этапе становления компьютерной индустрии заметно вплетение в нее видеоигрового сегмента.

Помимо США с конца 70-х гг. видеоигровые разработки начинают активно вестись в Японии. Так, японский программист Томохиро Нишикадо, вдохновясь *Breakout*, в 1978 г. создает видеоигру *Space Invaders*, которая также распространялась в аркадных автоматах и имела в Японии огромный успех. Стоит отметить и без преувеличения культовую игру из первого поколения видеоигр – *Rac-Man*, разработанную в 1980 г. японской компанией Namco. В ней игрок управлял Пакманом, который должен был, передвигаясь по двумерному лабиринту, съесть все разбросанные точки и одновременно избежать встречи с призраками. Впервые именно вокруг этой видеоигры стала складываться целая поп-культура: снят анимационный фильм, выпущена серия комиксов и игрушек.

Важно, что первые видеоигры распространялись в виде аркадных автоматов,

особый форм-фактор которых и сформировал изначальную видеоигровую культуру – видеоигры инкорпорировались в систему публичной досуговой деятельности, а для самих игровых сессий были характерны сравнительная краткость и платность. Вообще в США и Японии аркадные автоматы стали заметным элементом повседневно-досуговой культуры, сохраняя свою актуальность вплоть до конца 90-х гг. XX столетия.

Однако уже в 1972 г. видеоигры обретают новый формат распространения в виде домашних игровых приставок (или «консолей» от англ. “console”), подключаемых к телевизору и способных выводить на его экран игровой контент. Первой в мире игровой приставкой стала Magnavox Odyssey, в которую изначально была встроена одна игра – Tennis, концептуально схожая с Pong. В 1975 г. Atari также выпустила Pong в форм-факторе игровой приставки с одноименным названием. Совокупные продажи Magnavox Odyssey и Pong за период с 1972 по 1977 гг. составили около 450 тысяч экземпляров, что позволило заложить финансовые основы для развития видеоигровой индустрии, а также наметить контуры культурного конституирования видеоигр. Именно с этого времени начинает формироваться социально ориентированное понимание видеоигр как «товара, предназначенного для массового потребления, призванного развлекать и заполнять время частного досуга, являясь, таким образом, звеном в индустрии развлечений» (Фуртай, 2009: 112).

В 1977 г. Atari выпустила новую, технически более совершенную игровую приставку Atari 2600, предполагавшую разделение на аппаратную игровую платформу, которой выступала сама приставка, и игры, выпускавшиеся на отдельных носителях – картриджах. Соответственно, консоль становилась универсальным техническим устройством, позволявшим запускать на нем множество аппаратно и программно совместимых игр. При этом сама Atari не контролировала выпуск всех

игр на свою приставку, что позволило появиться большому числу сторонних компаний, использовавших Atari 2600 как аппаратную платформу для запуска собственных игр (Boellstorff, Soderman, 2019: 692-694).

С одной стороны, все это способствовало увеличению видеоигровой индустрии, но с другой – привело к ее серьезному кризису. Кризис был спровоцирован прежде всего чрезмерной ориентацией на коммерческую прибыль, что привело к сокращению сроков создания новых игр, следовательно, и понижению их качества.

Знаковым в этом контексте стало появление видеоигры E.T. the Extra-Terrestrial в конце 1982 г. по одноименному коммерчески очень успешному фильму С. Спилберга. Игра была сделана крайне некачественно, следствием чего стали провальные продажи и большое число возвратов. Но главное, это спровоцировало в 1983 г. масштабный кризис всей видеоигровой индустрии США. Объем рынка видеоигр в США за последующие два года сократился в 30 раз с 3 миллиардов до 100 миллионов долларов (Kirkpatrick, 2015: 7). Более того, что для нас особенно важно, это отчасти дискредитировало саму идею видеоигры как культурного феномена, способного к долгосрочному актуальному существованию.

Второй этап в истории становления и культурной идентификации видеоигр охватывает период с 1983 по 1993 годы. После глубокого кризиса игровой индустрии в США ее возрождение начинается в Японии. Новым лидером этого периода становится компания Nintendo, получившая широкую известность в 1981 г. благодаря игре Donkey Kong. Однако подлинный успех к ней пришел позднее, после выпуска игровой приставки Famicom, позволившей Nintendo стать гегемоном на рынке видеоигр.

Продвижение Famicom проходило в несколько этапов. Изначально приставка была выпущена в 1983 г. исключительно в Японии, и только спустя два года, в

1985 г., получив новое название Nintendo Entertainment System (NES) и измененный дизайн, она стала распространяться в США, а затем, в 1986 г., в Европе. Только официальных копий NES было продано более 60 миллионов экземпляров.

NES стала первой игровой системой, которой удалось выйти за рамки региональной популярности (как это было с Atari 2600 применительно к США). Она приобрела статус общекультурного феномена, известного и распространенного по всему миру. На момент своего появления NES являлась самой технологичной домашней игровой системой, что позволило аудиовизуально обогатить игровой процесс. В то же время решающий вклад в успех NES внесло ее качественное контентное наполнение – игры, выходящие на этой аппаратной платформе.

Среди наиболее культурно знаковых видеоигр, созданных для NES, необходимо выделить Super Mario Bros., главный герой которой – Марио, стал одним из самых узнаваемых героев видеоигр, обогнав по этому показателю «идола» американской массовой культуры – Микки-Мауса. Эта видеоигра привнесла ряд значимых геймплейных инноваций, расширив диапазон используемых игровых механик. Так, игровой процесс Super Mario Bros. строился на использовании скроллинга как особой формы подвижного представления графической информации, когда игровая камера (точка обозрения) фиксирована на протагонисте, перемещаясь за ним при его движении по виртуальному пространству. Это позволило повысить динамику геймплея, а также создать двухмерную симуляцию движения и открыть новые возможности по исследованию игрового мира (Robson, Meskin, 2016: 170).

В 1988 г. другая японская компания Sega выпустила игровую приставку Sega Mega Drive, технически превосходящую NES. Вкупе с агрессивной рекламной компанией это позволило Sega создать реальную конкуренцию Nintendo и спровоцировало «первую войну консолей», когда в

видеоигровой индустрии возникла ситуация острого противостояния Sega Mega Drive сначала с NES, а с 1990 г. с Super Nintendo Entertainment System (SNES) – новой игровой приставкой Nintendo. Совокупные только официальные продажи по всему миру обеих консолей составили около 100 миллионов экземпляров, что свидетельствует о расширении общественного интереса к видеоиграм и их экономической перспективности (Rochat, 2020: 11-12).

Частью конкурентного противостояния этих двух игровых систем стало формирование в общественном сознании социально-возрастного маркирования обеих приставок. Одной из рекламных форм продвижения Sega Mega Drive была акцентуация внимания на ее «взрослости» в сравнении с «детскостью» игровых систем от Nintendo. Это различие имело под собой ряд объективных оснований, связанных с цензурированием графической визуализации насилия в ряде видеоигр, выходящих на приставках Nintendo. В любом случае, в общественном сознании за видеоигровыми продуктами компании закрепился образ детскости.

В целом приставочно-аркадные видеоигры динамично развиваются. Особую популярность имеют игры жанра «платформер» с приключенческим или внешне милитаристским содержанием. При этом получает распространение практика выпуска видеоигр по известным художественным фильмам и мультфильмам. В первую очередь это, конечно, обусловлено финансово-маркетинговыми соображениями, так как само название уже популярного видеоконтента обеспечивает гарантированный интерес к одноименной видеоигре. Однако для нашего исследования с культурологической точки зрения важно, что с конца 80-х гг. формируется пока еще монологический дискурс видеоигр и художественных/анимационных фильмов, в котором игры осваивают видеотексты (Castano Diaz, Tungtjitcharoen, 2015: 26-28). Они переводятся на язык видеоигр и по-своему



интерпретируются в контексте непосредственных игровых практик. Безусловно, в это время видеоигры еще имели серьезные аппаратные ограничения, не позволяющие адекватно визуализировать исходный материал, а также не обладали разносторонними и органичными геймплею механиками трансляции нарратива, что упрощало повествовательную составляющую видеоигр. Тем не менее, примечателен сам факт начала активной контактности видеоигр с другими культурными феноменами, и в дальнейшем она будет расширяться и становиться более диалогичной.

Отдельно стоит остановиться на видеоиграх, предназначенных для персональных компьютеров (PC). В 70-80-е гг. XX в. в сфере собственно компьютерных игр был ряд серьезных объективных ограничений, не позволявших им получить массовое распространение. Во-первых, на аппаратном уровне большинство персональных компьютеров вплоть до середины 80-х гг. не были способны качественно воспроизводить графический контент. Во-вторых, персональные компьютеры обладали высокой стоимостью, которая вкупе с их узкопрофессиональным назначением не позволяла им стать массово распространенным продуктом. Соответственно, в коммерческом отношении в силу ограниченности потенциальной потребительской базы рынок персональных компьютеров для производителей видеоигр был непривлекательным.

Однако и в этом сегменте видеоигровой индустрии со второй половины 80-х гг. происходили некоторые немаловажные события. В частности, на PC-платформе формируется ряд оригинальных видеоигровых жанров. Стоит заметить, что компьютерная игровая культура в этот период значительно отличается от приставочно-аркадной. Так, для PC-гейминга свойственны неторопливость, размеренность, отсутствие динамических переходов и высокой интенсивности. Это привело к появлению таких жанров, как «квест» (англ. “quest”), «приключение» (англ.

“adventure”) и «стратегия» (Каманкина, 2016: 10-11). Не вдаваясь в особенности их игровых механик, можно отметить, что для этих жанров характерна акцентуация на повествовании, сюжетности и необходимости решения логических задач. Все это увеличивает временную продолжительность PC-игр и делает их условно более «интеллектуальными», что также нашло отражение в стереотипном общественном различении аркадно-консольных и компьютерных видеоигр.

Среди значимых компьютерных игр этого периода необходимо выделить Sid Meier’s Civilization, созданную под руководством С. Мейера в 1991 году. Жанрово – это пошаговая стратегия, в которой игрок оказывался в культурно-историческом контексте эволюции цивилизаций, управляя одной из них от зарождения до «космической эры». Sid Meier’s Civilization была наполнена множеством культурных стереотипов и представляла первый пример масштабной видеоигровой симуляции цивилизационного развития.

В этом же ряду находится стратегия в реальном времени и выступившая родоначальником этого поджанра Dune II: Battle for Arrakis (1992). Ее первоисточником стал научно-фантастический роман Ф. Герберта «Дюна». Данная игра стала первой известной видеоигрой, основанной на художественно-литературном произведении, продемонстрировав возможность перевода на видеоигровой язык не только кино, но и литературы.

Знаковым для развития компьютерных игр стал 1993 год, когда компания id Software выпустила видеоигру Doom, основными разработчиками которой выступали Д. Кармак и Д. Ромеро. По своему геймплею Doom являлся экшен-шутером (от англ. “action” – «действие», “shooter” – «стрелок») от первого лица, отличавшимся высокой динамикой, обилием насилия и кровавых сцен. Его главной особенностью стало именно сочетание игрового вида условно «из глаз» управляемого протагониста, геймплейной скорости

и брутально-кровавой эстетики визуального ряда. Doom с технологической точки зрения был предельно новаторским проектом, продемонстрировавшим игровые возможности третьего измерения. После его появления начинается «трехмерная революция» в видеоиграх, принципиально изменившая прежние и создавшая новые игровые механики. Популярность Doom, быстро обретшего культовый статус, фактически открыла для масс персональный компьютер как активную видеоигровую платформу (Kushner, 2003: 127-134).

Другой значимой компьютерной игрой, появившейся в 1993 г., стал квест Myst. Он был издан на новом для того времени носителе информации – CD-ROM и активно использовал его мультимедийные возможности. CD-ROM позволял инкорпорировать в игру большой массив аудио- и видеоконтента, что расширяло диапазон как возможных выразительных средств, так и способов трансляции нарратива (Каманкина, 2016: 94-153).

В начале 90-х гг. произошел следующий важный шаг на пути широкого общественного конституирования видеоигр. Так, в 1993 г. сенатор США Д. Либерман инициировал в Конгрессе США открытые слушания по видеоиграм, а именно рассматривался вопрос о наличии «чрезмерного насилия» в видеоиграх и его негативных социальных последствиях. Это обсуждение в первую очередь было спровоцировано выходом в 1992 г. файтинга (от англ. “fighting” – «бой», «поединок») Mortal Kombat, который отличался нарочитым натурализмом при визуализации сражений-поединков между виртуальными бойцами. Практическим итогом этих разбирательств в Конгрессе стало создание в 1994 г. Entertainment Software Rating Board (ESRB) – формально негосударственной комиссии по рейтингованию видеоигр. Появилась шкала возрастных рейтингов, градирующая условный уровень присутствия допустимого насилия и сцен откровенного (сексуального) характера в видеоигре применительно к различным возраст-

ным группам. Рейтинги быстро получили распространение в странах Европы и Австралии, а также стали фактически нормативным регулятором содержания видеоигрового контента. Все это, по сути, инициировало появление популярного общественного дискурса о видеоиграх.

Возвращаясь к периодизации истории видеоигр, необходимо выделить следующий этап, начавшийся условно в 1994–1995 гг. и длящийся по настоящее время. С середины 90-х гг. XX в. благодаря качественно увеличившимся вычислительным мощностям игровых систем принципиально улучшается визуальная составляющая игр, повышается интерактивность виртуального мира. Все это значительно изменило видеоигры, повысив их общий реализм и увеличив разнообразие возможных игровых механик (Crogan, Kennedy, 2009: 110). Также серьезно усложнились видеоигровые нарративы и способы их трансляции, в которых зачастую стали использоваться кинематографические приемы. В этот же период базово сформировались основные жанры видеоигр, которые, впрочем, и сегодня остаются достаточно подвижны и конвергентны.

На корпоративном уровне индустрия видеоигр в середине 90-х – начале 2000-х гг. также была серьезно переформатирована. Так, в 1994 г. на рынок видеоигр выходит компания Sony, являющаяся одной из крупнейших в мире по производству бытовой электроники со времени выпуска игровой приставки PlayStation. Она стремительно набрала популярность, а ее совокупные продажи за 10 лет составили около 140 миллионов экземпляров, что свидетельствовало о продолжающемся росте видеоигровой индустрии в целом.

Наконец, в 2001 г., увидев для себя значительные финансовые и маркетинговые перспективы, на рынок домашних игровых приставок вышел софтверный компьютерный гигант – Microsoft с консолью Xbox. В этом же году Sega, не выдержав конкуренции, перестает производить приставки, сосредоточившись на выпуске ис-

ключительно игрового контента. Соответственно, складывается «большая тройка» держателей основных домашних игровых консолей: Nintendo, Sony и Microsoft, чье лидерство неоспоримо и сегодня.

При этом Sony с серией приставок PlayStation, на 2021 г. представленной уже пятью поколениями, достигла колоссального успеха, став новым ярким феноменом массовой культуры. С финансовой точки зрения бренд PlayStation сегодня занимает более 80 % в структуре прибыли Sony. Если в 70–80 гг. компания ассоциировалась с бытовой аудио- и видеотехникой, то сегодня Sony – это прежде всего PlayStation. Пять поколений PlayStation разошлись по миру в количестве более 450 миллионов экземпляров. Более того, компании удалось сформировать в общественном сознании новый, современный и по-своему модный концепт видеоигровой системы. Собственно, понятие PlayStation в ряде случаев стало ассоциироваться с игровой приставкой вообще. Показательно, что на русскоязычной интернет-странице Википедии об игровых приставках изображена именно PlayStation.

Sony и Microsoft, выпуская очередное поколение своих консолей, шли по традиционной калькулятивно-технологической схеме, когда каждая следующая приставка была мощнее и соответственно могла выдавать визуально более совершенный игровой видеоряд. Но Nintendo избрала принципиально иной, основанный на внедрении инновационных игровых механик путь развития своих консолей, что позволило ей сохранить позиции в видеоигровой индустрии. В 2006 г. японская компания вывела на рынок приставку Nintendo Wii, предложив «новую философию» игровой приставки с ориентацией на людей, ранее не вовлеченных в видеоигровое пространство. Она позиционировалась как семейная коллективно-развлекательная видеоигровая система с широким спектром казуальных игр (от англ. “casual game” – «повседневная игра»). Последние предельно просты в освоении, их внутренние пра-

вила и игровые механики интуитивно понятны. Казуальные игры содержат динамичный геймплей с минимумом нарративной составляющей, не требующий значительных временных затрат, а также они часто обладают ярким визуальным исполнением. Все это привлекает к казуальным видеоиграм широкие массы людей, играющих «по случаю», то есть спорадически и нерегулярно. К тому же Nintendo сделали акцент именно на коллективный семейно-дружеский гейминг, что дополнительно привлекало аудиторию.

Помимо этого, Nintendo Wii предложила принципиально новую механику управления в видеоиграх, основанную на сенсорном распознавании движений самого игрока в реальном времени. Это позволило создать инновационную модель контактности игрока с виртуальным пространством, повысив степень интерактивности видеоигры и вовлеченности в ее мир. В итоге Nintendo Wii, безусловно, удалось значительно расширить аудиторию людей, вовлеченных в видеоигровые практики. Однако степень этой вовлеченности была во многом поверхностной и случайной, оставаясь на уровне нескольких игровых сессий. Несмотря на очевидный популяризаторский эффект от стратегии Nintendo, ее значение для развития видеоигр в целом оценивается неоднозначно. Так, есть мнение, что культивирование нарочитой казуализации видеоигр привело к упрощению и даже примитивизации видеоигрового дискурса, лишив его повествовательной и геймплейной глубины.

Несмотря на всю популярность портативных консолей Nintendo, решающий вклад в распространение и массовизацию мобильного гейминга внесли смартфоны. В частности, здесь необходимо выделить появившийся в 2007 г. iPhone. Он ввел стандарт сенсорной системы мультитач (от англ. “multi-touch” – «множественное касание») управления, которая позволила появиться множеству мобильных игр. В связи с массовой распространенностью смартфонов, которые в данном случае вы-

ступают аппаратной игровой платформой, мобильные видеоигры получили на сегодня повсеместное распространение. В целом мобильный гейминг рассчитан на сравнительно короткую временную сессионность и ориентирован по преимуществу на казуальные игры. А с учетом того, что на сегодняшний день мобильные игры занимают около половины всего рынка видеоигр, можно констатировать принципиальную раздвоенность видеоигрового пространства на сегменты казуальных и условно «сложных» игр.

Другой информационно-технической инновацией, также фактически разделившей видеоигры по количеству вовлеченных в игровую сессию людей на два вида – однопользовательские и многопользовательские, или мультиплеерные, стал интернет. Уже в конце 90-х гг. прошлого столетия стали появляться отдельные видеоигры, ориентированные в первую очередь на сетевой мультиплеерный геймплей. Например, в 1999 г. вышли популярные сетевые шутеры Quake III Arena и Unreal Tournament. С развитием интернета в 2000-х гг. исключительно многопользовательские видеоигры получили широкое распространение (см.: Battaggion, 2012: 74). Среди наиболее известных и массово популярных исключительно мультиплеерных видеоигр можно выделить: Counter-Strike (2000), World of Warcraft (2004), World of Tanks (2010), Dota 2 (2013) и Overwatch (2016). В игровые сессии каждой из них были вовлечены сотни тысяч, а иногда и миллионы человек. Популярность сетевых многопользовательских игр среди разработчиков и издателей обусловлена в первую очередь их коммерческой привлекательностью. Такие видеоигры, как правило, используют агрессивную модель монетизации, предполагающую внутриигровые транзакции с использованием реальных денег, что многократно увеличивает прибыль издателей, которые продают не только саму игру, но и обилие внутриигрового контента.

Все это приводит к принципиальной трансформации геймплейных механик и формата игрового нарратива. Так, в мультиплеерных играх нивелируется значение сюжетной составляющей, соответственно, повествование предельно упрощается и локализуется. Акцентируется внимание на скоростном, динамичном геймплее, часто имеющим строгое сессионное деление. Поэтому иммерсивность многопользовательских видеоигр строится на вовлеченности в непосредственную процедурность игрового процесса. Одновременно усиливается социальная составляющая гейминга, успешность которого требует координации действий с другими игроками-людьми. В данном случае видеоигры приобретают статус особого рода массовой коммуникации, в которой транзакции опосредованы контекстуальными рамками виртуальной вселенной (Corliss, 2011: 13-14).

В то же время развитие мультиплеера в видеоиграх породило оригинальный культурный феномен, находящийся на стыке видеоигр и спорта, получившего название киберспорт, или компьютерный спорт. Его история начинается в 1997 г., когда в США была создана первая профессиональная лига киберспортсменов – Cyberathlete Professional League. На сегодняшний день киберспорт сформировал устойчивую субкультурную группу, получив определенное как общественное, так и юридическое признание. Например, Международная федерация киберспорта объединяет национальные федерации 48 стран. Существует целый ряд телевизионных каналов, специализирующихся на показе киберспортивных дисциплин, которые, как правило, тождественны жанрам многопользовательских видеоигр. Более того, киберспорт получил институционально-правовое оформление, будучи признанным официальным видом спорта. В частности, в 2016 г. «компьютерный спорт» был включен в реестр официальных видов спорта Российской Федерации.



Другим публичным культурным интернет-феноменом, непосредственно порожденным видеоиграми, стала такая оригинальная видеопрактика, как летсплей (от англ. "Let's play" – «давай играть»), подменяющая сегодня в ряде случаев непосредственный гейминг и экспириенс, получаемый от него. Летсплей – это фактически видеотрансляция собственного прохождения той или иной видеоигры с авторскими комментариями. За последние десять лет это явление получило широкое распространение среди интернет-пользователей и приобрело статус разновидности видеогровой практики (Hewett, Pletcher, Zeng, 2020: 216-217). Отдельные летсплеи достигают многомиллионных просмотров.

Другой тенденцией современного этапа истории культурной экспликации видеоигр стала практика их киноэкранизаций. Если в конце 80-х – начале 90-х гг. видеоигры часто основывались на известных фильмах и мультфильмах, то с середины 90-х гг. появляется новый феномен видеоигровых экранизаций (Сухов, 2015: 28). Первыми подобными высокобюджетными проектами стали художественные фильмы «Супербратья Марио» (1993) и «Уличный боец» (1994), снятые соответственно по известным платформеру Super Mario Bros. и файтингу Street Fighter. «Уличный боец» в кинопрокате имел заметный коммерческий успех, что спровоцировало появление новых видеоигровых экранизаций.

К 2021 г. уже более шестидесяти видеоигр получили свои киноадаптации, причем некоторые из них (например, Resident Evil, Tomb Raider, Silent Hill) обрели серийный характер. Одновременно продолжилась и обратная практика – с начала XXI в. почти каждый высокобюджетный художественный фильм и мультфильм сопровождался выпуском одноименной видеоигры, что стало почти обязательной частью маркетинга и мерчендайзинга массового сегмента киноиндустрии. Более того, знаковым для коммерческой составляющей видеоигровой

индустрии стал 2015 год, когда по совокупному обороту средств она обогнала кинематограф. Теперь популярные игры по объему продаж и охвату аудитории превосходят сферу кино, являясь «одним из самых динамично развивающихся ИТ-рынков в мире» (Бойко-Романовский, 2018). Можно констатировать, что «на сегодняшний день индустрия компьютерных игр представляет собой полноценный быстроразвивающийся сектор мировой экономики, связанный с производством, а также продвижением и реализацией видеоигр, сопутствующих товаров и оборудования» (Кузнецова, Кудасов, 2016: 351).

Наряду с дорогостоящими в разработке, коммерчески ориентированными видеоиграми, которые зачастую концептуально весьма консервативны и эксплуатируют уже зарекомендовавшие себя геймплейные и повествовательные структуры, со второй половины нулевых XXI века формируется сегмент инди-игр (от англ. "independent video game" – «независимая видеоигра»). Последние создаются отдельными энтузиастами или небольшими коллективами, обладая сравнительно небольшими бюджетами. Инди-игры имеют ярко выраженный авторский стиль и нередко носят экспериментальный характер. Они чаще предлагают инновационные игровые механики и оригинальные нарративные формы. Кроме того, именно творчески ориентированная направленность инди-игр смогла продемонстрировать философский и художественный потенциал видеоигр как экранно-процедурной формы рефлексии и цифрового вида искусства. Поэтому сегодня уже не выглядят совсем инородно и неожиданно слова разработчика Spore У. Райта: «В глобальном смысле я бы хотел, чтобы люди, играя в Spore, посмотрели на жизнь в перспективе. Чтобы они задумались о масштабе пространства и времени. Чтобы они хотя бы на секунду поняли, сколь долго существует жизнь на нашей планете. Spore дает почувствовать этот момент: как из микроскопического белкового соединения вырастают цивили-

зации. Вообще Spore – это игра о важности жизни» (Сухов, 2015: 24). Теперь видеоигры вполне могут выступать формой философских манифестаций (Belyaev, Belyaeva, 2019: 176-178).

Помимо появления собственно видеоигр последние десятилетия активно формируется культурное пространство «околоигровых феноменов», то есть всей совокупности культурных явлений и артефактов, связанных семантическими и визуальными отсылками к виртуальным игровым вселенным (Самойлова, 2016: 143). Наиболее массово и ярко это нашло выражение в косплей-субкультуре, где с помощью дизайнерски-костюмированных инструментов происходит визуальное воссоздание образов игровых персонажей. Одновременно осуществляется их авторское переосмысление и частичное субъектно-ролевое обживание с переносом в контекст референтной реальности. Более того, видеоигры сегодня все чаще становятся объектом мультикультуральных дискуссий, различных манифестаций толерантности и борьбы за права меньшинств (Klis-Brodowska, 2017: 144-147). В частности, широкий общественный резонанс получила тема гендера в видеоиграх и легитимация связанных с ней практик виртуальной саморепрезентации и интенций к номадической самоидентичности пола (Nunphreys, 2019: 831-834).

В продолжение череды культурных признаний видеоигр можно отметить один примечательный эпизод, произошедший в 2011 г. во время официального визита президента США Б. Обамы в Польшу. На торжественном приеме в честь американского лидера польский глава правительства Д. Туск подарил президенту США видеоигру The Witcher 2: Assassins of Kings, разработанную польской студией CD Projekt RED. Соответственно, в данном случае было продемонстрировано, что видеоигра может являться «предметом национальной гордости» на государственном уровне и выступать символическим олице-

творением современной национальной культуры (Гришин, Иглин, 2015: 137).

Наконец, основываясь на интенсификации и расширении ареала культурного присутствия видеоигр, в начале XXI века начинает складываться научный дискурс о видеоиграх, получивший интегрально-дисциплинарное оформление в исследовательской программе *game studies*. «Это академическое направление занимается критическим исследованием компьютерных и видеоигр не только с точки зрения игрового дизайна, но и с позиции роли таких игр в современном обществе и культуре» (Осекин, 2016: 199). В нем выделяются несколько исследовательских фокусов аналитики видеоигр, к которым, в первую очередь, можно отнести социологическое, экономическое, культурологическое и философско-лингвистическое направления (Shaw, 2010: 406-408). Каждое из них развивается во многом автономно и рассматривает особый модус общекультурной проявленности видеоигр. Все это служит уже дискурсивному конституированию видеоигр как вполне легитимного объекта научного изучения.

Весьма примечательно распространение *геймификации* как практики применения видеоигровых механик и элементов геймплея в формально неигровых сферах социокультурной реальности. Геймификация имеет явные перспективы в образовании, науке, может эффективно применяться как мотиватор в управленческом администрировании и фактор динамики досуговой деятельности.

Подводя итоги культурно-исторического рассмотрения видеоигр, можно отметить высокую динамику их генезиса, базирующегося как на технологических инновациях, так и на культурном диалоге видеоигр, стремительно инкорпориовавшихся в повседневно-развлекательное социокультурное пространство. Следует констатировать, что видеоигры в начале XXI века благодаря уникальному интерактивному инструментарию, оригинальному иммерсионному

эффекту, коммерческой успешности, широким аудиовизуальным возможностям и полиморфному социальному потенциалу стали заметным феноменом массовой культуры. Очевидно, что они обладают потенциалом для использования в качестве политических инструментов, художественных экспериментов, социальных катализаторов и личных средств выражения.

### Литература

Бойко-Романовский, К. Серьезные забавы: почему видеоигры становятся популярнее кино // Forbes. 2018 [Электронный ресурс] URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/357631-sereznyye-zabavy-pochemu-videoigry-stanovyatsya-populyarnее-kino> (дата обращения: 11.07.2021).

Гришин, О.Е., Иглин, Д.А. Компьютерные игры как элемент массовой политической культуры и коммуникации // PolitBook. 2015. № 1. С. 127-145.

Каманкина, М.В. Видеоигры: общая проблематика, страницы истории, опыт интерпретации. М.: ГИИ, 2016. 340 с.

Кузнецова, Т.Ю., Кудасов, А.Е. Индустрия компьютерных игр как перспективный сегмент российской экономики в XXI веке // Современный вектор: мировая экономика, менеджмент и маркетинг: сборник трудов международного научно-практического форума. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2016. С. 351-356.

Осекин, С.О. Россия как агрессор в современных компьютерных играх // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 116-127.

Самойлова, Е.О. «Околоигровые феномены» и императивы современного общества потребления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12(74): в 3-х ч. Ч. 2. С. 141-145.

Сухов, А.А. Погружение в виртуальные миры: междисциплинарное исследование современных компьютерных игр. Екатеринбург: УрФУ, 2015. 97 с.

Фуртай, Ф. Феномен виртуальности в массовой культуре, или «Добро пожаловать в наш кошмар» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. № 3. С. 110-116.

Battaggion, V. Historia Video Game Award // Historia. 2012. Iss. 790. P. 74.

Belyaev, D.A., Belyaeva, U.P. Discourses and Semantic Tropes of the Philosophical Explanation of Video Games // Problemos. 2019. Vol. 96. P. 172-183. DOI: 10.15388/Problemos.96.14.

Boellstorff, T., Soderman, B. Transplatform: Culture, Context, and the Intellivision/Atari VCS Rivalry // Games and Culture. 2019. Vol. 14. No. 6. P. 680-703. DOI: 10.1177/1555412017721839.

Castano, Diaz C.M., Tungtjitharoen, W. Art Video Games: Ritual Communication of Feelings in the Digital Era // Games and Culture. 2015. Vol. 10. No. 1. P. 3-34. DOI: 10.1177/1555412014557543.

Corliss, J. Introduction: The Social Science Study of Video Games // Games and Culture. 2011. Vol. 6. No. 1. P. 3-16. DOI: 10.1177/1555412010377323.

Crogan, P., Kennedy, H. Technologies between Games and Culture // Games and Culture. 2009. Vol. 4. No. 2. P. 107-114. DOI: 10.1177/1555412008325482

Hewett, K.E., Pletcher, B.C., Zeng, G. The 21st-Century Classroom Gamer // Games and Culture. 2020. Vol. 15. No. 2. P. 198-223. DOI: 10.1177/1555412018762168.

Humphreys, S. On Being a Feminist in Games Studies // Games and Culture. 2019. Vol. 14. No. 7-8. P. 825-842. DOI: 10.1177/1555412017737637.

Kirkpatrick, G. Approaching Video Game History // Formation of Gaming Culture: UK Gaming Magazines, 1981-1995. 2015. P. 5-26. DOI: 10.1057/9781137305107\_2.

Klis-Brodowska, A. Multiculturalism in Video Game Studies: An Inquiry into the Current Research and Perspectives for Study // Multiculturalism, Multilingualism and the Self: Literature and Culture Studies. 2017. P. 139-155. DOI: 10.1007/978-3-319-61049-8\_11.

Kushner, D. Masters of Doom: How Two Guys Created an Empire and Transformed Pop Culture. Random House, 2003. 368 p.

Robson, J., Meskin, A. Video Games as Self-Involving Interactive Fictions // Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2016. Vol. 74. No. 2. P. 165-177. DOI: 10.1111/jaac.12269.

Rochat, Y.A. Quantitative Study of Historical Video Games (1981–2015) // Historia Ludens: The Playing Historian. 2020. P. 2-20.

Shaw, A. What Is Video Game Culture? Cultural Studies and Game Studies // Games and Culture. 2010. Vol. 5. No. 4. P. 403-424. DOI: 10.1177/1555412009360414.

### References

- Battaglion, V. (2012), "Historia Video Game Award", *Historia*, 790, 74.
- Belyaev, D. A. & Belyaeva, U. P. (2019), "Discourses and Semantic Tropes of the Philosophical Explication of Video Games", *Problemos*, 96, 172-183. DOI: 10.15388/Problemos.96.14.
- Boellstorff, T. & Soderman, B. (2019), "Transplatform: Culture, Context, and the Intellivision/Atari VCS Rivalry", *Games and Culture*, 14 (6), 680-703. DOI: 10.1177/1555412017721839.
- Boyko-Romanovskiy, K. (2018), "Serious Fun: Why Video Games Are Becoming More Popular than Cinema", *Forbes*, [Online] URL: <http://www.forbes.ru/tehnologii/357631-sereznye-zabavy-pochemu-videoigry-stanovyatsya-populyarnее-kino> (Accessed 11 July 2021) (in Russ.).
- Castano, Diaz C. M. & Tungtjitcharoen, W. (2015), "Art Video Games: Ritual Communication of Feelings in the Digital Era", *Games and Culture*, 10 (1), 3-34. DOI: 10.1177/1555412014557543.
- Corliss, J. (2011), "Introduction: The Social Science Study of Video Games", *Games and Culture*, 6 (1), 3-16. DOI: 10.1177/1555412010377323.
- Crogan, P. & Kennedy, H. (2009), "Technologies between Games and Culture", *Games and Culture*, 4 (2), 107-114. DOI: 10.1177/1555412008325482.
- Foortai, F. (2009), "Mass Culture Phenomenon of Virtuality, or "Welcome to our Nightmare"", *Bulletin of the Pushkin Leningrad State University*, 3, 110-116 (in Russ.).
- Grishin, O. E. & Iglin, D. A. (2015), "Computer games as part of the political mass-culture and communication", *PolitBook*, 1, 127-145 (in Russ.).
- Hewett, K. E., Pletcher, B. C. & Zeng, G. (2020), "The 21st-Century Classroom Gamer", *Games and Culture*, 15 (2), 198-223. DOI: 10.1177/1555412018762168.
- Humphreys, S. (2019), "On Being a Feminist in Games Studies", *Games and Culture*, 14 (7-8), 825-842. DOI: 10.1177/1555412017737637.
- Kamankina, M. V. (2016), *Videoigry: obshchaya problematika, stranitsy istorii, opyt interpretatsii* [Video games: general issues, pages of history, experience of interpretation], Moscow, Russia (in Russ.).
- Kirkpatrick, G. (2015), "Approaching Video Game History", *Formation of Gaming Culture: UK Gaming Magazines, 1981-1995*, 5-26. DOI: 10.1057/9781137305107\_2.
- Klis-Brodowska, A. (2017), "Multiculturalism in Video Game Studies: An Inquiry into the Current Research and Perspectives for Study", *Multiculturalism, Multilingualism and the Self: Literature and Culture Studies*. 139-155. DOI: 10.1007/978-3-319-61049-8\_11.
- Kushner, D. (2003), *Masters of Doom: How Two Guys Created an Empire and Transformed Pop Culture*, Random House.
- Kuznetsova, T. Yu. & Kudasov, A. E. (2016), "The computer games industry as a promising segment of the Russian economy in the 21st century", *Modern vector: world economy, management and marketing collection of works of the international scientific and practical forum*, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, 351-356 (in Russ.).
- Osekin, S. O. (2016), "Russia as an aggressor in modern computer games", *Culture and Civilization*, 1, 116-127 (in Russ.).
- Robson, J. & Meskin, A. (2016), "Video Games as Self-Involving Interactive Fictions", *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 74 (2), 165-177. DOI: 10.1111/jaac.12269.
- Rochat, Y. (2020), "A Quantitative Study of Historical Video Games (1981-2015)", *Historia Ludens: The Playing Historian*, 2-20.
- Samoilova, E. O. (2016), "'Near-game phenomena' and the imperatives of the modern consumer society", *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 12 (74), 2, 141-145 (in Russ.).
- Shaw, A. (2010), "What Is Video Game Culture? Cultural Studies and Game Studies", *Games and Culture*, 5 (4), 403-424. DOI: 10.1177/1555412009360414.
- Sukhov, A. A. (2015), *Pogruzhenie v virtualnye miry: mezhdistsiplinarnoe issledovanie sovremennykh kompyuternykh igr* [Immersion in virtual worlds: an interdisciplinary study of modern computer games], Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia (in Russ.).



*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.*

*Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

**ОБ АВТОРЕ:**

**Беляева Ульяна Павловна**, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии, политологии и теологии,

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, д. 42, г. Липецк, 398020, Россия; *Ulyana-sin@yandex.ru*

**ABOUT THE AUTHOR:**

**Ulyana P. Belyaeva**, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Department of Philosophy, Political Science and Theology, Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, 42 Lenin St., Lipetsk, 398020, Russia; *Ulyana-sin@yandex.ru*

MISCELLANEOUS:  
СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ  
MISCELLANEOUS:  
MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 378

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-11

Московкин В. М.<sup>1</sup>,  
Гахова Н. Н.<sup>2</sup>,  
Феськова М. И.<sup>3</sup>

Оценка результатов логико-математического мышления  
студентов при решении историко-математических задач

<sup>1</sup>Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,  
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; [moskovkin@bsu.edu.ru](mailto:moskovkin@bsu.edu.ru)

<sup>2</sup>Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,  
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; [gahova@bsu.edu.ru](mailto:gahova@bsu.edu.ru)

<sup>3</sup>Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,  
д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; [1249125@bsu.edu.ru](mailto:1249125@bsu.edu.ru)

**Аннотация.** В статье дан краткий обзор ситуации с математическим образованием в мире, рассмотрены результаты тестирования, проведенного среди студентов и направленного на проверку логико-математического мышления. Выполнено структурирование полученных результатов тестирования студентов различных институтов НИУ «БелГУ», проведено моделирование, построены диаграммы, которые позволяют выявить сильные и слабые стороны студентов по разделам математики.

**Ключевые слова:** математическое образование; логическое мышление; глобализация; деградация; Бурбаки; Колмогоровская реформа; ЕГЭ; софизмы; В.И. Арнольд; А.П. Киселев

**Для цитирования:** Московкин В. М., Гахова Н. Н., Феськова М. И. Оценка результатов логико-математического мышления студентов при решении историко-математических задач // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 105-124. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-11

V. M. Moskovkin<sup>1</sup>,  
N. N. Gakhova<sup>2</sup>,  
M. I. Feskova<sup>3</sup>

Evaluation of the results of logical and mathematical thinking  
of students in solving historical and mathematical problems

<sup>1</sup>Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;  
[moskovkin@bsu.edu.ru](mailto:moskovkin@bsu.edu.ru)

<sup>2</sup>Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;  
[gahova@bsu.edu.ru](mailto:gahova@bsu.edu.ru)

<sup>3</sup>Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;  
1249125@bsu.edu.ru

**Abstract.** This article provides a brief overview of the situation with mathematical education in the world, examines the results of the test conducted among students, which is aimed at testing logical and mathematical thinking. Structuring of the obtained results among the interviewed students of various institutes of the National Research University “BelSU” was carried out, modeling was carried out, diagrams were constructed, which will allow to identify the strengths and weaknesses of students in the branches of mathematics.

**Key words:** mathematical education; logical thinking; globalization; degradation; Bourbaki; V.I. Arnold; A.P. Kiselev

**For citation:** Moskovkin V. M., Gakhova N. N., Feskova M. I. (2021), “Evaluation of the results of logical and mathematical thinking of students in solving historical and mathematical problems”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 105-124, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-11

## Введение

В связи с процессами глобализации, которые требуют унификации и упрощения системы образования, уровень математического образования на всех ступенях за последние 20–30 лет резко снизился во всем мире. Дело в том, что глобализированным игрокам не нужны суверенные государства с развитыми системами образования, не нужны в большом количестве думающие люди, а нужны в основном исполнители для обслуживания их бизнеса и политических процессов. Правительствам, при отсутствии вызовов, прямо влияющих на национальную безопасность, также не нужно грамотное и думающее население. Когда были востребованы математики, физики, химики, инженеры, ученые естественнонаучного и технического профиля в СССР? Во время индустриализации и войны с фашистами, во время ядерно-космической гонки с США, когда многое делалось для развития ВПК страны (середина 60-х – середина 70-х годов прошлого века). И даже в первой половине 80-х годов, когда один за одним сменялись первые лица страны, СССР подготовил достойный асимметричный ответ на «Стратегическую оборонную инициативу»

Р. Рейгана, также известную как «Звездные войны» (“Star war”).

В Соединенных Штатах сами американцы говорили “No star wars – no mathematics”. Эти слова выдающийся математик современности, вице-президент Международного математического союза (1995–1998), академик АН СССР и РАН Владимир Игоревич Арнольд (1937–2010) комментировал следующим образом: «Тот прискорбный факт, что с (временным?) прекращением военного противостояния математика, как и все фундаментальные науки, перестала финансироваться, является позором для современной цивилизации, признающей только “прикладные” науки, ведущей себя совершенно подобно свинье под дубом» (Арнольд, 1997: 109-112.).

О деградации математического образования в мире в целом и в России в частности с конца 90-х годов XX века было написано много ярких статей. Наиболее непримиримую борьбу с математической безграмотностью во всем мире вел В.И. Арнольд, который считал ее страшнее костров инквизиции (см.: Арнольд, 1998). Он писал, что на границе последних двух веков только от 1 до 2 % американских школьных учителей, в зависимости от штата, могут разделить дробь на дробь, а

студенты американских вузов уже не могут сложить две простые дроби, складывая отдельно их числители и знаменатели и деля первую сумму на вторую (см.: Арнольд, 2002b). Но если вы не умеете совершать операции с дробями, то вы не можете делать алгебраические преобразования, следовательно, вычислять простейшие производные и интегралы, а отсюда и решать дифференциальные уравнения и так далее – что же в таком случае вы представляете собой как специалист?!

Из-за незнания арифметики обучение высшей математике в США и в самых развитых странах мира, например, во Франции сводится к зубрежке табличных производных и интегралов или их поиску с помощью смартфонов. Даже если находится такой преподаватель, который попытается объяснить студентам выводы простейших производных и интегралов, это не приводит к должному результату, так как студенты не знают азов арифметики.

Помимо глобализаторов, существенную лепту в разрушение математического образования в мире внесли и сами математики, началось это с внедрением идеологии известной французской школы Бурбаки, которая основывалась на теории множеств, носила чрезмерно формализованный характер и игнорировала стандартные разделы математики, без которых не может происходить реальный научно-технический прогресс. Несмотря на общепризнанный вклад этой школы (группы) в развитие абстрактной математики, ее авторитет способствовал внедрению ее идеологии не только в процесс обучения в школе и университетах, но и в политику. Как пишет В.И. Арнольд, выхощенное и формализованное преподавание математики на всех уровнях сделалось, к несчастью, системой, изобилующей немотивированными определениями и непонятными (хотя логически безупречными) доказательствами. В то же время в преподавании математики наблюдается отсутствие примеров, отсутствие чертежей и рисунков (см.: Арнольд, 1997).

Вспомним Колмогоровскую реформу школьной математики семидесятых годов, которой предшествовал двадцатилетний период подготовки. Она осуществлялась из лучших побуждений, в эйфории от советских достижений в науке и технике, апогеем которых стал запуск человека в космос. За эту реформу взялись сильные математики, которые, не зная психологии детей и возможности усвоения ими математических знаний в зависимости от возраста, начали писать заумные учебники, не понятные не только детям, но и их учителям. Итоги реформы стали пожинать в конце 70-х годов, когда вузовские математики стали жаловаться на необучаемость первокурсников. Детально эта реформа и подготовительный период к ней описаны в работе Ю.П. Костенко к 40-летию «Колмогоровской реформы». Приведем ее заключительную часть: «“Реформа-70” изгнала из учебников педагогику и методику, изгнала Ученика. Она ответственна за деградацию мышления, а значит, и личности учащихся. Именно она привела учащихся к массовому отворачиванию от учебы. Она породила государственную ложь (так называемую “процентоманию”), которая заблокировала все возможности исправления ситуации, запустив прогрессирующую коррупцию в сферу образования. До сего дня наша школа живет под тяжким бременем этой реформы. Один из главных уроков, который надо извлечь из проведенного исторического анализа, следующий: качество обучения тесно связано с сохранением отечественной педагогической традиции, ее недопустимо прерывать. В математике эта традиция сконцентрирована в учебниках А.П. Киселева. Следовательно, необходимым (хотя, наверное, недостаточным) условием возрождения нашего математического образования является возвращение в школу Киселева» (Костенко, 2011: 76-81). Об этом также писал и В.И. Арнольд (см.: Арнольд, 2002а: 245-250).

Поражают метания, которые отличаются российское математическое образование: от чрезмерной его усложненности в



годы «Колмогоровской реформы» до примитивизации со времени внедрения ЕГЭ, то есть игры в «угадайку» или лотерею. Пример такой игры показал в своем интервью изданию «Накануне.RU» заведующий кафедрой геометрии и топологии Петрозаводского госуниверситета, профессор Александр Иванов (см.: Смирнова, 2016b). Суть игры состояла в установлении соответствия между величинами и их возможными значениями. А. Иванов приводит две задачи на установление такого соответствия. В первой приводится описание величин: рост ребенка (А), толщина листа бумаги (Б), длина автобусного маршрута (В), высота жилого дома (Г), потом даются их возможные значения: 1) 32 км, 2) 30 м, 3) 0,22 мм, 4) 110 см. Далее дается таблица из восьми клеток, в верхней строке которой написаны буквы А, Б, В, Г, а нижние четыре клетки пустые, в которые надо разбросать предложенные числовые значения или номера, под которыми они идут. Вторая задача: вес взрослого человека (А), вес грузового автомобиля (Б), вес книжки (В), вес пуговицы на одежде (Г); возможные значения: 1) 8 т, 2) 5 г, 3) 65 кг, 4) 300 г, которые также надо разбросать по пустым клеткам. Поразительно, что настолько примитивные задания воспринимаются как норма.

В другом своем интервью Александр Иванов задается вопросом о причинах тотальной деградации математического образования. В начале он снова приводит примеры математических задач, предлагаемых на ЕГЭ: «Выпускникам 11-го класса предлагается решить такие задачи, как “определить площадь комнаты со сторонами 4 на 5 метров” или “сопоставить по размерам муху и слона” (даны цифры 5 мм и 5 м, нужно ответить, какого размера слон, какого муха). Этим школа и занимается, натаскивая ребят на решения подобных задач» (Смирнова, 2016а). Если даются такие задачи, то предполагается, что школьник с некоторой высокой вероятностью может указать размер слона в 5 мм, высоту жилого дома в 110 см, вес грузового

автомобиля в 65 кг и т. д. Подобным образом во Франции на занятиях у профессора Виктора Доценко студентка не самого худшего вуза – Парижского университета имени Пьера и Марии Кюри (Paris VI) – посчитала радиус Земли в 10 мм. Но ей было абсолютно все равно (Доценко, 2002).

Далее, рассуждает профессор, надо понять, что не у детей отсутствует мотивация в изучении математики, а у учителей, так как у них на выходе базовый экзамен (ЕГЭ), который содержит в себе задачи на чувство числа и на вычисление площади комнаты. И нет смысла выкладываться и с интересом учить детей. Любопытен заголовок этого интервью: «Просишь написать “икс в квадрате” – студент рисует “х” и обводит в квадрат!?» (Смирнова, 2016а). Об этом же один из авторов этой статьи писал в 2009 году в журнале “Alma Mater” как об анекдотическом случае, произошедшем в Харьковском госуниверситете (Московкин, 2009: 9-18).

Итак, нужно срочно отказываться от ЕГЭ и выходить из Болонского процесса. Сейчас, в условиях, похоже, вечных санкций, это очень актуально и удобно сделать. В интернете запущено множество петиций против ЕГЭ и ОГЭ, но они очень слабо подписываются, так как за ними не стоят известные деятели науки и культуры России.

Современное общество потребления и либеральная публика ставят вопрос, зачем вообще нужна математика современному человеку, кому нужны эти производные и интегралы вместе с дифференциальными уравнениями? Но ответ простой, и дело не в производных и интегралах, которые в дальнейшем большинству и не понадобятся, а в том, что математика формирует аналитический ум и логическое мышление человека, воспитывает его умственные способности, что очень необходимо в любой сфере деятельности. Но, к сожалению, обществу потребления аналитический ум и логическое мышление, конечно, не нужны. Ведь атрибуты математики – логика, дока-

зательность и дисциплинированность ума востребованы лишь в высококультурном обществе.

Как отмечает тот же В.И. Арнольд, математическое образование должно составлять неотъемлемую часть культурного багажа каждого школьника, а основной целью математического образования должно быть воспитание умения математически исследовать явления реального мира (см.: Арнольд, 1997: 109-112). Именно реального, а не абстрактного, который навязывают последователи группы Бурбаки (см.: Арнольд, 2002а: 245-250). Кроме того, математика является единственным способом дать адекватное описание многих природных и социально-экономических процессов и явлений (см.: Арнольд, 1997: 109-112).

Министерские чиновники любых стран, как бы им ни хотелось управлять вещами, в которых они мало что понимают, должны осознавать, что если не будут введены нормальные стандарты в математике и физике, а также и в других естественных науках, если не будет стимулирования обучения этим дисциплинам, то их страны столкнутся с активной деградацией всей техносферы, с разрушением мостов и зданий, взрывами электростанций, прорывами дамб и т. д. И пострадает не только техносфера, но, в первую очередь, и экзосфера, что заметно уже сейчас.

### Основная часть

Для проверки уровня знаний студентов по математике и логико-математическому мышлению на протяжении двух лет проводилось анонимное тестирование студентов, обучающихся на различных направлениях подготовки в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. Эта работа первоначально проводилась в рамках Международного волонтерского

проекта «Оценка уровня логико-математического мышления студентов», презентация которого состоялась 8 апреля 2016 года в рамках Недели науки НИУ «БелГУ», на которой китайские студенты решали десять историко-математических задач, из которых две были древнекитайские<sup>1</sup> (см. Приложение 1).

Перед решением этих задач студенты заполняли анкету о себе и своих родителях, форма которой представлена в Приложении 2. Задачи относились к различным темам элементарной математики и проверяли знания по действиям с дробями, составлению и решению простейших линейных алгебраических уравнений и их систем, а также способности к решению задач из элементарной теории чисел. Оценивались результаты следующим образом: 2 балла – задача полностью решена, 1 балл – задача частично решена, 0 баллов – задача не решена. Время выполнения для 10 задач ограничивалось одной академической парой, то есть полутора часами астрономического времени.

За период с 01.01.2016 г. по 06.06.2018 г. были протестированы 178 студентов. В Приложении 3 представлены все полученные результаты с оценками в табличной форме (в виде тринарной матрицы), которые хранятся в созданной базе данных, с использованием пакета Microsoft Access.

После получения результата был проведен анализ, в ходе которого были рассчитаны итоговые баллы по каждой из задач и построены круговые диаграммы. На рисунке 1 представлены результаты проведенного тестирования по каждой задаче. Максимальное количество баллов по каждой задаче составляет:  $178 \times 2 = 356$  баллов. При этом учитывались результаты, оцененные одним и двумя баллами. Суммарные баллы по всем задачам приведены в Приложении 3.

<sup>1</sup> [https://belnauka.ru/press\\_center/news/index.php?ELEMENT\\_ID=1035](https://belnauka.ru/press_center/news/index.php?ELEMENT_ID=1035)

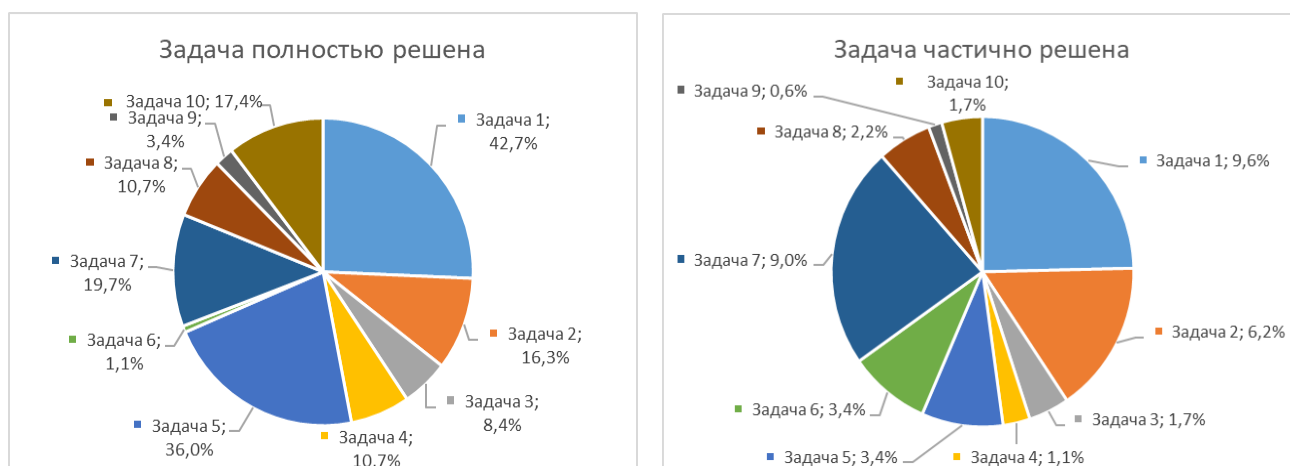


Рис. 1. Итоговые баллы по каждой решенной задаче, в процентах  
 Fig. 1. Final scores for each solved tasks, %

По полученным результатам (полностью и частично решенных задач) можно сделать вывод о том, что самыми простыми для решения задачами являлись задачи на составление и решение простейшего линейного алгебраического уравнения с одним неизвестным (задача 1, 169 баллов из 356), на составление и решение системы двух линейных алгебраических уравнений с двумя неизвестными (задача 5, 134 балла) и логическая задача на вычисление первых ста чисел натурального ряда (задача 7, 86 баллов).

Задачами средней сложности для решения оказались задачи на составление и решение линейного алгебраического уравнения с одним неизвестным, отягощенные вычислениями с дробями: вторая задача (69 баллов), восьмая задача (42 балла) и десятая задача (65 баллов). Отметим, что для составления уравнений в этих задачах от студента требуется достаточно высокий уровень логического мышления. Также сюда можно отнести четвертую геометрическую задачу на вычисление и сопоставление площадей квадрата и описанного вокруг него круга (40 баллов).

Самыми сложными задачами были задачи на доказательство утверждений из элементарной теории чисел (третья задача – 33 балла, шестая задача – 10 баллов, девятая задача – 13 баллов).

Таким образом, по самой простой первой задаче, полностью или частично решенной, студенты не смогли набрать и половины от максимального числа возможных баллов. Большая часть опрошенных не знает, как решать задачи на доказательство, не может формализовать условия задач и логически выстроить их решения, не имеет навыков в проведении алгебраических преобразований и даже в арифметических действиях с простыми дробями.

Далее было проведено моделирование результатов относительно институтов, в которых обучаются опрошиваемые студенты. Всего по анкетам было выделено четыре учебных подразделения: Институт экономики и управления (ИЭиУ, 59 студентов), Социально-теологический факультет (СТФ, 47 студентов), Институт инженерных технологий и естественных наук (ИИТиЕН, 38 студентов), Институт межкультурных коммуникаций и международных отношений (ИМКиМО, 33 студента). Суммарно это 177 студентов. В предыдущем рассмотрении (рис. 1, прил. 3) учитывался один студент Медицинского института, который, естественно, не вошел в выборку по четырем рассматриваемым институтам.

Для всех институтов были построены круговые диаграммы, которые показывают, какое количество студентов от общего числа опрошенных в том или ином институте решили предложенные задачи полно-

стью и частично. Отметим, что на всех спаренных диаграммах сумма всех процентов по каждой задаче равна 100%.

На рисунке 2 представлены данные по ИЭиУ, где было опрошено 59 человек.

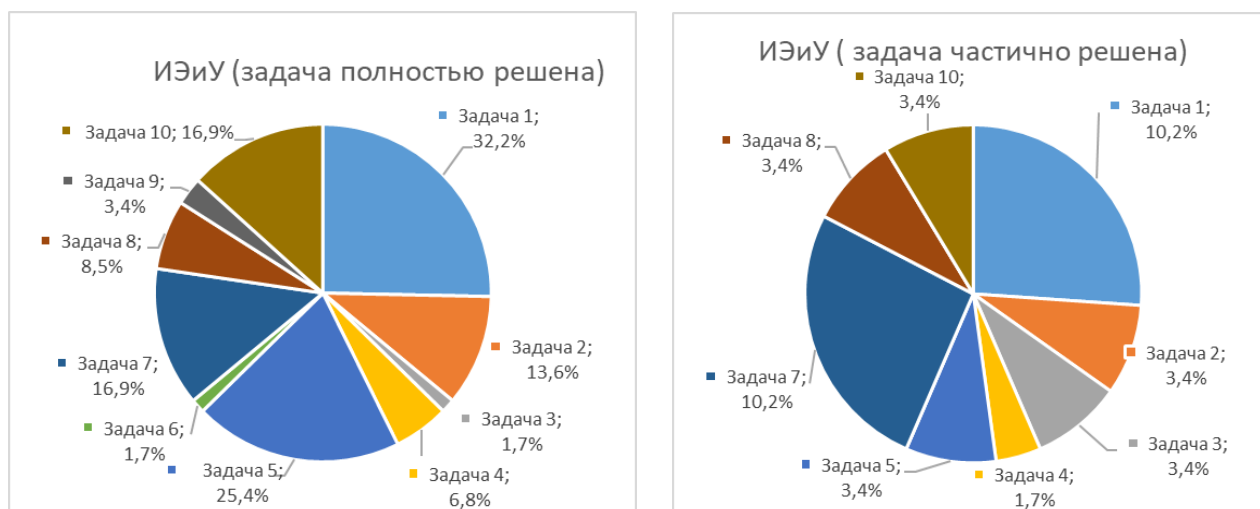


Рис. 2. Баллы, полученные за задачи, решенные студентами института экономики и управления

Fig. 2. Points received for problems solved by students of the Institute of Economics and Management

Исходя из полученных данных, наибольшее затруднение вызвали задачи на доказательство и теорию чисел, а именно третья, четвертая, шестая и девятая. Лучшее всего была решена первая задача, но и с ней справилось только 42,4 % опрошенных студентов.

Далее был проведен анализ результатов факультета СТФ (47 опрашиваемых)

(рис. 3). Студенты этого факультета девятую задачу не решили вовсе, только по одному студенту решили шестую и седьмую задачи, всего двое из студентов решили четвертую, восьмую и десятую задачи, то есть практически не были решены задачи на простую арифметику и доказательства. Очень малый процент (менее 8,5 %) студентов смогли решить третью задачу.

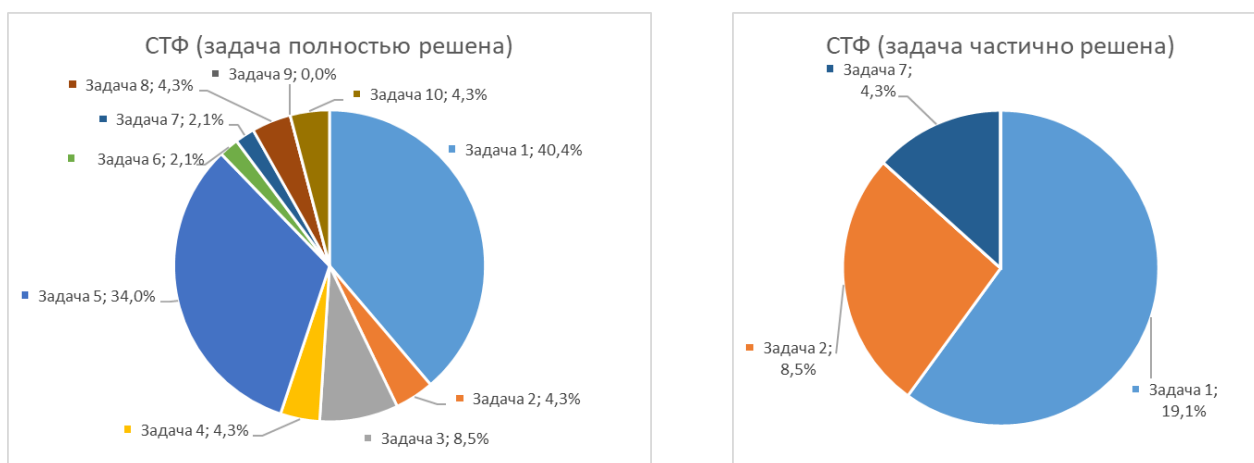


Рис. 3. Баллы, полученные за задачи, решенные студентами социально-теологического факультета

Fig. 3. Points received for problems solved by students of the Faculty of Theology and Social Sciences



В тестировании ИИТиЕН (рис. 4) было задействовано 38 студентов. Студента-

ми в целом были решены все типы задач. Но шестая задача решена только частично.

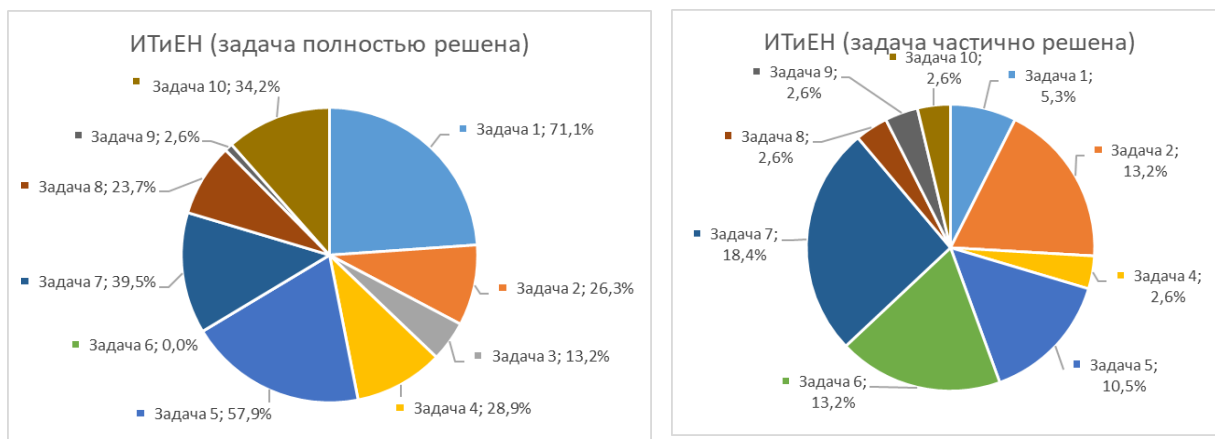


Рис. 4. Баллы, полученные за задачи, решенные студентами института инженерных технологий и естественных наук

Fig. 4. Points received for problems solved by students of the Institute of Engineering Technology and Natural Sciences

При этом показаны достаточно невысокие результаты по решению задач на доказательство в рамках теории чисел и геометрии, однако задачи на арифметику были решены большей частью студентов.

В ИМКиМО было опрошено 33 студента, из них никто не справился

полностью с шестой задачей (задача на доказательство в теории чисел). И в среднем они показали слабые результаты, например, первую задачу, которая является одной из самых простых, решили всего лишь 30,3 %.

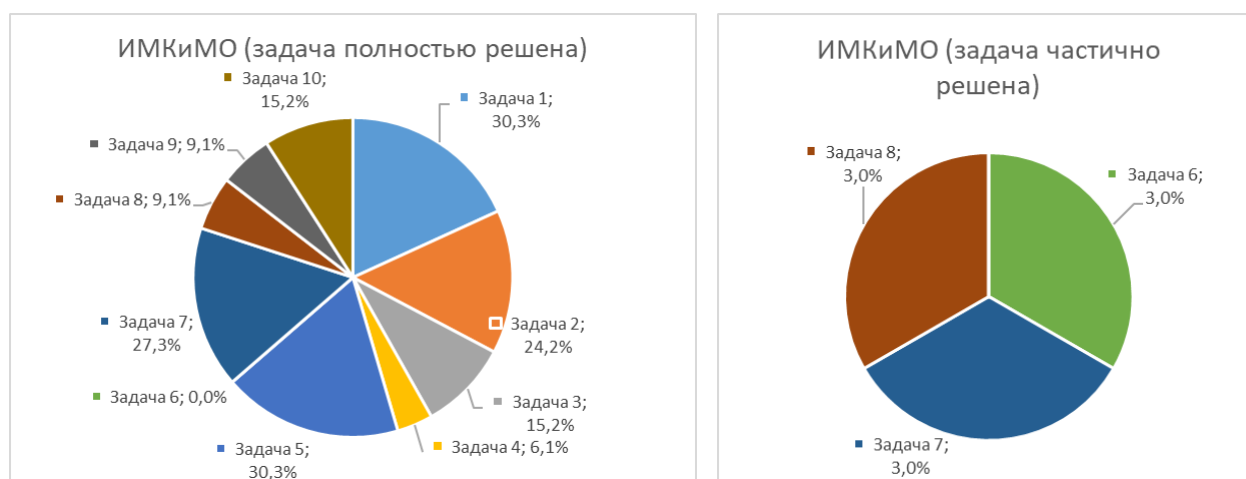


Рис. 5. Баллы, полученные за задачи, решенные студентами института межкультурных коммуникаций и международных отношений

Fig. 5. Points received for problems solved by students of the Institute of Intercultural Communication and International Relations

Все полученные данные по задачам, выполненным полностью, сформированы в

сводную таблицу (таблица) по всем институтам.

Таблица 1  
 Итоговые показатели полностью решенных задач  
 Table 1  
 The final indicators of fully solved problems

Номера задач / Task numbers	Институты / The Institutes												Среднее количество студентов, % Percentage of students who did it in general
	ИЭиУ / Institute of Economics and Management			СТФ / Faculty of Theology and Social Sciences			ИИТиЕН / Institute of Engineering Technology and Natural Sciences			ИМКиМО / Institute of Inter-cultural Communication and International Relations			
	Сумма баллов / Points total	Количество студентов / Number of students	%	Сумма баллов / Points total	Количество студентов / Number of students	%	Сумма баллов / Points total	Количество студентов / Number of students	%	Сумма баллов / Points total	Количество студентов / Number of students	%	
№ 1	38	19	32,2	38	19	40,4	54	27	71,1	18	9	30,3	42,13
№ 2	16	8	13,6	4	2	4,3	20	10	26,3	14	7	24,2	15,73
№ 3	2	1	1,7	8	4	8,5	10	5	13,2	8	4	15,2	8,43
№ 4	8	4	6,8	4	2	4,3	22	11	28,9	4	2	6,1	10,67
№ 5	30	15	25,4	32	16	34,0	44	22	57,9	18	9	30,3	35,39
№ 6	2	1	1,7	2	1	2,1	0	0	0,0	0	0	0,0	1,12
№ 7	20	10	16,9	2	1	2,1	30	15	39,5	16	8	27,3	19,66
№ 8	10	5	8,5	4	2	4,3	18	9	23,7	6	3	9,1	10,67
№ 9	4	2	3,4	0	0	0,0	2	1	2,6	6	3	9,1	3,37
№ 10	20	10	16,9	4	2	4,3	26	13	34,2	10	5	15,2	16,85

Исходя из таблицы можно сделать вывод о том, что худшие показатели были по задаче 6, которую решили только двое студентов из 178 (1,12 %), далее в порядке улучшения показателей идут задачи 9 (3,37 %), 3 (8,43 %), 4 и 8 (по 10,67 %). Лучшее всего была решена 1-я задача на простые вычисления при построении и решении линейного алгебраического уравнения с одним неизвестным, но и здесь успешность составляет лишь 42,13 %.

Если посмотреть на решение историко-математических задач в индивидуальном разрезе в Приложении 3, то мы уви-

дим, что больше половины баллов в интервале от 11 до 20 набрали всего 9 студентов из 178. Это очень печальный результат. Высокие результаты показали только три студента под кодовыми номерами 111 (18 баллов, ИЭиУ, Россия, юноша), 123 (17 баллов, ИИТиЕН, Россия, девушка) и 22 (16 баллов, ИМКиМО, Китай, девушка).

#### Закключение

Исследование показало очень слабую математическую подготовку студентов различных профилей, начиная от гумани-

тарных направлений и заканчивая техническими. Все задачи требовали знания школьной математики, а большинство – знания лишь арифметики. Но кроме знаний по элементарной математике для решения этих историко-математических задач студент должен уметь логически мыслить, чему в процессе воспитания и обучения не уделяется должного внимания.

К сожалению, слабая математическая подготовка студентов – это уже повсеместно распространенная ситуация, связанная с общей деградацией образования в мире, в котором уже не нужны думающие люди. Незнание элементарной математики не дает студентам никакой возможности освоить высшую математику, а в двух из четырех институтов, студентов из которых мы тестировали, проходят курсы высшей математики.

Полагаем, что подобное тестирование студентов и школьников на решение историко-математических задач, хорошо проверяющее их логико-математическое мышление, позволяет выявлять наиболее талантливых учащихся, способных добиваться успехов в любом виде деятельности, а также повышает мотивацию к изучению не только математики, но и истории. Помимо решения историко-математических задач, можно предложить школьникам и студентам порешать вместе со своими преподавателями задачи В.И. Арнольда для детей от 5 до 15 лет, некоторые из которых непосильны даже профессорам и академикам, хотя смысловые дети их легко решают (Арнольд, 2018).

В дальнейшем мы планируем поискать связи результатов тестирования с характеристиками анкетных данных (возраст, пол, статус школы, которую закончили студенты, образование родителей, страна).

### Литература

- Арнольд, В.И. Задачи для детей от 5 до 15 лет. 8-е изд. М.: МЦНМО, 2018. 16 с.  
Арнольд, В.И. Математика и математическое образование в современном мире // Ма-

тематическое образование. 1997. Вып. 2. С. 109-112.

Арнольд, В.И. Математическая безграмотность страшнее костров инквизиции // Известия. 1998. № 7 (16 января). С. 4.

Арнольд, В.И. Математическая дуэль вокруг Бурбаки // Вестник РАН. 2002. Том 72. № 3. С. 245-250. (a)

Арнольд, В.И. Стандартные нелепости // Известия. 2002. № 44 (6 декабря). (b)

Доценко, В. Пятое правило арифметики // Наука и жизнь. 2002. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/457/> (дата обращения 15.06.2021).

Костенко, Ю.П. Реформа школьной математики 1970–1978 гг. К 40-летию «Колмогоровской реформы» // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2011. № 8. С. 76-81.

Московкин, В.М. Образование и наука на постсоветском пространстве (критические размышления) // Alma Mater. 2009. № 7. С. 9-18.

Смирнова, А. Просишь написать «икс в квадрате» – студент рисует “х” и обводит в квадрат! [интервью с профессором, заведующим кафедрой геометрии и топологии Петрозаводского госуниверситета Александром Ивановым] // Накануне.Ru, 12.05.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nakanune.ru/articles/111691/> (дата обращения 15.06.2021).

Смирнова, А. Путь тотальной деградации: выпускники сдают ЕГЭ по математике, задания которого по силам 4-летним детям [интервью с профессором, заведующим кафедрой геометрии и топологии Петрозаводского госуниверситета Александром Ивановым] // Накануне.Ru, 02.06.2016. [Электронный ресурс] URL: <https://www.nakanune.ru/news/2016/06/02/22437867/> (дата обращения 15.06.2021).

Чошанов, М.А. Образование и национальная безопасность: системные ошибки в математическом образовании в России и США // Образование и наука. 2013. № 8 (107). С. 14-31.

### Reference

- Arnold, V. I. (1997), “Mathematics and mathematical education in the modern world”, *Matematicheskoe obrazovanie* [Mathematical education], 2, 109-112 (in Russ.).

Arnold, V. I. (1998), "Mathematical illiteracy is more terrible than the fires of the Inquisition", *Izvestiya* [News], 11 (January 16) (in Russ.).

Arnold, V. I. (2002a), "Mathematical duel around Bourbaki", *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 72 (3), 245-250 (in Russ.).

Arnold, V. I. (2002b), "Standard absurdities", *Izvestiya* [News], 44 (December 6) (in Russ.).

Arnold, V. I. (2018), *Zadachi dlya detey ot 5 do 15 let* [Tasks for kids from 5 to 15 years old], Moskovskiy Tsentr Nepreryvnogo Matematicheskogo Obrazovaniya, Moscow, Russia (in Russ.).

Choshanov, M. A. (2013), "Education and national security: system errors in mathematical education in Russia and the USA", *The Education and Science Journal*, 8 (107), 14-31 (in Russ.).

Dotsenko, V. (2002), "The fifth rule of Arithmetic", *Nauka i zhizn'* [Science and Life], 4 [Online], available at: <https://www.nkj.ru/archive/articles/457/> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Kostenko, Yu. P. (2011), "Reform of school mathematics 1970 – 1978. To the 40th anniversary of the "Kolmogorov reform"", *Alma Mater (Higher School Herald)*, 8, 76-81 (in Russ.).

Moskovkin, V. M. (2009), "Education and science in the post-Soviet space (critical reflection)", *Alma Mater (Higher School Herald)*, 7, 9-18 (in Russ.).

Smirnova, A. (2016b), "The path of total degradation: graduates pass the Unified State Exam in mathematics, the tasks of which are within the power of 4-year-old children [interview with Professor Alexander Ivanov, Head of the Department of Geometry and Topology of Petrozavodsk State University]", *Nakanune.Ru*, 02.06.2016 [Online], available at: <https://www.nakanune.ru/news/2016/06/02/22437867/> (Accessed 15 June 2021) (in Russ.).

Smirnova, A. (2016a), "You ask to write 'x' in a square" – the student draws an "x" and circles it in a square! [interview with Professor Alexander Ivanov, Head of the Department of Geometry and Topology of Petrozavodsk State University]", *Nakanune.Ru*, 12.05.2016 [Online], available at: <https://www.nakanune.ru/articles/111691/> (Accessed 15 June 2021) (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.*

*Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.*

#### **ОБ АВТОРАХ:**

**Московкин Владимир Михайлович**, доктор географических наук, директор Центра развития публикационной активности, профессор кафедры мировой экономики Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; [moskovkin@bsu.edu.ru](mailto:moskovkin@bsu.edu.ru)

**Гахова Нина Николаевна**, кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной информатики и информационных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; [gahova@bsu.edu.ru](mailto:gahova@bsu.edu.ru)

**Феськова Мария Ивановна**, студентка кафедры прикладной информатики и информационных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; [1249125@bsu.edu.ru](mailto:1249125@bsu.edu.ru)

#### **ABOUT THE AUTHORS:**

**Vladimir M. Moskovkin**, Doctor of Geographical Sciences, Director of the Centre for Publication Activity Development, Professor at the Department of World Economy, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; [moskovkin@bsu.edu.ru](mailto:moskovkin@bsu.edu.ru)

**Nina N. Gakhova**, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Applied Informatics and Information Technologies, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; [gahova@bsu.edu.ru](mailto:gahova@bsu.edu.ru)

**Maria I. Feskova**, Student, Department of Applied Informatics and Information Technologies, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; [moskovkin@bsu.edu.ru](mailto:moskovkin@bsu.edu.ru); [1249125@bsu.edu.ru](mailto:1249125@bsu.edu.ru)



## Приложение 1. Перечень задач

1. Задача 19 из Московского математического папируса Голенищева (25 задач), составленного в Египте около 1850 г. до н.э. Папирус куплен в 1892 или 1893 г. на рынке в Фивах египтологом Владимиром Семеновичем Голенищевым (1856–1947) и сейчас хранится в Пушкинском музее изящных искусств в г. Москва.

*К числу, взятому 1 и 1/2 раза, добавь 4 и получи 10. Каково это число?*

2. Задача о датах жизни Диафанта из Палатинской антологии.

Диафант Александрийский (II–III вв. н. э.) – последний из великих математиков Древней Греции. Палатинская антология – собрание античных и средневековых греческих эпиграмм, составленное византийским грамматиком X века Константином Кефалой.

*Отрочество Диафанта составило 1/6 жизни, борода начала расти спустя 1/12 жизни, женился после 1/7 жизни, а спустя 5 лет у него родился сын, который прожил 1/2 жизни отца, а последний умер спустя 4 года. Каково время жизни Диафанта?*

2. Задача Пифагора (570–490 гг. до н. э.).

*Доказать, что всякое нечетное число, кроме 1, есть разность квадратов двух целых чисел.*

4. Задача Архимеда (ок. 278–212 гг. до н. э.).

*Доказать, что площадь круга, описанного около квадрата, вдвое больше площади вписанного в круг квадрата.*

5. Задача 31 из последней книги китайского трактата Сунь-Цзы (III–IV вв. н. э.). Эта же задача встречается в трактате «Математика в 9-ти книгах», представляющей собой компиляцию трудов, написанных в Китае в X–II вв. до н. э. (246 задач).

*В клетке фазаны и зайцы. Вверху 35 голов, внизу 94 ноги. Сколько фазанов и зайцев?*

6. Задача Г.В. Лейбница (1646–1716). Готфрид Вильгельм Лейбниц – немецкий философ, математик, физик и изобретатель, юрист, историк, языковед. Вместе с Исааком Ньютоном разработал основы интегрального и дифференциального исчисления.

*Показать, что если  $n$  – целое число, то  $n^5 - n$  делится на 5.*

7. Задача Карла Фридриха Гаусса (1777–1855). Эта же задача встречается в древнекитайском трактате (задача 36 последней книги) Чжана Цю-Цзана (V в. н. э.), в связи с изобретением китайцами понятия и формул арифметической прогрессии. Решить задачу логическим путем, не используя формулу суммы членов арифметической прогрессии.

*Сложить первые сто членов натурального ряда:  $1+2+\dots+99+100=?$*

8. Задача из «Курса арифметики» (Ганитасара) индийского математика и философа Шридхары (Сридхары) (ок. 950–1000, Бенгалия). Он являлся автором ряда задач, которые широко использовались индийскими математиками последних времен.

*Пятая часть пчелиного роя села на цветок кадамба, третья – на цветок цилиндха. Утроенная разность последних двух частей пчелиного роя направилась к цветам пугая и*

*осталась одна маленькая пчелка, летающая взад и вперед, привлеченная ароматом жасмина. Сколько всего пчел?*

9. Задача Софи Жермен (1776–1831). Софи Жермен – одна из первых французских женщин математиков, была в переписке со всеми известными математиками своего времени. Эта задача, по-видимому, связана с ее увлечением теорией чисел.

*Доказать, что каждое число вида  $a^4 + 4$  составное, то есть может быть разложено на сомножители.*

10. Задача из «Арифметики» Леонтия Филипповича Магницкого (1669–1739). Л.Ф. Магницкий (Теляшин) по велению Петра I составил первую российскую учебную энциклопедию по математике под названием «Арифметика, сиречь наука числительная» (1703).

*Хозяин нанял работника на год и обещал ему дать 12 рублей и кафтан. Но тот, проработав только 7 месяцев, захотел уйти. При расчете он получил кафтан и 5 рублей. Сколько стоит кафтан?*

Московкин В. М., Гахова Н. Н., Феськова М. И.

Оценка результатов логико-математического мышления студентов  
при решении историко-математических задач

// Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3.

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-11

## Приложение 2. Анкета тестируемых

Уровень высшего образования:

- студент бакалавриата (курс)
- студент специалитета (курс)
- магистрант (год обучения)
- аспирант (год обучения)

Институт \_\_\_\_\_

Факультет \_\_\_\_\_,

кафедра \_\_\_\_\_

Пол: муж. / жен.

Возраст: \_\_\_\_\_ лет

Национальность, этническая группа \_\_\_\_\_

Откуда прибыл(а): страна, провинция, населенный пункт \_\_\_\_\_

Довузовское обучение:

- государственная средняя школа
- частная средняя школа

Образование родителей:

- отец: PhD Высшее (Tertiary) / Среднее (Secondary) / Начальное (Primary)
- мать: PhD Высшее (Tertiary) / Среднее (Secondary) / Начальное (Primary)

Московкин В. М., Гахова Н. Н., Феськова М. И.  
Оценка результатов логико-математического мышления студентов при решении историко-математических задач  
// Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3.  
DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-11

### Приложение 3. Полученные результаты тестирования

Код пользо вателя	Пол	Воз раст	Страна	Институт	Задание 1	Задание 2	Задание 3	Задание 4	Задание 5	Задание 6	Задание 7	Задание 8	Задание 9	Задание 10	Итого баллов
1	М	18	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	0	2	0	2	2	0	2	<b>10</b>
2	М	18	Таджикистан	ИИТиЕН	2	0	0	0	2	0	1	0	0	2	<b>7</b>
3	М	18	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	0	2	0	1	0	0	0	<b>5</b>
4	М	18	Таджикистан	ИИТиЕН	2	0	2	0	2	0	0	2	0	2	<b>10</b>
5	М	22	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	0	1	0	2	0	0	1	<b>6</b>
6	М	19	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	2	2	0	2	0	0	0	<b>8</b>
7	М	21	Эквадор	ИИТиЕН	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
8	М	18	Таджикистан	ИИТиЕН	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	<b>2</b>
9	М	18	Таджикистан	ИИТиЕН	1	0	0	0	2	0	0	0	0	0	<b>3</b>
10	М	18	Россия	ИИТиЕН	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	<b>1</b>
11	М	18	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	2	2	1	2	2	1	0	<b>12</b>
12	Ж	18	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	0	2	1	1	0	0	0	<b>6</b>
13	М	21	Камерун	ИИТиЕН	2	0	0	1	2	0	2	0	0	0	<b>7</b>
14	М	18	Россия	ИИТиЕН	2	1	0	2	1	0	0	0	0	0	<b>6</b>
15	Ж	19	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	0	2	0	0	0	0	2	<b>6</b>
16	М	21	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	0	0	0	2	0	0	0	<b>4</b>
17	М	21	Россия	ИИТиЕН	1	1	0	0	2	0	0	2	0	2	<b>8</b>
18	М	20	Молдавия	ИИТиЕН	2	2	0	0	1	1	0	2	0	0	<b>8</b>

19	М	20	Россия	ИИТиЕН	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
20	Ж	20	Россия	ИИТиЕН	0	0	0	2	2	0	0	0	0	0	4
21	Ж	21	Китай	ИМКиМО	2	0	0	0	2	0	2	0	0	2	8
22	Ж	20	Китай	ИМКиМО	2	2	0	2	2	0	2	2	2	2	16
23	Ж	21	Китай	ИМКиМО	2	0	0	2	2	0	2	2	2	2	14
24	Ж	18	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
25	Ж	20	Китай	ИМКиМО	2	0	0	0	2	0	2	2	0	2	10
26	Ж	22	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
27	Ж	21	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
28	Ж	20	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
29	Ж	21	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
30	Ж	19	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
31	М	21	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
32	М	21	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
33	Ж	22	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
34	М	21	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
35	М	21	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
36	М	20	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
37	М	22	Китай	ИМКиМО	0	2	0	0	2	0	0	0	0	2	6
38	Ж	19	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	2
39	Ж	22	Китай	ИМКиМО	0	2	0	0	2	0	2	0	2	0	8
40	Ж	22	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
41	Ж	20	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
42	Ж	21	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
43	Ж	21	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
44	Ж	21	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
45	Ж	22	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
46	Ж	22	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0



47	Ж	21	Китай	ИМКиМО	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
48	Ж	24	Китай	ИЭиУ	0	2	0	0	2	0	2	0	2	2	10
49	М	25	Китай	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	2
50	Ж	19	Россия	ИЭиУ	0	2	0	0	2	0	0	0	0	2	6
51	Ж	19	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2
52	Ж	19	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
53	Ж	20	Россия	ИЭиУ	2	0	0	0	2	0	2	2	0	2	10
54	М	19	Россия	ИЭиУ	0	1	0	2	2	0	0	2	0	0	7
55	М	20	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
56	М	21	Молдавия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
57	М	20	Россия	ИЭиУ	2	0	0	0	1	0	0	0	0	0	3
58	М	20	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
59	Ж	19	Украина	ИЭиУ	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	2
60	Ж	20	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
61	Ж	19	Украина	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
62	Ж	19	Россия	ИЭиУ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
63	Ж	20	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
64	Ж	20	Россия	ИЭиУ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
65	М	20	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
66	М	20	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
67	М	20	Россия	ИЭиУ	1	2	0	0	0	0	0	0	0	1	4
68	Ж	19	Украина	ИЭиУ	2	0	0	0	2	0	2	0	0	0	6
69	Ж	20	Россия	ИЭиУ	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	2
70	Ж	19	Россия	ИЭиУ	2	2	0	0	0	0	2	2	0	2	10
71	Ж	21	Россия	ИЭиУ	2	0	0	0	0	0	1	0	0	0	3
72	М	23	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
73	М	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
74	М	21	Россия	ИЭиУ	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1

75	Ж	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	<b>1</b>
76	Ж	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	<b>1</b>
77	М	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
78	Ж	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
79	Ж	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
80	Ж	21	Россия	ИЭиУ	2	1	0	0	2	0	0	0	0	0	<b>5</b>
81	Ж	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	<b>2</b>
82	Ж	22	Россия	ИЭиУ	2	0	1	0	2	0	0	0	0	0	<b>5</b>
83	Ж	22	Россия	ИЭиУ	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0	<b>4</b>
84	Ж	21	Россия	ИЭиУ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>2</b>
85	Ж	21	Россия	ИЭиУ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>2</b>
86	М	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
87	М	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
88	Ж	21	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
89	Ж	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
90	Ж	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
91	Ж	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
92	Ж	21	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
93	Ж	22	Россия	ИЭиУ	1	0	0	0	0	0	2	0	0	0	<b>3</b>
94	Ж	21	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
95	М	20	Россия	ИЭиУ	1	0	0	0	0	0	2	0	0	0	<b>3</b>
96	Ж	21	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
97	М	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	<b>0</b>
98	Ж	22	Россия	ИЭиУ	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	<b>1</b>
99	М	25	Ангола	ИИТиЕН	2	2	2	0	0	0	2	0	0	0	<b>8</b>
100	М	20	Нигерия	ИМКиМО	2	2	2	0	2	0	2	0	0	0	<b>10</b>
101	М	21	Ангола	ИМКиМО	2	2	2	0	2	0	0	0	0	0	<b>8</b>
102	М	25	Ангола	ИМКиМО	2	2	2	0	0	0	2	0	0	0	<b>8</b>

103	М	25	Экв. Гвинея	ИИТиЕН	2	2	2	0	2	0	2	1	0	0	11
104	Ж	25	Бурунди	МЕД	2	2	1	0	2	0	0	0	0	2	9
105	М	28	Бурунди	ИМКиМО	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
106	Ж	20	Бенин	ИИТиЕН	2	2	2	2	2	0	1	0	0	2	13
107	М	27	Камерун	ИИТиЕН	2	2	2	0	2	0	2	0	0	0	10
108	М	18	Ангола	ИМКиМО	2	2	2	0	2	0	1	1	0	0	10
109	М	23	Ангола	ИМКиМО	2	2	2	0	2	1	2	0	0	0	11
110	М	24	Гана	ИЭиУ	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	4
111	М	18	Россия	ИЭиУ	2	2	1	2	2	2	2	1	2	2	18
112	Ж	18	Россия	ИЭиУ	2	2	0	0	2	0	2	1	0	1	10
113	Ж	18	Россия	ИЭиУ	2	0	0	0	2	0	2	2	0	2	10
114	Ж	18	Россия	ИЭиУ	2	0	0	1	0	0	0	0	0	0	3
115	М	18	Россия	ИЭиУ	2	0	2	2	2	0	1	2	0	2	13
116	Ж	18	Россия	ИЭиУ	2	0	0	2	2	0	1	0	0	2	9
117	М	21	Бенин	ИЭиУ	1	2	0	0	0	0	0	0	0	2	5
118	М	20	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	2	0	0	0	0	0	0	4
119	М	20	Россия	ИИТиЕН	0	1	0	0	0	0	2	0	0	2	5
120	М	20	Россия	ИИТиЕН	2	1	0	2	2	0	2	2	0	2	13
121	М	25	Украина	ИИТиЕН	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	4
122	Ж	20	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	2	0	0	1	0	0	0	5
123	Ж	20	Россия	ИИТиЕН	2	2	0	2	2	1	2	2	2	2	17
124	М	24	Бурунди	ИИТиЕН	2	2	0	2	0	0	1	0	0	2	9
125	Ж	25	Бурунди	ИИТиЕН	0	2	0	0	2	0	2	0	0	2	8
126	М	20	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	0	2	0	2	0	0	2	8
127	М	21	Россия	ИИТиЕН	2	0	0	0	0	0	2	0	0	0	4
128	М	21	Россия	ИИТиЕН	2	1	0	0	2	0	0	2	0	2	9
129	М	20	Молдова	ИИТиЕН	2	2	0	0	1	1	0	2	0	0	8
130	М	20	Россия	ИИТиЕН	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

131	Ж	20	Россия	ИИТиЕН	0	0	0	2	2	0	0	0	0	0	4
132	М	22	Россия	СТФ	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
133	Ж	20	Россия	СТФ	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0	4
134	Ж	19	Россия	СТФ	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
135	Ж	20	Россия	СТФ	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0	4
136	Ж	21	Россия	СТФ	2	1	2	0	2	0	0	0	0	0	7
137	Ж	20	Россия	СТФ	2	1	0	2	0	0	0	0	0	0	5
138	М	25	Узбекистан	СТФ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
139	М	19	Россия	СТФ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
140	Ж	22	Россия	СТФ	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0	4
141	М	21	Россия	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
142	М	22	Россия	СТФ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
143	Ж	21	Россия	СТФ	2	1	2	0	2	0	2	0	0	0	9
144	Ж	21	Россия	СТФ	1	0	0	0	2	0	0	0	0	0	3
145	М	29	Россия	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	2
146	Ж	23	Россия	СТФ	0	2	2	2	0	0	0	0	0	0	6
147	Ж	26	Россия	СТФ	0	0	0	0	2	2	0	0	0	0	4
148	Ж	20	Россия	СТФ	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	2
149	Ж	21	Россия	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
150	М	20	Россия	СТФ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
151	М	20	Россия	СТФ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
152	Ж	20	Россия	СТФ	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
153	Ж	20	Россия	СТФ	1	0	0	0	2	0	0	0	0	0	3
154	Ж	23	Россия	СТФ	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
155	Ж	24	Россия	СТФ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
156	Ж	20	Россия	СТФ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
157	Ж	21	Россия	СТФ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
158	Ж	20	Россия	СТФ	1	1	2	0	2	0	1	0	0	0	7



159	Ж	21	Россия	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
160	Ж	20	Россия	СТФ	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
161	Ж	20	Россия	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
162	Ж	21	Россия	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
163	М	33	Сьерра Леоне	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
164	Ж	19	Россия	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
165	Ж	45	Украина	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
166	М	26	Сьерра Леоне	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
167	Ж	21	Россия	СТФ	2	0	0	0	2	0	0	0	0	2	6
168	Ж	33	Россия	СТФ	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	2
169	Ж	20	Россия	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
170	Ж	31	Казахстан	СТФ	0	0	0	0	2	0	0	2	0	2	6
171	Ж	20	Россия	СТФ	2	0	0	0	2	0	1	0	0	0	5
172	Ж	19	Россия	СТФ	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
173	Ж	19	Россия	СТФ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
174	Ж	20	Россия	СТФ	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2
175	Ж	22	Россия	СТФ	2	2	0	0	0	0	0	0	0	0	4
176	Ж	19	Россия	СТФ	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	2
177	Ж	20	Россия	СТФ	0	0	0	0	2	0	0	0	0	0	2
178	Ж	19	Россия	СТФ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
<b>Итого</b>					<b>169</b>	<b>69</b>	<b>33</b>	<b>40</b>	<b>134</b>	<b>10</b>	<b>86</b>	<b>42</b>	<b>13</b>	<b>65</b>	<b>661</b>

ИМКиМО – Институт межкультурных коммуникаций и международных отношений

ИИТиЕН – Институт инженерных технологий и естественных наук

ИЭиУ – Институт экономики и управления

МЕД – Медицинский институт

СТФ – Социально-теологический факультет,

УДК 316.43:17

DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-12

Окладникова Е. А. | **Образование к 2030 и 2035 гг.: форсайт-технологии и телеология рисков и благоприобретений**

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; *okladnikova-ea@yandex.ru*

**Аннотация.** В статье рассматриваются содержание, цели и сверхзадачи бизнес-форсайт-проектов будущего российского образования, созданных Агентством стратегических исследований (АСИ) Московской школы управления (МШУ) «Сколково» и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), в частности, проекта «Образование 2015–2030». Методом телеологического анализа анализируются позитивные и негативные стороны этих проектов. В статье обосновывается необходимость теоретического и педагогического осмысления последствий реформаторских идей, таких как: управление образованием по лекалу IT-компаний, онлайн-образовательные технологии, тотальная игрофикация обучения, кастовость будущего общества и другие радикальные социальные и антропологические инновации.

**Ключевые слова:** реформа российского образования; цифровизация человека; «Образование 2015–2035»; глобализация; Интернет вещей; игрофикация обучения; «цифровая школа»; «Алмазный букварь»

**Для цитирования:** Окладникова Е. А. Образование к 2030 и 2035 гг.: форсайт-технологии и телеология рисков и благоприобретений // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2021. Т. 7. № 3. С. 125-149. DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-12

Е. А. Okladnikova | **Education by 2030 and 2035: Foresight Technologies and Teleology of Risks and Benefits**

Herzen State Pedagogical University, 48 Moika Emb., Saint-Petersburg, 191186, Russia;  
*okladnikova-ea@yandex.ru*

**Abstract:** The article examines the content, goals and super-tasks of business foresight projects for the future of Russian education, created by the Agency for Strategic Research (ASI) of the Moscow School of Economics "Skolkovo" and HSE University, in particular "Education 2015–2030". Using the method of teleological analysis, we analyze the positive and negative aspects of these projects. The article substantiates the need for theoretical and pedagogical comprehension of the consequences of the reformatory ideas, such as: education management according to the pattern of IT

companies, online educational technologies, total gamification of education, caste-based society of the future, and other radical social and anthropological innovations.

**Keywords:** reform of Russian education; digitalization of a person; "Education 2015–2030"; globalization; Internet of things; gamification of education; "digital school"; "Diamond primer"

**For citation:** Okladnikova E. A. (2021), "Education by 2030 and 2035: Foresight Technologies and Teleology of Risks and Benefits", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 7 (3), 125-149, DOI: 10.18413/2408-932X-2021-7-3-0-12

### Введение

Цель исследования, представленного в статье, – телеологический анализ, а также анализ рисков и вероятных благоприобретений для нашего общества, заложенных в бизнес-форсайт-проектах будущего глобального и, в частности, российского образования в период с 2015 по 2035 гг., разработанных Агентством стратегических инициатив по продвижению новых проектов (АСИ), Московской школой управления «Сколково» (МШУ), Высшей школой экономики (НИУ ВШЭ) и Сбербанком.

Пандемия COVID-19 спровоцировала многие глобальные проблемы – социальные, экономические, а также активизацию протестных движений и экономическую рецессию. В сфере образования 2020 год стал временем реализации проекта цифровизации образования в мировых масштабах. Цифровизация мировой системы образования – это важная часть нескольких программных документов-проектов будущего российского (как части глобального) образования, таких как «Будущее образования: глобальная повестка», «Дорожная карта АСИ “Будущее глобального образования”», «Образование для сложного мира» (рис. 1), «Образование-2030»<sup>1</sup>, «Форсайт компетенций и “Атлас

новых профессий”», «Тенденции в школьном образовании 2019–2020»<sup>2</sup>, которые, хотя и не обсуждались на широких публичных площадках, но стали проектами последовательных изменений российского образования в соответствии с тенденциями цивилизационных перемен. Эти работы осуществлялись экспертами проекта Агентства стратегических исследований (АСИ) под общим названием «Глобальное будущее образования» (Global Education Futures), которые уверены, что «Нейроинтерфейсы и миниатюризация компьютерных устройств с виртуальной и дополненной реальностью; “Алмазный букварь” (учебник со встроенным искусственным интеллектом, который является персональным тьютором, отвечающим за индивидуальные требования учащегося); гибридные (сетевые) структуры школ вне школы; обучение в группах, связанных нейросетью – все это уже не мечты фантастов, а завтрашний день»<sup>3</sup>.

---

«Образование 2030». [Электронный ресурс] URL: <https://asi.ru/news/2475/> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>2</sup> Тенденции в школьном образовании 2019-2022. Доклад. [Электронный ресурс] URL: <http://bgimc32.ru/wp-content/uploads/2019/08/posobie.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>3</sup> Тенденции в школьном образовании 2019-2022. Доклад. 1. Цифровизация образования. [Электронный ресурс] URL: <http://bgimc32.ru/wp-content/uploads/2019/08/posobie.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).

---

<sup>1</sup> Образование 2030: Дорожные карты образования будущего. Результаты первого российского этапа исследований // MySlide.ru [Электронный ресурс] URL: [https://myslide.ru/presentation/1504133311\\_obrazovanie-2030-doroghnye-karty-buduschego](https://myslide.ru/presentation/1504133311_obrazovanie-2030-doroghnye-karty-buduschego) (дата обращения: 30.06.2021); Представляем дорожную карту

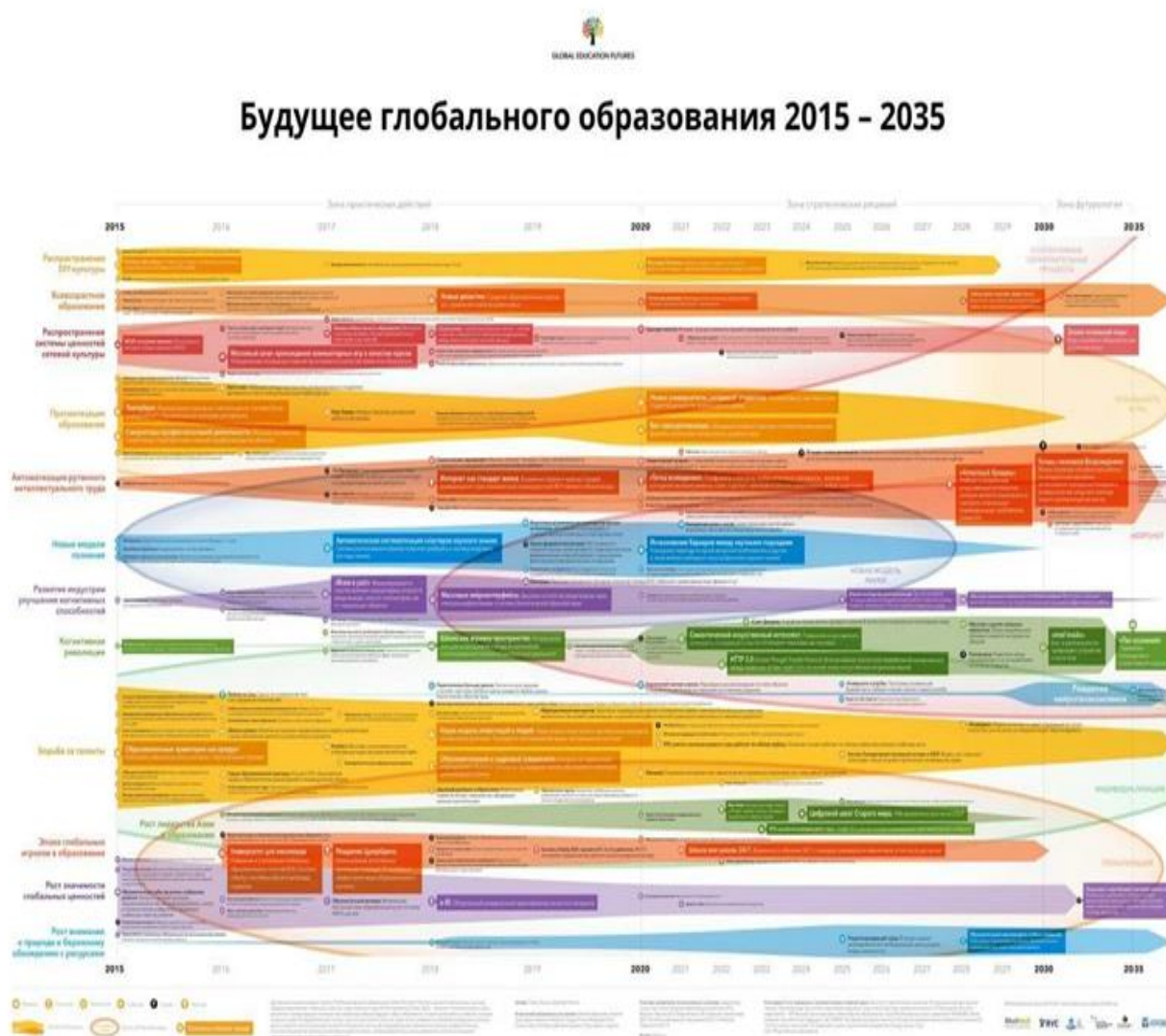


Рис. 1. Дорожная карта АСИ «Будущее российского образования 2015-2035»<sup>4</sup>  
Fig. 1. Roadmap "The future of Russian education 2015-2035"

<sup>4</sup> Глобальное образование 2015-2035. Карта. Приложение к докладу «Будущее образования: глобальная повестка». [Электронный ресурс] URL: [http://rusla.ru/upload/News15/GEF\\_future-map\\_ru.pdf](http://rusla.ru/upload/News15/GEF_future-map_ru.pdf) (дата обращения: 30.06.2021).



Документы «Глобальное будущее образования» (Global Education Futures) бизнес-форсайт-проектов разрабатывались АСИ совместно с МШУ «Сколково», НИУ ВШЭ<sup>5</sup> при участии Сбербанка. Напомним, что АСИ было создано распоряжением Правительства РФ № 1393<sup>6</sup> от 11 августа 2011 г. как автономная некоммерческая организация для улучшения предпринимательской среды и развития профессиональных кадров. Фактически его работа оказалась нацеленной на создание в России к 2035 году «кастового» общества с жесткой дифференцированной социальной системой, которое управляется искусственным интеллектом (ИИ)<sup>7</sup>, и на «капитализацию будущего», включая превращенное в сферу услуг образование. Информация об этих проектах содержится и отчетах (см.: Песков, Форсайт образования...), которые рассматривались на пиар-мероприятиях с участием государственных чиновников разного уровня, менеджеров и IT-экспертов<sup>8</sup>. Ключевые идеи этих документов легли в основу национального проекта «Образование», паспорт которого был утвержден Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)<sup>9</sup>.

<sup>5</sup> Международный научно-образовательный Форсайт центр Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс] URL: <http://forsightsight.hse.ru> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>6</sup> Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов [Электронный ресурс] URL: [http://www.asi.ru/about\\_agency/](http://www.asi.ru/about_agency/) (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>7</sup> Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов [Электронный ресурс] URL: [https://asi.ru/agency/about\\_agency/](https://asi.ru/agency/about_agency/) (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>8</sup> Форсайт-флот 2013: Содержательные итоги, ключевые выводы [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/11791/> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>9</sup> Паспорт национального проекта «Образование». [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).

Критический анализ содержания и целей бизнес-форсайт-проектов будущего российского образования АСИ с 2013 г. публиковался в журналах, входящих в перечень ВАК<sup>10</sup>. Педагоги, историки и философы, авторы этих публикаций выражали тревогу по поводу того, что ключевые положения бизнес-форсайт-проектов легли в основу паспорта национального проекта «Образование»<sup>11</sup>. В 2013–2014 гг. была опубликована серия критических статей Д.В. Евзверова и Б.О. Майера, (Евзверов, Майер, 2013; Евзверов, Майер, 2014b; Евзверов, Майер, 2014a). Этими статьями авторы открыли дискуссию о целях и содержании глобального проекта реформы традиционного института образования, целью которого является разрушение этого института к 2035 году. Они полагают, что структура бизнес-форсайт-проектов реформирования образования «носит черты типичного “карго”-культа», а внимание авторов форсайтов образования сосредоточено исключительно на организационно-финансовой стороне реформирования образования (Евзверов, Майер, 2014a: 119). В частности, в статье (Евзверов, Майер, 2014c: 150-161). Д.В. Евзверов и Б.О. Майер осуществили семантический и контекстуальный анализ онтологических, эпистемологических и аксиологических особенностей бизнес-форсайт-проекта «Образование 2030». Разбор содержания презентации этого проекта, сделанный автором проекта, директором направления «Молодые профессионалы» АСИ, одновременно занимающим пост директора по

<sup>10</sup> Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, составлен и регулярно пересматривается и переутверждается Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ.

<sup>11</sup> Паспорт национального проекта «Образование». [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).

реализации образовательных программ в департаменте корпоративного образования Московской школы управления «Сколково» (МШУ) Д. Песковым, привел их к следующим выводам. Форсайт-проект разделяет школьное образование на очень дорогое, элитарное (офлайн, высококачественное) и дешевое (онлайн, низкий уровень), что будет иметь следствием жесткое социальное расслоение в обществе и приоритет внесистемного образования, смену традиционных педагогических технологий компьютерными игровыми.

В 2018 г. в статье, посвященной осмыслению векторов развития глобальной цивилизации, Сигаев С.Ю. и Науменко Р.А. осуществили анализ дорожной карты АСИ «Образование 2015–2035», выделив ее слабые и сильные стороны (Сигаев, Науменко, 2018: 151-157). Они пришли к выводу, что конечная цель создателей проекта «Образование 2030» – построение неофеодального общества. Также они отметили слабости научной фундированности и теоретической проработки основных ключевых идей форсайтов.

В 2019 г. в журнале «Народное образование» опубликована статья историка О.Н. Четвериковой «Скрытые угрозы российского проекта “Цифровая школа”» (Четверикова, 2019: 9-22). Автор рассмотрела комплекс проблемных вопросов, которые возникли в связи с осуществлением эксперимента по внедрению в школьное образование Москвы «цифровой школы». Она показала, что этот проект был частью бизнес-форсайт-проекта «Образование 2030», провела анализ множества интернет-публикаций, в которых содержится критика бизнес-форсайт-проектов «Образование 2030» и «Форсайт 2015–2035» (см.: Дорожная карта АСИ) и его составной части – «цифровой школы». Автор пришла к выводу, что национальный проект «Образование 2030» – это государственная легитимация форсайт-проектов «Образование 2030» и «Форсайт 2015–2035», за наукообразными терминами и обтекаемыми формулировками позволяю-

щая скрыть суть предлагаемых форсайтами Д. Песковым и П. Лукшей перемен. Кроме указанных выше научных публикаций, критика бизнес-форсайт-проектов опубликована в Интернете, где развернулась острая дискуссия по поводу их содержания и целей.

### ***Краткая история реформирования российского образования***

Ни одно революционное изменение не происходит одномоментно. Каждая социальная революция протекает на волне цивилизационного сдвига и соответствующей ему технологической революции. Лозунгами реформирования глобального образования являются следующие: «смерть человека эпохи Возрождения», «смерть книги, научной статьи», «смерть университета», «смерть традиционной школы» (там же)<sup>12</sup>. Частью предыстории этой реформы образования стал в эпоху глобализации недавний переход управления от финансистов к специалистам в области IT-технологий. Если источником наживы для финансистов были природные ресурсы (углеводороды, древесина, полезные ископаемые), то для новой «айтишной» элиты глобального общества ресурсом становится «новая нефть», а именно, человеческий капитал и связанная с ним система образования (начального, среднего, высшего, дополнительного и др.)

Судя по паспорту, национальный проект «Образование» (2018 г.), являясь составной частью этой глобальной реформы, обладает революционной сутью. Его цели, хотя и провозглашают устойчивое развитие общества будущего, ориентированы на дорожную карту «Будущее глобального образования 2015–2035». Следо-

<sup>12</sup> См. также: Образование 2030: Дорожные карты будущего. [Электронный ресурс] URL: <https://asi.ru/news/2475/> (slideserve.com) (дата обращения: 30.06.2021); Форсайт российского образования 2030. 10.09.2013. Презентация. [Электронный ресурс] URL: <https://slide-share.ru/polnoe-nazvanie-prezentacii1forsajtrossijskogo-obrazovaniya-203010092013-111281> (дата обращения: 30.06.2021).

вательно, сверхзадача Национального проекта «Образование» – отказ от антропоцентристских установок традиционной педагогики в сфере образования и переход к ценностям трансгуманизма<sup>13</sup>.

Всего российское образование после 1917 г. пережило четыре эпохи реформирования: 1) 1920 г. – троцкистский проект разрушения старой школы в России с использованием технологий евгеники, педологии, психоанализа, тестирования интеллекта и т. п. Учащийся оценивался с точки зрения его эффективности для процесса производства; 2) сталинский проект возвращения к дореволюционной классической русской школе; главная задача школы – сочетание русской гимназии с социальными достижениями советской эпохи; цель – формирование фундамента качественного образования, обеспечившего скачок в развитии советской науки; 3) 1960-е годы – отмена единых учебников, формализация процесса обучения, перегрузка школьников, социальная дифференциация школьного образования (появление так называемых простых, английских и математических школ); 4) 1990-е годы – переход образования под внешнее управление, создание Высшей школы экономики и передача ей функций оперативного штаба реформирования образования, экономики и науки. На Западе в 1990-е годы была разработана стратегия коренного реформирования советского образования, которая реализовывалась «через проекты Всемирного банка (ВБ)» (Четверикова, 2019: 9-22). Цель проектов ВБ – радикальная перестройка системы обучения в России под потребности «непланового рынка и открытого общества» (Ильинский). Результат: введение федеральных государственных образовательных стандартов

(ФГОС), которые в дальнейшем постоянно менялись (и продолжают с тех пор меняться), присоединение России к Болонскому процессу, введение единого государственного экзамена (ЕГЭ) в школе как формы итоговой аттестации, использующей контрольные измерительные материалы стандартизированной формы, а также коммерциализация сферы образования; 5) в 2010 году начинают разрабатываться проекты дальнейшего реформирования образования. 2010-е годы – это эпоха «перезагрузки», международного сотрудничества в области экономики, политики и образования, которое продолжает процесс подчинения России транснациональным стратегическим интересам. Группа IT-компаний (Cisco, Samsung, IBM, Microsoft, Huawei) – мировых лидеров в области сетевых технологий под эгидой АСИ начинает разработку проектов «Образование 2030» и «Образование-2035». Cisco (см.: Ермолаев, 2017) действует в рамках меморандума<sup>14</sup> о поддержке образования в столичном регионе, подписанного департаментом образования Москвы. АСИ верифицировала первую версию бизнес-форсайт-проекта «Образование 2030». Над этим проектом с 2010 г. трудилась компания «Метавер» под руководством спецпредставителя президента РФ по цифровому и технологическому развитию Дмитрия Пескова и профессора Московской школы управления (МШУ) Павла Лукши<sup>15</sup>. Участие Cisco в разработке проекта «Образование 2015–2030» было ожидаемо, так как, начиная с 2009 г., компания проводила семинары в Департаменте образования Москвы по темам компетентности и конкурентоспособ-

<sup>13</sup> Трансгуманисты приступили к превращению российских детей в биороботов // Русские вести. Новости. Политика. События. 15.03.21. [Электронный ресурс] URL: <http://ruskievesti.ru/novosti/obrazovanie/transgumanisty-priustupili-k-prevrashheniyu-rossijski-detej-v-biorobotov.html> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>14</sup> Cisco и ИАЦ Департамента образования Москвы подписали меморандум // CNews.ru. Блоги экспертов и IT-компаний. 2009-06-11. [Электронный ресурс] URL: [https://club.cnews.ru/blogs/entry/cisco\\_i\\_iats\\_depamenta\\_cf2b0](https://club.cnews.ru/blogs/entry/cisco_i_iats_depamenta_cf2b0) (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>15</sup> Образование 2030: Дорожные карты будущего. Результаты первого российского этапа исследования. Опубликовано в мае 2011 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.myshared.ru/slide/214897/> (дата обращения: 30.06.2021).

ности кадров, выпускаемых учреждениями профобразования в сфере информационных технологий (Абрамов, 2009).

В 2013 г. в первом ФГОС появился пункт, на который научная общественность не обратила особого внимания. Он гласил, что каждый ребенок с дошкольного возраста (до семи лет) «становится активным в выборе содержания своего образования» (Днепров, 2011). С 2014 г. реформирование образования под руководством Московской электронной школы (МЭШ) перешло в стадию цифровизации (интерактивные доски в школах, электронные учебники, образовательные игротехники и т. п.). Цель МЭШ – вписать Россию в «цифровое общество».

### **Бизнес-форсайт-проекты реформирования российского образования**

Как и любой другой бизнес, форсайт-проект будущего российского образования предполагает определение приоритетов, установление сетевого взаимодействия учащихся и преподавателей, а также формирование консенсусного подхода к решению проблем и достижение целей, поставленных проектировщиками модели будущего образования России. Иными словами, бизнес-форсайт-проекты в сфере образования – это интеллектуальная технология экспертного проектирования будущего, предвидения будущего, управления этим будущим и его маршрутизация.

Таблица 1  
Этапы продвижения проекта АСИ «Образование 2030»  
Table 1  
Stages of promoting the ASI project "Education 2030"

№ п/п / item	Даты / Dates	Акторы / Actors	Результаты / Results
1	2011–2013	АСИ совместно с МШУ «Сколково» и НИУ ВШЭ	Предоставление проекта в качестве «общественной стратегии развития образования» Правительству РФ (см.: Жукова)
2	2013  Сентябрь 2013	Создание re-engineering Futures (RF) Group.  Минобрнауки, Правительство РФ	Продвижение проекта «Метавер» (автор П. Лукша) и «Образование 2030» с помощью Росатома, Россетей, Роснефти, Роснано, японской фирмы Мицубиши МТС, Российского управленческого сообщества участников президентской подготовки управленческих кадров (РУС) на государственный уровень. Введение в действие Федерального закона «Об образовании в РФ» <sup>16</sup>
3	2017	Минобрнауки, правительство Москвы, «Московская электронная школа»	Создание «электронного образовательного пространства» в рамках реализации программы цифровой экономики, начало тотальной цифровизации школьного образования
4	2017	Министр образования и науки О.Ю. Васильева и	Подписание соглашения о взаимодействии между Минобрнауки и правительством Москвы о создании открытой информационно-

<sup>16</sup> Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_140174/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/) (дата обращения: 30.06.2021).



		мэр Москвы С.С. Собянин	образовательной среды «Российская электронная школа» (РЭШ). Указывалось, что РЭШ – это важный шаг на пути реализации поручения президента РФ по формированию «цифровой экономики» <sup>17</sup>
5	2017	Международная образовательная конференция EdCrunch <sup>18</sup> МИСиС, «Рыбаков фонд» <sup>19</sup>	Презентация приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда» (СЦОС). На конференции было объявлено, что к 2025 г. будет создан информационный образовательный портал для всех граждан, обеспечивающий доступ к онлайн-курсам всех уровней образования, интегрированный с единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА). Ключевая роль в интеграции источников финансирования проекта (более 1,3 млрд руб.) отведена «Рыбаков фонду» <sup>20</sup> .
6	2017 декабрь	Д. Песков, премьер-министр РФ Д.А. Медведев	Заявление о запуске приоритетного проекта «Цифровая школа» <sup>21</sup>
7	2018	Минобрнауки РФ, затем – Министерство просвещения РФ	Министерство получило предписание разработать паспорт проекта «Цифровая школа», актуализировать стандарты образования, образовательных программ, контрольных материалов для электронного и дистанционного образования в труднодоступных районах РФ. Бюджет проекта 507,3 млрд руб. (Звезда, Серков). Проект направлен на создание индивидуальных траекторий обучения для учеников.
8	2018	Мэр Москвы С.С. Собянин, ру-	Создание инициативной группы директоров школ Москвы <sup>22</sup> по разработке стратегий буду-

<sup>17</sup> Минобрнауки России и Правительство Москвы заявили о взаимодействии по проекту «Российская электронная школа» // Министерство образования Российской Федерации. 12.09.2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.informio.ru/news/id14583/Minobrnauki-Rossii-i-Pravitelstvo-Moskvy-zajavili-o-vzaimodeistvii-po-proektu-Rossiiskaja-yelektronnaja-shkola> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>18</sup> Международная конференция по новым образовательным технологиям #EdCrunch [Электронный ресурс] URL: <http://2017.edcrunch.ru/> (дата обращения: 15.12.2020). В настоящее время ссылка ведет на сайт конкурса «Школа» Рыбаков Фонда <https://testlk.rybakovschoolaward.ru/>

<sup>19</sup> И.В. Рыбаков – миллиардер (входит в список Форбс), председатель президиума Генерального совета Евразийской организации экономического сотрудничества (ЕОЭС). См.: Сайт Института ускоренного экономического развития «Рыбаков Фонд» [Электронный ресурс] URL: <https://rybakovfoundation.ru/> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>20</sup> EdCrunch-2017 и перспективы современного образования // Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина. Официальный сайт. Новости. 30 сентября 2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.syktu.ru/news/21771/> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>21</sup> Медведев: в России будет запущен приоритетный проект «Цифровая школа» // ТАСС. 13 декабря 2017 [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/ekonomika/4808696> (дата обращения: 30.06.2021).

		ководитель Департамента образования Москвы И.И. Калина	щего образования до 2025 г. <sup>23</sup> . Создание сайта Стратегии-2025 <sup>24</sup> . По факту в инициативную группу вошли «эффективные менеджеры», выступившие от лица молодых «прогрессивных» директоров школ <sup>25</sup> .
9	2018	Центр стратегических разработок НИУ ВШЭ, И.Д. Фрумин (научный руководитель Института образования НИУ ВШЭ) и Я.И. Кузьминов (ректор НИУ ВШЭ)	Доклад «Двенадцать решений для нового образования», содержащий финансовый проект по развитию человеческого капитала. 12 проектов-решений, среди которых: мониторинг динамики развития детей с помощью электронных карт, цифровые учебно-методические комплексы (УМК) и учебники, онлайн-курсы, обучающие цифровые стимуляторы, подключение всех школ к Интернету, развитие талантов детей по модели сочинского «Сириуса» <sup>26</sup> .
10	2018–2020	Министерство труда и социальной защиты РФ	План мероприятий по проведению Десятилетия детства. Раздел «Современная инфраструктура детства» <sup>27</sup> предусматривает организацию научных исследований социального и психологического портрета ребенка с дальнейшей оценкой перспектив и направлений его индивидуального развития. Ответственной за мониторинг исследований назначена ВШЭ.
11	2018	Министр просвещения РФ О.Ю. Васильева	Разработка паспорта проекта «Образование» <sup>28</sup> . Под общей шапкой прописаны 10 конкретных проектов реформирования школьного образования: «Современная школа» (учителя без педагогического образования, школа без оценок, пред-

<sup>22</sup> Учительское сообщество Москвы подготовит стратегию развития столичного образования до 2025 года // Официальный портал мэра и правительства Москвы. 26 февраля 2018. [Электронный ресурс] URL: [http://www.mos.ru/mayor/the\\_mos/15299/4615050/](http://www.mos.ru/mayor/the_mos/15299/4615050/) (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>23</sup> Московское образование. Стратегия 2025 // Сайт Сергея Собянина. 2 марта 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sobyanin.ru/strategiya-2025> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>24</sup> Стратегия развития московского образования до 2025 года [Электронный ресурс] URL: [https://dpgaidar.mskobr.ru/files/attach\\_files/strategiya2025.docx](https://dpgaidar.mskobr.ru/files/attach_files/strategiya2025.docx) (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>25</sup> Москву ожидает прицельно новая система школьного образования // ЖЖ. 2 апреля 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <http://annatubten.livejournal.com/571682.html> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>26</sup> Учебный план на 8 триллионов. ВШЭ и ЦСР предложили проект реформы образования // РБК. Газета. 5 апреля 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2018/04/05/05ac/4d5309a79430d2f1b3b7> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>27</sup> Детство без родителей: план «Десятилетия детства» превратили в инструмент социальной инженерии от Кудрина и ректора ВШЭ Кузьминова // РИА Катюша. 31 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://katyusha.org/view?id=10007> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>28</sup> Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс] URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjFOFcqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).

			метная технология обучения детей в «Технопарках» и т.п.); «Успех каждого ребенка» (ранняя профориентация детей); «Поддержка семей» (цифровое просвещение родителей); «Цифровая образовательная среда» (использование на уроках дополненной реальности и т. п.); «Учитель будущего» (цифровая переподготовка учителей); «Экспорт образования» (расширение образовательных программ, прошедших международную аккредитацию).
12	2019	Мэр Москвы С.С. Собянин	Открыт доступ к РЭШ всем желающим, включая иностранных педагогов, которые смогут загружать в систему свои методические материалы (Четверикова).

17 декабря 2013 г. состоялась первая открытая лекция директора направления АСИ «Молодые профессионалы» Д. Пескова по результатам трехлетней работы над бизнес-форсайт-проектами будущего российского образования с участием 1000 экспертов, представленной в «картах будущего» российского образования до 2030 года (см.: Песков, 13 лекций о будущем).

Революционная направленность этих бизнес-форсайт-проектов обозначена в выступлениях Д. Пескова такими ключевыми понятиями, как «точка прорыва» и «точка Бога». «Точками прорыва» в проектах являются: разделение участников глобального образовательного процесса на 1) *революционеров*, а именно: представителей IT-сферы, крупного бизнеса, компетентных родителей, НКО, «метаверов» как глобальных университетов; и 2) *консерваторов* (академическую элиту, несознательных родителей, педагогов, детей, которые хотят учиться оффлайн) (см.: Лукша, Кубиста, Ласло и др., 2019). «Точка Бога» в этих проектах – это перевод личности живого человека в цифру. Согласно идеям Д. Пескова, понятие «точка прорыва» также связано с работой «инициативной группы» по разработке МЭШ. Так, в представлении членов «инициатив-

ной группы» системными «точками прорыва» являются педагогические технологии: 1) «*Поток*» (цифровая персонализированная образовательная траектория ученика, указывающая персонифицированный маршрут, по которому ему нужно двигаться по жизни) (см.: Федюшина, 2018); и 2) «*Рост*» (замена пятибалльной системы оценок достижений ученика на стобалльную, включающую психологические, мотивационные, госпитальные показатели ученика, что предполагает оценку не знаний, а компетенций ученика) (см.: Мисник, 2018).

РЭШ – это шаг на пути формирования «индивидуального портфеля компетенций» ученика, который будет привязан к единой системе идентификации и аутентификации гражданина РФ и единой биометрии (ЕБМ). Цель этой работы – определение пожизненной социальной роли каждого гражданина (социальное рейтингование) для перевода управления этим обществом Искусственному Интеллекту<sup>29</sup>. «Цифровая школа» – это не только образо-

<sup>29</sup> Либеральный погром образования: в Москве хотят заменить школьные экзамены «персональными траекториями развития» // РИА Катюша. 13.03.2018 [Электронный ресурс] URL: / <http://katyusha.org/view/id=9544> (дата обращения: 30.06.2021).

вательный, но и социально-политический проект, направленный на создание кастового общества с жесткой системой контроля, селекции и принуждения.

С телеологической точки зрения, то есть с позиций учения об объяснении развития явлений в современном мире (вклю-

чая образование как социальный институт), с помощью анализа их содержания и целевых причин, можно выявить сверхзадачи каждого из этапов (с 2017 по 2035 гг.) реформирования образования, предлагаемых авторами бизнес-форсайт-проектов.

Таблица 2

Краткий обзор содержания, целей и сверхзадач бизнес-форсайт-проектов реформирования образования (2010–2035)<sup>30</sup>

Table 2

A brief overview of the content, goals and overarching objectives of business foresight projects of education reform (2010–2035)

№	Период / Period	Содержание / Content	Цель / Aim	Сверхзадача / Super task
1	2017– 2022	Начало ликвидации традиционной образовательной модели	Замена роли государства и профессионального (педагогического) сообщества бизнес-возможностями нового сектора <sup>2</sup>	Исключение государства из образовательной политики, переход управления во всех сферах человеческой деятельности к ТНК, начало эпохи формирования трех каст: касты «людиардеров», «людей, способных к образованию» и «людей одной кнопки» (Евзрезов, Майер, 2014а).
2	2018– 2020	Вся информация о людях хранится в Сети и доступна управляющей элите в любой точке глобального мира.	Пересмотр и пересборка принципов управления знаниями, наукой, архивами, образованием.	Монетизация и сегрегация образования, дешевое обучение (онлайн), доступное бедным, и очень дорогое офлайн-образование, предназначенное для касты богатых.
3	2020– 2025	Введение внесистемного образования, «цифровые ученики», множество форм обучения, трансформация и международная сертификация ЕГЭ. Вместо государства	Замена учителя его аватаром, введение института тьюторов, самостоятельной образовательной траектории по выбору школьника, «Алмазного букваря» (там же), кадровое обнов-	Смерть человека эпохи Возрождения, конец галактики Гуттенберга, сворачивание школьной системы, смерть книги, научной статьи и т. п.

<sup>30</sup> Глобальное образование 2015–2035. Карта. Приложение к докладу «Будущее образования: глобальная повест-ка» [Электронный ресурс] URL: [http://rusla.ru/upload/News15/GEF\\_future-map\\_ru.pdf](http://rusla.ru/upload/News15/GEF_future-map_ru.pdf) (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>31</sup> Лукша Павел Олегович // Персона РФ [Электронный ресурс] URL: <https://whoiswhopersona.info/archives/66874> (дата обращения: 30.06.2021).



		работодатель (ТНК) начинает оказывать стратегическое влияние на школу. Создание онлайн-педагогики, единственная образовательная технология – игровая (Митева, 2013), с установкой на переформатирование ценностей и «игророботу» для школьников.	ление преподавателей <sup>32</sup> , отмена экзаменов, замена их практиками внешнего аудита, создание профилей компетенций <sup>33</sup> , которые заменят сначала диплом об образовании, а затем и трудовые книжки.	
4	2025–2035	Перевод образования на когнитивные технологии, установление прямой связи между компьютером и нервной системой человека. Формирование к 2035 году внесистемных провайдеров образования, при этом «дети-2020» смогут не заходить в систему образования. Традиционные решения в образовании будут дорожать, а инновационные (цифровые) дешеветь, поэтому от цены вопроса будет зависеть скорость наступления новой эры образования (см.: Будущее образования...).	Начало Второй психоделической революции, прямой обмен информацией между нервными системами людей и Нейросетью. Момент, когда все культурное наследие и сам человек окажутся в Сети Д. Песков и П. Лукша называют «Точкой Бога» (см.: Будущее образования...), образование по американскому финансовому проекту Upstar приобретет глобальный и универсальный характер.	Перевод жизни людей в «цифру». Нормой жизни станет цифровая копия человека в форме страницы в социальной сети. Реализация трансгуманистических теорий, превращение людей в «новую нефть», введение норм цифрового рабства в систему образования. Перевод человека из реального мира в мир дополненной реальности, Интернет становится системой управления образованием в глобальном мире, а нейротехнологии (ИИ) осуществляют процесс и контроль пожизненного обучения и переобучения человека.

<sup>32</sup> Презентация на тему: «Будущее образования: глобальная повестка». Результаты работы по Форсайту образования 2030. Дмитрий Песков, директор направления «Молодые профессионалы», 27 декабря 2013, АСИ. Слайд № 16 [Электронный ресурс] URL: <http://www.myshared.ru/slide/929460/> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>33</sup> «Эффективные менеджеры» Исаака Калины отменяют пятибалльную шкалу оценок в школе и грозятся распространить свой эксперимент на всю страну [Электронный ресурс]. URL: <http://katyusha.org/view?id=9783>.

### **Телеология рисков и благоприобретений бизнес-форсайт-проектов реформирования российского образования**

Если выделить базовые цели проектов реформирования российского образования до 2035 года, то их телеологический анализ можно осуществить по следующим темам: 1) причины применения форсайт-технологий реформирования образования; 2) технологии организации реформирования; 3) экспертная методика прогнозирования.

*Причины и цели форсайт-технологий реформирования образования.* В четвертом разделе презентации своей «Открытой лекции» (Песков. Форсайт образования – 2030), а также в презентации по докладу<sup>34</sup> Д. Песков выделил три системы образования: 1) раннеиндустриальное, или традиционное (представленное школами, профтехучилищами и вузами); 2) индустриальное (образование советского типа); 3) постиндустриальное (онлайн-образование, компетенции, проектная деятельность, метакомпетенции). Он заметил, что «вызовы времени» (а именно, цивилизация информационного общества) требуют «драматической» ломки традиционного образования<sup>35</sup>.

*Благоприобретения*, которые возникают в результате этой трансформации, как полагает Д. Песков, определяются следующими трендами или тенденциями, требующими изменения школьного образования: быстрое развитие промышленности, появление новых отраслей производства и связанных с ними новых профессий (компетенций), которые традиционное – как школьное, так и университетское – образование не могут удовлетворить. Эффективность некоторых производственных отрас-

лей уже сегодня увеличилась в 10 раз, а следовательно, и эффективность образования нужно увеличить в 10 раз за счет ИТ-технологий обучения; диагностируется снижение здоровья школьников; проявляет себя необходимость обновления кадрового состава учителей, образовательных программ, образовательных технологий (см.: Песков. Форсайт образования – 2030)<sup>36</sup>.

*Риски:* нам представляется, что все перечисленное выше – это не причины, а поводы. Истинными причинами разработки АСИ и аффилированными с ним структурами бизнес-форсайт-проектов являются следующие: 1) на волне глобализации произошла замена финансовой управленческой элиты ИТ-элитой, вызванная, в свою очередь, становлением нового технологического (цифрового) уклада (см.: Калашников, 2017: 329-335); 2) кризис традиционной семьи и традиционной модели детства (см.: Верещагина, 2009: 15-20); 3) утрата формальным образованием монополии на обучение и социализацию молодежи<sup>37</sup>; 4) разрушение российского культурного канона (см.: Школьников); 5) девальвация традиционных русских культурных кодов (см.: Фрумкина, 2000; Переслегин, 2020). В презентации доклада Д. Пескова «Будущее образования: глобальная повестка» (см.: Будущее образования: глобальная повестка) нет верификации данных об увеличении эффективности производства в 10 раз. Не приведены показатели, которыми должно измеряться каче-

<sup>36</sup> Там же. Слайд № 6.

<sup>37</sup> В 1997, 2002 и 2005 годах между Правительством РФ и Международным Банком реконструкции и развития (МБРР) были подписаны соглашения о займах на модернизацию образования. Стратегия развития образования включала: ослабление государственного влияния и ориентация образования на требования рынка труда. Вот некоторые из первоочередных рекомендаций МБРР: «закрывать педагогические институты»; «закрывать профессиональные училища»; ввести «подушевое финансирование школ»; «не повышать долю расходов на высшее или среднее профессионально-техническое образование в общем объеме ВВП»; «устранить “несправедливость и неэффективность экзаменационной системы”» (см.: Стеценко, 2011).

<sup>34</sup> Презентация на тему: «Будущее образования: глобальная повестка». Результаты работы по Форсайту образования 2030. Дмитрий Песков, директор направления «Молодые профессионалы», 27 декабря 2013 г., АСИ [Электронный ресурс]. URL // <http://www.myshared.ru/slide/929460/> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>35</sup> Там же. Слайды 1-2.

ственно-количественное увеличение эффективности образования.

Кроме того, стоит вспомнить, что, начиная с 1997 г., однотипные проекты реформирования образования как на глобальном, так и на региональном (Россия) уровнях возникали один за другим (проекты Международного Банка реконструкции и развития (Стеценко, 2011), проект ВШЭ<sup>38</sup>, Министерства просвещения<sup>39</sup>, проект АСИ, Сбербанк и МШУ «Солково»<sup>40</sup>). Хотя работа по реформированию российского образования в 2010 г. была начата АСИ и аффилированными структурами<sup>41</sup>, теневым инициатором проектной работы был Евросоюз, заказчиками — чиновники-«евробюрократы»<sup>42</sup>.

Документы, изготовленные неформальными структурами при Европарламенте (см.: Сошников, 2015) (например, Болонского процесса (см.: Тюгашев)), стимулировали бюрократический террор в школах и вузах; компетенции, написанные как под копирку, вводились в ФГОС 3+, а затем и в каждую рабочую программу; правила аккредитации вузов, которые менялись несколько раз в процессе аккредитации вузов и т. п.)<sup>43</sup>, легли в основу

ФГОС, ФГОС-3, ФГОС-3+, ФГОС 3+++ (см.: Игнатъев, Алексеева, Богушевич, 2019: 13-25). Многим работникам системы российского образования за последнее время становится все более ясно, что эти депрессивные инструменты реформирования российского образования долго работать без корректив не смогут (см.: Евзвров, Майер, 2014b: 133-138).

Форсайт — это технология долгосрочного прогнозирования, способ построения согласованного, взвешенного, ответственного образа будущего в любой сфере культуры, в том числе и в образовании (см.: Сиагев, Науменко, 2018: 151-157). Форсайты как технологии включают следующие этапы: обдумывание будущего, споры о будущем, создание образов будущего, определение возможного будущего, проработка стратегий его достижения и выбор тактик (см.: Соколов). В своих форсайт-проектах будущего российского образования представители АСИ определили свою работу как выражение своего отношения к будущему глобального мира в целом. В этих форсайтах их отношение к глобальному будущему имеет не педагогический, а ярко выраженный характер американизированного бизнес-проекта: ключевые стейхолдеры (владелец доли или благо-

<sup>38</sup> Двенадцать решений для нового образования. М., 2018 [Электронный ресурс]. URL: [www.hse.ru/data/2018/04/04/1164616802/Доклад\\_образование.pdf](http://www.hse.ru/data/2018/04/04/1164616802/Доклад_образование.pdf).

<sup>39</sup> 9 проектов, которые изменят российское образование. Версия Министерства просвещения [Электронный ресурс]. URL: [https://www.hse.ru/data/2018/04/04/1164616802/Доклад\\_образование.pdf](https://www.hse.ru/data/2018/04/04/1164616802/Доклад_образование.pdf) (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>40</sup> О проекте «Образование 2030» [Электронный ресурс]. URL: <https://fioco.ru/Contents/Item/Display/2201455> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>41</sup> Образование 2020–2030: будущее наступило вчера [Электронный ресурс]. URL: [https://habr.com/ru/company/uchi\\_ru/blog/512690/](https://habr.com/ru/company/uchi_ru/blog/512690/) (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>42</sup> Как устроен Европейский союз // Newsland. Информационно-дискуссионный портал [Электронный ресурс]. URL: <https://newsland.com/user/4297693453/content/kak-ustroen-evropeiskii-soiuz/5669336> (дата обращения: 30.06.2021).

<sup>43</sup> 3++, или Минобр утвердил новые ФГОСы с ориентацией на «компетенции» <https://belovet.livejournal.com/628963.html>; Форум «Большая учительская» технологии [Электронный ресурс]. URL: <https://easysen.ru/forum/6> (дата обращения 14.03.2021); Federal state education standard of higher education (the field of training: 44.03.01) approved by the order №121 in February 22, 2018: the portal of federal state education standards for higher education [Электронный ресурс]. URL <https://social.hse.ru/data/2015/11/03/1078141073/fool%20STANDART%20MAG.pdf>; Federal state education standard of higher education (the field of training: 040100) approved by the order № 121 in January 10, 2010: the portal of federal state education standards for higher education [Электронный ресурс]. URL <https://social.hse.ru/data/2015/11/03/1078140803/FE-DE-RAL%20STATE%20EDUCATIONAL%20STANDAR-D.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).

приобретатели процентов) договаривались о политических и экономических путях и алгоритмах, запечатленных в картах достижения желаемого ими будущего. Внутри этих проектов реформирования российского образования создаются новые бизнесы, фигурируют частные инвестиции и формируются стартапы. Эти бизнес-форсайты образования не могут быть национальными: в их основе – ориентация на мировой стандарт и интересы глобального бизнеса, а также идеи глобального рынка и интересы ТНК.

В проектах АСИ сам социальный институт образования понимается как рынок, а именно, как одна из сфер платных услуг широкого профиля (от пренатального образования до пожизненного дополнительного образования и переквалификаций человека в течение всей жизни) (см.: Образование для сложного мира). Люди, задействованные на этом рынке услуг, – это «игроки», совершающие свои действия в интересах ТНК (там же). Транснациональные финансовые корпорации образуют вторую группу игроков на рынке образовательных услуг, инвестирующих, т. е. «скупающих» талантливых молодых профессионалов-учащихся еще в школе. «Молодые профессионалы», по мысли авторов проектов, входят в глобальную систему образования в качестве потребителей образовательных услуг вместе с учителями, выступающими в статусе наставников-«фасилитаторов». Но в 2035 году педагогов заменят электронные тьюторы-«гуру». Третья группа игроков – это родители, которые разделяются на «сознательных» – сторонников дистанционного образования, и «не сознательных», то есть тех, кто сопротивляется процессу цифровизации образования (см.: Лиферов, 2007)<sup>44</sup>.

<sup>44</sup> См. также: Презентация на тему «Будущее образования: глобальная повестка». Результаты работы по Форсайту образования 2030, Дмитрий Песков, директор направления «Молодые профессионалы», 27 декабря 2013, АСИ (слайд № 22) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.myshared.ru/slide/929460/> (дата обращения: 30.06.2021).

При этом в форсайт-проектах отсутствует фундированная система аргументов, обосновывающих необходимость кардинальной перестройки традиционного образования, не рассматриваются теории и подходы к обучению и образованию как социальному институту. Форсайтеров занимает исключительно организационная и экономическая цель их проектной работы.

### **Экспертный прогноз**

**Благоприобретения.** Бизнес-форсайт-проекты будущего российского образования предполагают работу с проектами будущего несколькими методами: методом проектных команд, методом картографирования (создания дорожных карт процесса), методом экспертных оценок. В случае разработки дорожных карт будущего российского образования, формирования «Атласа профессий будущего», организации образовательного процесса детей был применен метод экспертных оценок в формате, который используется для стратегирования направлений в области экономики, менеджмента и IT-технологий (см.: Стеценко, 2011). В качестве экспертов к работе над проектами привлекались представители бизнес-сообщества, чиновники, экономисты, IT-специалисты. А вот к обсуждению на публичной арене уже готовых проектов и созданию стратегий будущего образования до 2025 года в 2018 году были допущены только молодые, прогрессивно мыслящие «реформаторы», противостоящие «консерваторам»<sup>45</sup>, которые по факту оказались «эффективными менеджерами».

Ключевым ресурсом для формирования новой общественной стратификации разработчики форсайт-проектов реформы образования РФ считают информационно-коммуникативные технологии (ИКТ): Big Data (см.: Форсайт российского образования 2030)<sup>46</sup> (2015–2016); мультисенсорный Интернет (2016–2017); семантические пе-

<sup>45</sup> Там же. Слайд № 22.

<sup>46</sup> Там же. Слайд № 4.



реводчики (Т9) (2020); искусственный интеллект (ИИ) (2025)<sup>47</sup>. Одно из направлений работы АСИ «Молодые профессионалы», которое возглавляет Д. Песков, – это создание 25 млн. рабочих мест к 2025 г. с помощью системы компетенций, связанных с ними квалификаций и повышения количества рабочих профессий, что само по себе не плохо. Однако есть *риски*: получается, что образование будущего – это практико-ориентированное обучение. Тогда возникает вопрос относительно фундаментального теоретического образования, цель которого гораздо шире профессионально-технического, в том числе прикладного технического, которое будет востребовано роботизированными производствами будущего. Школьное образование старших классов и высшее вузовское образование традиционно формировало мировоззрение, научную картину мира, а не исключительно практические профессиональные компетенции. Прикладной компетентностный подход к образованию приведет, с одной стороны, к возникновению легко управляемого большинства «людей одной кнопки», готовых к переходу к трансгуманистическим трансформациям, а с другой – к переформатированию геополитических центров силы. Такая смена форматов системы образования приведет к переходу власти от национальных государственных институтов к ТНК (см.: Sudaков, 2016). Поэтому бизнес-форсайт-проекты российского образования – это не прогнозы. Это инструменты конкуренции финансистов и цифровиков за будущее (Образование для сложного общества, 2018). Проектируемое создание 25 млн. рабочих мест по лекалам западных ИТ-компаний – идея, конечно, хорошая, но проблема в том, что эти места нам необходимо создавать не в США или в Западной Европе, а в России.

При всех видимых преимуществах использования ИКТ в служебных целях для улучшения жизненной инфраструкту-

ры современного общества, каждая из названных создателями форсайт-проектов будущего образования технологий имеет свои негативные аспекты. Big Data в контексте разработок фирмы DARPA в сфере образования направлена на тотальный пожизненный сбор биометрических данных (см.: Ваннах, 2014). Мультисенсорный Интернет, семантические переводчики, нейросети находятся в стадии разработки, и их реализация и прямое использование в сфере образования сегодня откладывается на будущее.

Руководствуясь исключительно организационно-экономическими интересами глобальных бизнес-элит, движимых финансовыми интересами, конкуренцией на производственных и образовательных рынках, авторы форсайтов официально продвигают идею сегментации и расслоения образовательного ландшафта на «элиту» и «чернь». Дифференциация в сфере образования была всегда, но в условиях цифрового и роботизированного уклада будущего эта дифференциация приобретает негативный смысл, включающий в себя противостояние продвинутой элиты и «людей одной кнопки»; трансформацию всеобщего образования в сегментированный рынок образовательных услуг; конкуренцию между независимыми и глобальными провайдерами образовательных услуг; постепенное устранение государства от формирования образовательной политики; становление практики Lego-образования (см.: Форсайт российского образования 2030)<sup>48</sup> (Песков, 13 лекций...).

Ключевыми педагогическими технологиями, которые авторы форсайтов понимают как *благоприобретения*, должны стать: учебные игровые технологии, возникшие за счет увеличения компьютерной игровой компоненты в образовании (см.: Форсайт российского образования 2030)<sup>49</sup>, а именно: дополненная реальность (2014–2016); эффект присутствия (2018–2020);

<sup>48</sup> Там же. Слайд № 2.

<sup>49</sup> Слайд № 25.

<sup>47</sup> Там же. Слайд № 7.

виртуальная реальность (2020) (там же)<sup>50</sup>. Вводится понятие «игроработа» (там же)<sup>51</sup>, предполагающая использование детского труда. При этом предполагается, что дети совместят развлечения, обучение и работу (за деньги). Мотивированные игрой, они с ранних лет легко утратят грань между виртуальной игровой реальностью и жизнью в обществе и, постоянно играя в «полезные для работодателя игры», начнут приносить в семью или корпорацию доход.

*Риски.* Возникают вопросы к следующим идеям разработчиков форсайтов: 1) игровые педагогические технологии – это способ обеспечить большие заработки для IT-компаний, занятых производством компьютерных игр, с одной стороны, а с другой – снятие негативной коннотации с игровой зависимости у школьников и студентов. Понятно, что это ставит ряд законодательных, психологических, этических и медицинских проблем; 2) нейрохирургические и генетические образовательные технологии (Форсайт российского образования 2030)<sup>52</sup>, применение фармакологии (2016–2020) – насколько это безопасно для здоровья детей; обучение 24 часа 7 дней в неделю (2030), вероятно, такой образовательный тайм-менеджмент должен иметь индивидуальные ограничения; генетические профили учащихся (2020–2030), вероятно, эта идея нажимается в законодательной проработке; импланты (2020–2030); биологическая обратная связь (БОС)<sup>53</sup>, поддерживающая индивидуальную образовательную траекторию ученика (2030–2035) (см.: Форсайт российского образования 2030)<sup>54</sup> нуждаются в более высоком уровне разработок в области IT-технологий, чем современные. Кроме того, генетические профили учащихся, как известно, игнорируют все педагогические принципы традиционной школы и направлены на киборгизацию челове-

ка в рамках трангуманистической концепции. Психотропные препараты и импланты, повышающие когнитивные способности учеников к традиционной школьной педагогике не имеют никакого отношения и представляют угрозу ЗОЖ. Возможность обучаться 24 часа 7 дней в неделю – это прекрасная перспектива для взрослого человека, знакомого с тайм-менеджментом, но не для детей. Связь достижений ученика и его здоровья имеет следующий вид: чем выше достижения в обучении, тем чаще встречаются отклонения в здоровье. Механический перенос БОС из медицины в обучение / образование вряд ли сможет быть корректирующей технологией и работать так же, как и в индивидуальной медицине для взрослых. Появятся сбои в программе индивидуальной образовательной траектории ученика, которые, разумеется, будут списаны на счет ученика, снижения показателей его успеваемости и т. п.

*Технологии организации школьного образования*, которые авторы форсайтов считают *благоприобретениями*, к 2025 году проектируются в документах реформаторов образования следующим образом: большая часть обучения детей будет протекать вне школы; жесткая конкуренция между государственными школами и негосударственными провайдерами образовательных услуг за учеников; упразднение классно-урочной системы; ребенок строит свою образовательную траекторию самостоятельно, не ориентируясь на экзаменационные испытания, а создавая портфель личных компетенций, который станет предметом купли-продажи на рынке труда в его будущем (см.: Форсайт российского образования 2030)<sup>55</sup>.

Во втором разделе доклада «Смена модели организации бизнесов и управлений в отраслях» Д. Песков утверждает, что любую образовательную организацию будущего в России необходимо строить по модели IT-отрасли (см.: Песков, Форсайт

<sup>50</sup> Там же. Слайд № 4.

<sup>51</sup> Там же. Слайды № 23, 24.

<sup>52</sup> Там же. Слайд № 4.

<sup>53</sup> Там же. Слайд № 14.

<sup>54</sup> Там же. Слайд № 35.

<sup>55</sup> Там же. Слайд № 7-8.

«Образования 2030»...)<sup>56</sup>. Еще один вариант организации индивидуального образования озвучен Д. Песковым как идея о «трех циклах» индивидуального обучения: дневном (лекции можно слушать каждый день); годовом (точное понимание, сколько лекций вы прослушаете за год и какой уровень квалификации получите) и жизненном (двух-, трехгодичный или пожизненный цикл обучения).

*Риски.* Возникает сомнение в том, что такого рода индивидуальное образование возможно в принципе, когда представленный сам себе ребенок, обучающийся онлайн, после ухода родителей 24 часа в сутки, 7 дней в неделю сам с собой играет в обучающие игры, оттачивая компетенции, которые сделают его конкурентно-способным на рынке труда. Школы, в свою очередь, будут объединяться в холдинги и транснациональные образовательные корпорации с частным финансированием. Учителя, в соответствии с этим планом, разделятся на *тьюторов*, отслеживающих индивидуальные образовательные траектории дистанционно, и *интеграторов*, подбирающих образовательный контент под запросы конкретных школ, классов учащихся, закупая его на независимых образовательных сервисах.

В этом случае вся структура управления российским образованием будет полностью разрушена, а государственная система школьного образования окажется приватизированной крупными «игроками» рынка образовательных услуг, производителями импортных образовательных сервисов и IT-технологий. Тотальность Интернета, который в области технического сопровождения контролируется силовыми структурами США, массовые виртуальные миры, цифровая копия мира – это основ-

ные технологии, которые способствуют трансформации образовательной системы по мысли Д. Пескова и П. Лукши (Евзверов, Майер, 2014b: 139). При этом не стоит забывать, что Интернет есть недружественная интересам национальных государств виртуальная среда. Доверять этой среде обучение наших детей – дело небезопасное. Кроме того, в IT-отраслях уровень производства и управления сближены. Другое дело образование. Если управленческие процессы начнут работать в отрыве от технологий обучения (педагогических технологий), то образование рухнет как социальный институт. Циклы индивидуального образования, о которых рассказывал Д. Песков, – это не учебные циклы и соответствующие им учебные планы, а обычный тайм-менеджмент и лайф-менеджмент.

В заключение приведем несколько итоговых наблюдений. Модель будущего (форсайт) системы российского образования, какой ее видят разработчики описанных выше бизнес-форсайт-проектов реформирования российского образования Д. Песков и П. Лукша, несмотря на необычную терминологию («Точка прорыва», «Точка Бога», «Алмазный букварь» (см.: Учебник со встроенным ИИ...), «тьютор», «учитель-фасилитатор», «ИИ», «гуру», «Путь Героя» (Форсайт российского образования 2030)<sup>57</sup>, «МООС»<sup>58</sup> (Massive Open Online Course) (там же)<sup>59</sup>, лю-

<sup>57</sup> Там же. Слайд № 21.

<sup>58</sup> Cisco – это транснациональная корпорация, которая является мировым лидером в области сетевых технологий, предназначенных для интернета. МООС прошла апробацию в университете Сан-Хосе, где располагается штаб-квартира Cisco.

<sup>59</sup> Презентация на тему: «Будущее образования: глобальная повестка». Слайд № 30, 32, 33; Материалы для дополнительного изучения: Форсайт образования 2030 (версия 2010 г.): [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/MetaverMedia/2030-8031807> (дата обращения: 30.06.2021); Анализ потребностей заказчиков образования (версия 2010 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/MetaverMedia/stakeholders-edu2030-v-jan27> (дата обращения: 30.06.2021);

<sup>56</sup> Презентация на тему: «Будущее образования: глобальная повестка». Результаты работы по Форсайту образования 2030 Дмитрий Песков, директор направления «Молодые профессионалы», 27 декабря 2013, АСИ. [Электронный ресурс] URL: <http://www.myshared.ru/slide/929460/> (дата обращения: 30.06.2021).

диардеры (бизнесмены, занимающиеся венчурными инвестициями в талантливых школьников и студентов, владеющие командами лучших специалистов, у которых капиталы в акциях человеческого капитала: пакетах владения людьми) (см.: Песков. Форсайт образования-2030) и др.), детерминирована работой двух базовых социологических законов. Первым является закон социальной дифференциации и интеграции, другим – закон социальной эволюции. Согласно закону социальной дифференциации и интеграции, мировая история еще не знала общества, в котором бы не было статусно-ролевого разделения людей. Тем не менее, капитализация образования и превращение его в сферу услуг, разделение процесса обучения на *премиальный* (с живыми образовательными сервисами: частными учителями, тьюторами, гувернерами, классно-урочной системой) и *массовый* (пакетные образовательные системы с длинными обучающими игровыми сервисами) и *низкобюджетный* (игровые системы образования в виртуальных мирах) сегментами в итоге приведет к социальной сегрегации и новому кастовому обществу. Такое общество по-разному описано фантастами, например, Г. Уэллсом в «Машине времени», И.А. Ефремовым в «Часе быка», А. Азимовым в «Академии». В обществе, которое прогнозируют Д. Песков и П. Лукша, будут не две касты, как у Г. Уэллса в «Машине времени», а три: *управленческая элита* и примкнувшие к ним *полезные работники*, и остальные – *люди одной кнопки*. Даже беглое знакомство с прожеками (форсайтами) по реформированию российского образования

АСИ, НИУ ВШЭ, МШУ «Сколково» и их авторами П. Лукшей и Д. Песковым, делает понятным, что они являют собой примеры «слепого копирования» идей из разных контекстов: фантастического, управленческого, экономико-производственного, но только не педагогического. Так, в бизнес-форсайт-проектах реформирования традиционного образования уместные и значимые в фантастическом контексте идеи переносятся в несопоставимые контексты современной социальной реальности.

Второй социологический закон – закон социальной эволюции – также проявляется в упомянутых выше форсайт-бизнес-проектах. Социальные институты и социальный институт образования трансформируются, отвечая на «вызовы времени». Всю историю социального института образования Д. Песков разделил на три этапа: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный. Но он не учел, что работа по реформированию образования велась постоянно, начиная с античности. Несомненными достижениями было введение всеобщего начального образования германским императором Карлом Великим, а затем и русской императрицей Екатериной II, которые способствовали развитию наук, искусств, техники. В форсайтах российского образования настораживает то, что многие недостаточно фундированные, а также теоретически и практически не выверенные идеи этих документов уже вошли в национальный проект «Образование». Правда, пока в национальном проекте «Образование» не провозглашаются идеи «смерти книги», «смерти научной статьи, журнала и Академии наук», «конца школы» и «смерти человека эпохи Возрождения», а затем и перевода человека «в цифру», обозначенные в дорожных картах к форсайтам глобального образования (см.: Дорожная карта АСИ «Будущее российского образования 2015-2035»). Тем не менее, перечень «практических компетенций» студента сегодня уже стал обязательным местом в рабочей программе каждого

Форсайт высшего образования (версия 2012 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slideshare.net/ASI-12/2030-14471230> (дата обращения: 30.06.2021); Форсайт образования: глобальная повестка <http://asi.ru/foresight/new2035/> (дата обращения: 30.06.2021); Выступление И.Д. Фрумина на Форсайт-Флоте. [Электронный ресурс]. URL: [http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d\\_no=60839#.UizmH8azKuI](http://strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=60839#.UizmH8azKuI) (дата обращения: 30.06.2021).



учебного курса, согласно регламентам ФГОС.

Д. Песков определил рассмотренные выше проекты реформирования российского образования как конкретную «практическую вещь». Он утверждает, что «в ряду других форсайтов, к ним прилагаются следующим этапом дорожные карты, которые показывают, как к этому будущему перейти, проекты, которые наполняют эту дорожную карту. И мы работаем с лидерами и их командами, которые могут реализовывать эти проекты, и стараемся наполнять эти проекты ресурсами» (Песков, 13 лекций о будущем). Та форма, в которой представлены проекты (форсайты), а именно: тексты докладов, брошюры, «дорожные карты» – как форматы представления размышлений авторов проектов, очень далеки от документов системного планирования развития российского образования.

В итоге стоит указать, что, как показал анализ практики дистанционного обучения за 2020 год, ИТ-технологии, ресурсы Интернета, новые организационно-педагогические технологии, дополненная реальность, виртуальные миры – сегодня это вполне приемлемое дополнение к традиционному образованию. Пандемия коронавируса, объявленная ВОЗ в 2020 году, продемонстрировала, что в процессах трансляции и сохранения знания произошли крупные изменения, обусловленные появлением Интернета. Тем не менее, Интернет и ИТ-технологии не являются принципиально новыми моделями хранения и передачи информации, они лишь служат целям мультипликации этих процессов. Модель же создания знаний осталась прежней, аристотелевской. Интернет не является самостоятельной силой, способной уничтожить дипломы об образовании, заменить собой существующие образовательные структуры» (Песков, Форсайт образования – 2030). Также не стоит забывать, что Интернет – это подконтрольный инструмент военного ведомства США, который также является инициатором гло-

бальной реформы образования (см.: Чеботарева, 2012: 249).

С одной стороны, идеи авторов форсайтов в разделе дорожной карты «Будущее глобального образования 2015–2035. Футурология» (см.: Дорожная карта АСИ...) о смерти человека эпохи Возрождения, книги, научной статьи, традиционного университета, традиционной школы, настораживают. С другой стороны, заставляют вспомнить эпизод из пьесы Ф. Дюрренмата «Ромул Великий». Главная тема спектакля в постановке театра Вахтангова: искусство расставания с великим прошлым и его социальными институтами – властью, государством, образованием на закате Римской империи. В пьесе варвары входят в Рим с лозунгами: «За свободу и крепостное право!», «За бога и рабство» (Федоренко, 2021), которые столь созвучны информации раздела «Футурология» в дорожной карте «Будущее глобального образования 2015–2030».

Знакомство с документами форсайт-проектов показало, с какой легкостью авторы осуществляют подмену вопросов реформирования образования в России вопросами об экономическом захвате образовательного рынка страны. По мнению Д. Пескова, человек будущего, прошедший все уровни онлайн-образования и ставший компетентным, стремится к превращению себя в «человека одной кнопки», «которому вообще не хочется думать, чтобы пользоваться, например, картографическими сервисами. <...> Лучше не учить потребителей для производства, а взять для этой цели роботов» (Песков, Форсайт образования – 2030). Напрашивается вопрос: а что делать с отсутствием людей, которые будут конструировать, изготавливать и обслуживать этих роботов? Эту роль будет выполнять каста «элитарных управленцев» или «компетентных профессионалов»? Хотелось бы еще понять, какие образовательные механизмы будут разделять учащихся на элиту и «людей одной кнопки». Неужели этим механизмом будет уровень материального достатка, который обеспечит

возможность заплатить за элитарное образование? С точки зрения многочисленных благоприобретений, которые рисуют дорожные карты этих форсайтов, понятно, что в «светлом трансгуманистическом царстве» машины будут создавать и обслуживать машины, а человек станет цифрой и тем самым обретет бессмертие. Риск будет только один – исчезновение Человека как вида.

### Источники

Будущее образования: глобальная повестка // RUSINFOGUARD [Электронный ресурс]. URL: [http://rusinfoguard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda\\_ru\\_full.pdf](http://rusinfoguard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda_ru_full.pdf) (дата обращения: 30.06.2021).

Дорожная карта АСИ «Будущее глобального образования 2015–2035» [Электронный ресурс]. URL: [http://rusla.ru/upload/News15/GEF\\_future-map\\_ru.pdf](http://rusla.ru/upload/News15/GEF_future-map_ru.pdf) (дата обращения: 30.06.2021).

Учебник со встроенным ИИ, который является персональным тьютором, отвечающим индивидуальным требованиям учащегося [Электронный ресурс]. URL: <https://disk.yandex.ru/i/RVc3YO1dJLLCnA> (дата обращения: 30.06.2021).

Форсайт компетенций 2030 и «Атлас новых профессий». Т. 5 / АСИ. – Екатеринбург: Издательские решения, 2017. 498 с.

Форсайт российского образования 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://slide-share.ru/polnoe-nazvanie-prezentacii1forsajtrossijskogo-obrazovaniya-203010092013-111281> (дата обращения: 30.06.2021).

### Литература

Абрамов, А. Компания Cisco и Информационно-аналитический центр Департамента образования г. Москвы совместно внедряют информационно-коммуникативные технологии в образование // Инфокоммуникации онлайн. 11.06.2009 [Электронный ресурс]. URL: <https://ict-online.ru/news/n60453/> (дата обращения: 30.06.2021).

Ваннах, М. Так зачем DARPA открывает всему свету закрома инноваций? // Компьютерра. 10 февраля 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.computerra.ru/93853/tak-zachem-darpa-otkryivaet-vseму-svetu-zakroma-innovatsiy> (дата обращения: 30.06.2021).

Верещагина, А.В. Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе: Автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 46 с.

Днепров, Э.Д. Новейшая политическая история российского образования: опыт и уроки. Изд. 2-е, доп. М.: Мариос, 2011. 456 с.

Евзрезов, Д.В., Майер, Б.О. «Образование 2030» – вызов системе образования. 1. Форсайт образования – план создания «Людей одной кнопки»? // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (18). С. 118-149.

Евзверов, Д.В., Майер, Б.О. «Образование 2030» – вызов системе образования. 2. Форсайт образования – смена модели детства? // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (18). С. 133-149.

Евзрезов, Д.В., Майер, Б.О. Форсайт и российское образование: онтологический анализ // Профессиональное образование в современном мире. 2013. № 3 (10). С. 17-28.

Ермолаев, А. Когда, как и зачем московские школы станут электронными // CNews. 18 октября 2017. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.cnews.ru/reviews/gov2017/interviews/artem\\_ermolaev](https://www.cnews.ru/reviews/gov2017/interviews/artem_ermolaev) (дата обращения: 30.06.2021).

Жукова, Г.К. Какое будущее нам готовят либералы-от-образования // konkir.ru: информационно-аналитический и учебно-просветительский портал [Электронный ресурс]. URL: <https://konkir.ru/articles/kakoe-budushchee-nam-gotovyat-liberaly-ot-obrazovaniya> (дата обращения: 30.06.2021).

Звездина, П., Серков, Д. Цифровизация за 500 млрд: как школьников отучат от бумажных учебников [Электронный ресурс]. URL: РБК.20/06/2018/5af1a9f69a79478564b01d91/2018 (дата обращения: 30.06.2021).

Игнатъев, В.П., Алексеева, Т.Е., Богушевич, И.П. Основные принципы актуализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 6. С. 13-25.

Ильинский, И.М. Западу не нужен образованный русский народ [Электронный ресурс]. URL: [https://www.liveinternet.ru/users/ivanov\\_mark/post258607737/](https://www.liveinternet.ru/users/ivanov_mark/post258607737/) (дата обращения: 30.06.2021).

Калашников, С.В. Цифровая экономика и новый технологический уклад // Научные

труды Вольного экономического общества России. 2017. Т. 207. С. 329-335.

Лиферов, А.П. Образование в стратегиях транснациональных корпораций // Порталус. 30 октября 2007. [Электронный ресурс]. URL: [https://portalus.ru/modules/shkola/rus\\_readme.php?subaction=showfull&id=1193747172&archive=1196814959&start\\_from=&ucat=&](https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193747172&archive=1196814959&start_from=&ucat=&) (дата обращения: 30.06.2021).

Лукша, П. Образование для сложного мира. 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosuchebnik.ru/upload/iblock/780/780276327b856072bd5d282452d6a55e.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).

Лукша, П., Кубиста, Д., Ласло, А. и др. Образование для сложного общества: Доклад Global Education futures [Электронный ресурс]. URL: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshhestva.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).

Мисник, Л. Покушение на балл: школьников лишат пятерок // Газета.ру. 01.08.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/08/01/11878735.shtml> (дата обращения: 30.06.2021).

Митева, Ц. Павел Лукша: «Собрать себя как специалиста можно будет и без университета» // Московские новости. 06.01.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mn.ru/society/85401> (дата обращения: 30.06.2021).

Переслегин, С.Б. Русский культурный код – 4 страшных удара за столетие // AfterShock. 4 сентября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/901110&full> (дата обращения: 30.06.2021).

Песков, Д. Форсайт образования – 2030: Открытая лекция [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s8-Otu5L534> (дата обращения: 30.06.2021).

Песков, Д. 13 лекций о будущем [Электронный ресурс]. URL: [http://asi.ru/news/14770/?sprase\\_id=55510](http://asi.ru/news/14770/?sprase_id=55510) (дата обращения: 30.06.2021).

Песков, Д., Лукша, П., Безруков, А. Национальная технологическая инициатива [Электронный ресурс]. URL: [http://news.nti2035.ru/wp-content/uploads/2020/12/prezentaciya\\_forsajta\\_2020\\_-2035-karty-budushhego.pdf](http://news.nti2035.ru/wp-content/uploads/2020/12/prezentaciya_forsajta_2020_-2035-karty-budushhego.pdf) (дата обращения: 30.06.2021).

Сиагев, С.Ю., Науменко, Р.А. Осмысление вектора развития процессов глобализации и построении общества 5.0 в форсайт-проекте «Образование 2015–2035» // Методолого-теоретический и технологический ресурс развития информационно-технологической образовательной среды. М. – Караганда: Ваш формат, 2018. С. 151-157.

Соколов, А.В. Форсайт: взгляд в будущее [Электронный ресурс]. URL: [www.hse.ru/data/166/971/1237/%D0%A1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2.pdf](http://www.hse.ru/data/166/971/1237/%D0%A1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2.pdf) (дата обращения: 30.06.2021).

Сошников, А.Е. Понятие компетенции в образовательном стандарте третьего поколения // Современная педагогика. 2015. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagogika.snauka.ru/2015/08/4837> (дата обращения: 12.06.2021).

Стеценко, О. Реформа образования в России: реальность и перспективы // Русская народная линия (Санкт-Петербург). 11.10.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/34167660/36620576.html> (дата обращения: 30.06.2021).

Тюгашев, Е.А. Философия Болонского процесса [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/2377015-pall.html> (дата обращения: 30.06.2021).

Федоренко, Е. «Ромул Великий» в театре Вахтангова: погубило ли куроводство Римскую империю? // Газета «Культура». 26.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/theater/331104-romul-velikiy-v-teatre-vakhtangova-pogubilo-li-kurovodstvo-rimskuyu-imperiyu/> (дата обращения: 30.06.2021).

Федюшина, Э.Е. Будущее школ глазами московских директоров через ПОТОК, РОСТ и МЭШ // Педсовет – персональный помощник педагога. 3 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pedsovet.org/article/budusee-skol-glazami-moskovskih-direktorov-cerez-potok-rost-i-mes> (дата обращения: 30.06.2021).

Фрумкина, Р. Размышления о каноне // Русский журнал. 8 ноября 2000. [Электронный ресурс]. URL: [http://old.russ.ru/ist\\_sovr/20001108\\_frum.html](http://old.russ.ru/ist_sovr/20001108_frum.html) (дата обращения: 30.06.2021).

Четверикова, О.Н. Скрытые угрозы российского проекта «Цифровая школа» // Народное образование. 2019. № 1. С. 9-22.

Школьников, А. Сила русского культурного канона [Электронный ресурс]. URL: <https://shkolnikov.info/articles/136-chelovek-i-obshchestvo/81630-sila-russkogo-kul-turnogo-kanona> (дата обращения: 30.06.2021).

Sudakov, D., Luksha, P. and others. Skills technology foresight guide. M.: SKOLKOVO Education Center (SEDeC), June 2016. 56 p.

### Sources

Dorozhnaya karta ASI "Budushee global'nogo obrazovaniya 2015–2035" [ASI Roadmap "The Future of Global Education 2015–2035"] [Online], available at: [http://rusla.ru/upload/News15/GEF\\_future-map\\_ru.pdf](http://rusla.ru/upload/News15/GEF_future-map_ru.pdf) (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Forsayt kompetentsiy 2030 i "Atlas novykh professiy". T. 5 (2017) [Foresight of competencies 2030 and "Atlas of new professions" Vol. 5], Izdatel'skie resheniya, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Forsayt rossiyskogo obrazovaniya 2030 [Foresight of Russian education 2030] [Online], available at: <https://slide-share.ru/polnoe-nazvanie-prezentatsii1forsajtrossiyskogo-obrazovaniya-203010092013-111281> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

"The future of education: the global agenda", *RUSINFOGUARD* [Online], available at: [http://rusinfoguard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda\\_ru\\_full.pdf](http://rusinfoguard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda_ru_full.pdf) (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Uchebnik so vstroennym II, kotoryi yavlyaetsya personal'nyim tyuterom, otvechayushiy individual'nyim trebovaniyam uchashchegosya [A textbook with a built-in AI, which is a personal tutor that meets the individual requirements of the student] [Online], available at: <https://disk.yandex.ru/i/RVc3YO1dJLLCnA> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

### References

Abramov, A. (2009), "Cisco and the Information and Analytical Center of the Moscow Department of Education jointly implement information and communication technologies in education", *Infokommunikatsii onlayn* [Infocommunications online] [Online], available at: <https://ict-online.ru/news/n60453/> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Chetverikova, O. N. (2019), "Hidden threats of the Russian project 'Digital School'",

*Narodnoe obrazovanie* [Public Education], 1, 9-22 (in Russ.).

Dneprov, E. D. (2011), *Noveyshaya politicheskaya istoriya rossiyskogo obrazovaniya: opyt i uroki* [The latest political history of Russian education: experience and lessons], Marios, Moscow, Russia (in Russ.).

Ermolaev, A. (2017), *Kogda, kak i zhem moskovskie shkoly stanut elektronnyimi* [When, how and why Moscow schools will become electronic] [Online], available at: [https://www.cnews.ru/reviews/gov2017/interviews/artem\\_ermolaev](https://www.cnews.ru/reviews/gov2017/interviews/artem_ermolaev) (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Evzrezov, D. V. and Mayer, B. O. (2013), "Foresight and Russian education: an ontological analysis" *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire* [Professional education in the modern world], 3 (10), 17-28 (in Russ.).

Evzrezov, D. V. and Mayer, B. O. (2014), "'Education 2030' a challenge to the education system. 1. Foresight of education plan for creating 'One-button People'?", *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2 (18), 118-149 (in Russ.).

Evzverov, D. V. and Mayer, B. O. (2014), "'Education 2030' – a challenge to the education system 2. Foresight of education-changing – the model of childhood?", *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2 (18), 133-149 (in Russ.).

Fedorenko, E. (2021), "'Romulus the Great' in the Vakhtangov Theater: did chicken farming ruin the Roman Empire?", *Gazeta "Kul'tura"* [The newspaper "Culture"] 26.01.2021 [Online], available at: <https://portal-kultura.ru/articles/theater/331104-romul-velikiy-v-teatre-vakhtangova-pogubilo-li-kurovodstvo-rimskuyu-imperiyu/> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Fedyushina, E. E. (2018), "The future of schools through the eyes of Moscow principals through FLOW, GROWTH and MASH", *The pedagogical Council is a personal assistant to the teacher. March 2018* [Online], available at: <https://pedsovet.org/article/budusee-skol-glazami-moskovskih-direktorov-cerez-potok-rost-i-mes> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Frumkina, R. (2000), *Razmyshleniya o kanone* [Reflections on the canon] [Online], available at: [http://old.russ.ru/ist\\_sovr/20001108\\_frum.html](http://old.russ.ru/ist_sovr/20001108_frum.html) (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).



Ignatiev, V. P., Alekseeva, T. E. and Bogushevich, I. P. (2019), “Basic principles of updating federal state educational standards of higher education”, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 6, 13-25 (in Russ.).

Ilyinsky, I. M. *Zapadu ne nuzhen obrazovannyi russkiy narod* [The West does not need an educated Russian people] [Online], available at:

[https://www.liveinternet.ru/users/ivanov\\_mark/post258607737/](https://www.liveinternet.ru/users/ivanov_mark/post258607737/) (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Kalashnikov, S. V. (2017), “Digital economy and a new technological way of life”, *Scientific Proceedings of the VEO of Russia*, 207, 329-335 (in Russ.).

Liferov, A. P. (2007), *Obrazovanie v strategiyakh transnatsional'nykh korporatsiy* [Education in strategies of transnational corporations] [Online], available at: [https://portalus.ru/modules/shkola/rus\\_readme.php?subaction=showfull&id=1193747172&archive=1196814959&start\\_from=&ucat=&](https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1193747172&archive=1196814959&start_from=&ucat=&) (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Luksha, P. (2012), *Obrazovanie dlya slozhnogo mira* [Education for a complex world] [Online], available at: <https://rosuchebnik.ru/upload/iblock/780/780276327b856072bd5d282452d6a55e.pdf> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Luksha, P., Kubista, D., Laszlo, A. and others (2019), *Obrazovanie dlya slozhnogo obshchestva. Doklad Global Education futures* [Education for a complex society. The report of Global Education futures] [Online], available at: <http://vcht.center/wp-content/uploads/2019/06/Obrazovanie-dlya-slozhnogo-obshchestva.pdf> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Misnik, L. (2018) *Pokushenie na ball: shkol'nikov lishat pyaterok* [Attempt on the score: schoolchildren will be deprived of top marks] [Online], available at: [www.gwzeta.ru/social/2018/08/01/11878735.shtml](http://www.gwzeta.ru/social/2018/08/01/11878735.shtml) updated (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Miteva, Ts. (2013), “Pavel Luksha: “It will be possible to assemble yourself as a specialist even without a university”, *Moscow news 06.01.2013* [Online], available at: <https://www.mn.ru/society/85401> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Pereslegin, S. B. (2020) *Russkiy kul'turnyi kod – 4 strashnykh udara za stoletie* [Russian cultural code – 4 terrible blows for a century]

[Online], available at: <https://aftershock.news/?q=node/901110&full> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Peskov, D. *13 lektsiy o muzyke* [13 lectures on the future] [Online], available at: [http://asi.ru/news/14770/?sprase\\_id=55510](http://asi.ru/news/14770/?sprase_id=55510) (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Peskov, D. *Forsayt obrazovaniya – 2030: Otkrytaya leksiya* [Foresight of education – 2030: Open lecture] [Online], available at: <http://leader-id.ru/event/223/> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Peskov, D., Luksha, P. and Bezrukov, A. *Natsional'naya tekhnologicheskaya initsiativa* [National Technological Initiative] [Online], available at: [http://news.nti2035.ru/wp-content/uploads/2020/12/prezentatsiya\\_forsajta\\_2020\\_-2035-karty-budushhego.pdf](http://news.nti2035.ru/wp-content/uploads/2020/12/prezentatsiya_forsajta_2020_-2035-karty-budushhego.pdf) (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Shkolnikov, A. *Sila russkogo kul'turnogo kanona* [The power of the Russian cultural canon] [Online], available at: <https://shkolnikov.info/articles/136-chelovek-i-obshchestvo/81630-sila-russkogo-kul-turnogo-kanona> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Siagev, S. Yu. and Naumenko, R. A. (2018), “Understanding the vector of development of globalization processes and building society 5.0 in the foresight project ‘Education 2015-2035’”, *Metodologo-teoreticheskiy i tekhnologicheskii resurs razvitiya informatsionno-tekhnologicheskoy obrazovatel'noy sredy* [Methodological-theoretical and technological resource for the development of information and technological educational environment], Vash format, Moscow–Karaganda, Russia, 151-157 (in Russ.).

Sokolov, A. V. *Forsait: vzglyad v budushee* [Foresight: a look into the future] [Online], available at: [www.hse.ru/data/166/971/1237/%D0%A1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2.pdf](http://www.hse.ru/data/166/971/1237/%D0%A1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2.pdf) (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Soshnikov, A. E. (2015), “The concept of competence in the educational standard of the third generation”, *Sovremennaya pedagogika* [Modern pedagogy], 8 [Online], available at: <https://pedagogika.snauka.ru/2015/08/4837> (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

Stetsenko, O. (2011), *Reforma obrazovaniya v Rossii: realnost' i perspektivy* [Education reform in Russia: reality and prospects] [Online], available at: <https://www.hse.ru/news/34167660/36620576.html>. (Accessed 30 June 2021) (in Russ.).

